

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИНИОН РАН)

СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 11

СОЦИОЛОГИЯ

2024 – 1

Издается с 1991 года
Выходит 4 раза в год
Индекс серии 2.11

DOI: 10.31249/rsoc/2024.01.00

Учредитель
Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук

Редакционная коллегия серии «Социология»

М.А. Ядова – канд. социол. наук, гл. ред. (ИНИОН РАН); *Г.С. Абдирайымова* – д-р социол. наук (КазНУ им. аль-Фараби); *Е.В. Андрианова* – канд. социол. наук (ТюмГУ, ЗСФ ФНИСЦ РАН); *А.С. Готлиб* – д-р социол. наук (СамГУ); *Л.Д. Гудков* – д-р филос. наук (НИУ ВШЭ); *В.А. Давыденко* – д-р социол. наук (ТюмГУ); *А.Ю. Долгов* – канд. социол. наук, отв. секретарь (ИНИОН РАН, НИУ ВШЭ); *Я.В. Евсеева* – (Университет Витовта Великого); *Д.В. Ефременко* – д-р полит. наук (ИНИОН РАН); *М.В. Ильин* – д-р полит. наук (МГИМО МИД России, ИНИОН РАН, НИУ ВШЭ); *А.Ю. Казакова* – д-р социол. наук (КГУ им. К.Э. Циолковского, ИНИОН РАН); *Е.В. Карчагин* – д-р филос. наук (ВолгГТУ); *Ю.А. Кимелев* – д-р филос. наук (ИНИОН РАН); *В.Г. Немировский* – д-р социол. наук (ИНИОН РАН); *В.Г. Николаев* – канд. социол. наук (НИУ ВШЭ, ИНИОН РАН); *Г.А. Погосян* – д-р социол. наук, академик НАН РА, иностранный член РАН (Институт философии, социологии и права НАН РА); *Е.Ю. Рождественская* – д-р социол. наук (НИУ ВШЭ, ФНИСЦ РАН); *А. Степченко* – PhD (Латвийский ун-т); *Л.Г. Титаренко* – д-р социол. наук (БГУ); *Н.Н. Федотова* – д-р социол. наук (МГИМО МИД России); *А.Ф. Филиппов* – д-р социол. наук (НИУ ВШЭ); *Е.В. Якимова* – канд. филос. наук (ИНИОН РАН)

Информационно-аналитический журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология = Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11. Sociology» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

ISSN 2219-8830

Номер регистрационного свидетельства ПИ № ФС 77-80063 от 31.12.2020

© ИНИОН РАН, 2024

INSTITUTE OF SCIENTIFIC INFORMATION FOR SOCIAL SCIENCES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES (INION RAN)

**SOCIAL SCIENCES
AND
HUMANITIES**

DOMESTIC AND FOREIGN LITERATURE

INFORMATION-ANALYTICAL
JOURNAL

SERIES 11

SOCIOLOGY

2024 – 1

Published since 1991
Frequency: 4 issues per year
Series index 2.11

DOI: 10.31249/rsoc/2024.01.00

Founder

***Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences***

Editorial Board of the «Sociology» Series

M.A. Yadova – Candidate of Sociological Sciences, Editor-in-Chief (INION RAN); *G.S. Abdirajymova* – Doctor of Sociological Sciences (Al-Farabi Kazakh National University); *E.V. Andrianova* – Candidate of Sociological Sciences (Tyumen State University, WSB – FCTAS RAS); *A.S. Gotlib* – Doctor of Sociological Sciences (Samara University); *L.D. Gudkov* – Doctor of Philosophical Sciences (HSE University); *V.A. Davydenko* – Doctor of Sociological Sciences (Tyumen State University); *A.Yu. Dolgov* – Candidate of Sociological Sciences, Executive Secretary (INION RAN, HSE University); *Ya.V. Evseeva* – (Vytautas Magnus University); *D.V. Efremenko* – Doctor of Political Sciences (INION RAN); *M.V. Ilyin* – Doctor of Political Sciences (MGIMO-University, MFA of Russia, INION RAN, HSE University); *A.Yu. Kazakova* – Doctor of Sociological Sciences (INION RAN, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski); *E.V. Karchagin* – Doctor of Philosophical Sciences (Volgograd State Technical University); *Yu.A. Kimelev* – Doctor of Philosophical Sciences (INION RAN); *V.G. Nemirovsky* – Doctor of Sociological Sciences (INION RAN); *V.G. Nikolaev* – Candidate of Sociological Sciences (HSE University, INION RAN); *G.A. Pogosyan* – Doctor of Sociological Sciences, Full Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of Philosophy, Sociology and Law of NAS RA); *E.Yu. Rozhdestvenskaya* – Doctor of Sociological Sciences (HSE University, FCTAS RAS); *A. Stepčenko* – PhD (University of Latvia); *L.G. Titarenko* – Doctor of Sociological Sciences (Belarusian State University); *N.N. Fedotova* – Doctor of Sociological Sciences (MGIMO-University, MFA of Russia); *A.F. Filippov* – Doctor of Sociological Sciences (HSE University); *E.V. Yakimova* – Candidate of Philosophical Sciences (INION RAN)

The information-analytical journal «Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11. Sociologiya = Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11. Sociology» is indexed in Russian Science Citation Index (RSCI).

ISSN 2219-8830

© INION RAN, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В XXI ВЕКЕ

Ядова М.А. Социальная психология перед вызовами современности: <i>введение к тематическому разделу</i>	9
Якимова Е.В. Премия Кули-Мида как индикатор развития теоретической и прикладной социальной психологии в США (2019–2022) (Обзор)	14
Немировский В.Г. Почему люди совершают скверные поступки? Исследования мотивации неэтичного поведения	41
Казакова А.Ю. Показатели краудинга в зарубежных эмпирических исследованиях	62
Ядова М.А. Рецензия на книгу: Влияние пандемии на личность и общество: психологические механизмы и последствия / отв. ред. Т.А. Нестик, А.Л. Журавлев, А.Е. Воробьева ...	85
Раренко А.А. Социальная психология здоровья: по страницам журнала «Социальная психология и общество» (Обзор)	96

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА

Давыденко В.А., Андрианова Е.В., Черненко А.С. Куда стремятся экзистенциальные социология, антропология, психология и психиатрия: критический анализ (Обзор Международного хэндбука Routledge по экзистенциальной гуманитарной науке. Часть 1)	119

ЦИФРОВАЯ СОЦИОЛОГИЯ

- Толкачева Е.В. Особенности процессов сбора и обработки социологических данных с применением цифровых технологий 146
- Реф. ст.: Бандинелли К., Гандини А. Приложения для знакомств: неопределенность маркетизированной любви 155

СОЦИОЛОГИЯ ПАНДЕМИИ

- Реф. ст.: Пандемия COVID-19 и молодежь в современной и исторической перспективе: больше давления, больше нестабильности / Макдональд Р., Кинг Х., Мерфи Э., Джилл В. ... 161

CURRICULUM: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИКА

- Ройс Дж. Некоторые замечания об аномалиях самосознания. Часть 1. (Пер. с англ. В.Г. Николаева) 165

CONTENTS

ISSUE THEME: SOCIO-PSYCHOLOGICAL RESEARCH IN THE XXI CENTURY

Yadova M.A. Social psychology facing the challenges of the modern world: <i>introduction to the thematic section</i>	9
Yakimova E.V. The Cooley-Mead Award as an indicator of the development of theoretical and applied social psychology in the Unites States (Literature review)	14
Nemirovsky V.G. What causes people to do bad things? Research on the motivations for unethical behavior	41
Kazakova A.Yu. Indicators of overcrowding in foreign empirical studies	62
Yadova M.A. Book review: The impact of the pandemic on the individual and society: psychological mechanisms and consequences / ed. by T.A. Nestik, A.L. Zhuravlev, A.E. Vorobyova	85
Rarenko A.A. Social psychology of health: review of the journal "Social psychology and society" (Literature review)	96

EXISTENTIAL HUMAN SCIENCE

Davydenko V.A., Andrianova E.V., Chernenko A.S. Where existential sociology, anthropology, psychology and psychiatry strive: a critical analysis (Review of the Routledge international handbook of existential human science. Part 1)	119

DIGITAL SOCIOLOGY

Tolkacheva E.V. Features of the processes of collecting and processing sociological data using digital technologies	146

Article summary: Bandinelli C., Gandini A. Dating apps: the
uncertainty of marketised love 155

PANDEMIC SOCIOLOGY

Article summary: The COVID-19 pandemic and youth in recent,
historical perspective: more pressure, more precarity /
Macdonald R., King H., Murphy E., Gill W. 161

CURRICULUM: SOCIOLOGICAL CLASSICS

Royce J. Some observations on the anomalies of self-conscious-
ness. Part 1 (Translated from English by
V.G. Nikolaev).....165

**ТЕМА НОМЕРА:
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ В XXI ВЕКЕ**

УДК 316.6

DOI: 10.31249/rsoc/2024.01.01

ЯДОВА М.А.* СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ СОВРЕМЕННОСТИ: *введение к тематическому разделу*

Аннотация. Анализируются тенденции и проблемы, характерные для современных исследований социально-психологического профиля. Показано, что полноценное изучение человека и его жизнедеятельности невозможно без междисциплинарного подхода и использования опыта смежных социально-гуманитарных дисциплин.

Ключевые слова: социальная психология; современность; междисциплинарный подход.

Для цитирования: Ядова М.А. Социальная психология перед вызовами современности: введение к тематическому разделу // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2024. – № 1. – С. 9–13. – DOI: 10.31249/rsoc/2024.01.01

Статья поступила: 11.03.2024.

Принята к публикации: 15.03.2024.

YADOVA M.A.** Social psychology facing the challenges of the modern world: introduction to the thematic section

* Ядова Майя Андреевна – кандидат социологических наук, заведующая отделом социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; m.yadova@mail.ru

** Yadova Maiya Andreevna – Candidate of Sociological Sciences, Head of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; m.yadova@mail.ru

Abstract. The article analyses the trends and problems typical for modern socio-psychological research. It is shown that a full-fledged study of human beings and their life activity is impossible without an interdisciplinary approach and the use of the experience of related social and humanitarian disciplines.

Keywords: social psychology; modernity; interdisciplinary approach.

For citation: Yadova M.A. Social psychology facing the challenges of the modern world: introduction to the thematic section. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2024. – N 1. – P. 9–13. DOI: 10.31249/rsoc/2024.01.01

Received: 11.03.2024.

Accepted: 15.03.2024.

Социальная психология – одна из наиболее родственных социологии отраслей научного знания. Эти две дисциплины изучают человеческое поведение, сознание и особенности взаимодействия людей друг с другом, хотя и делают это разными способами: для социальных психологов важнее то, как, взаимодействуя с окружающими, человек мыслит и воспринимает мир, для социологов главное – выяснить, как социальные факторы детерминируют поведение и сознание людей. Обе дисциплины используют схожие эмпирические методы для сбора данных и проверки гипотез: опрос, интервью, наблюдение и эксперимент. Всегда полезно «сверить часы» со смежной научной дисциплиной, оценив характерные для нее тенденции и новые подходы. Кратко остановимся на том, как современная социальная психология меняется перед вызовами времени.

Отечественная исследовательница Н.В. Гришина считает, что на развитие современной социальной психологии в XXI в. оказывают влияние несколько факторов. Во-первых, это изменения социальной реальности, ее временных и пространственных характеристик; во-вторых, соответствующие им изменения способов взаимодействия человека с окружающим миром, проявляющиеся в преобразовании жизненных стратегий, системы ценностей, индивидуализации жизненных сценариев; и, наконец, тенденции развития самой социальной психологии: превращение социальной пси-

хологии в фундаментальную науку, расширение ее проблемного поля, методологии и категориального аппарата [Гришина, 2011].

Социолог Е.В. Якимова полагает, что социальная психология как научная дисциплина в нынешнем веке станет более дробной и мозаичной [Якимова, 2012]. Британская исследовательница М. Уэзерелл связывает трансформацию социальной психологии не только с вызовами времени, но и с изменениями внутри дисциплины и в общественном сознании в целом [Wetherell, 2011, p. 400]. Она отмечает, что сегодня социальная психология переживает размывание дисциплинарных границ. Если раньше социальная психология «размещалась» в структуре социального знания между психологией личности и социологией, преимущественно используя аналитические инструменты общей психологии, то в последние годы социальные психологи часто опираются на наработки, имеющиеся в исследованиях социогуманитарного профиля. В свою очередь, представители разных социальных дисциплин, в том числе социологи, обращаются к разрабатываемым в социальной психологии проблемам и подходам.

Размышляя о будущем социальной психологии, Уэзерелл выделяет два возможных сценария. Первый, по ее мнению, маловероятный, связан с возвращением дисциплины в лоно общей психологии, второй (он кажется исследовательнице более предпочтительным) предполагает дальнейшее укрепление связей с разными направлениями социальных и гуманитарных наук, изучающих личность и личностное измерение различных аспектов социальной жизни.

В открывающем данный номер журнала тематическом разделе представлены материалы, показывающие широкие возможности применения междисциплинарного подхода в исследовании социально-психологического мира человека и различных сторон его жизни. В обзоре *Е.В. Якимовой* представлены статьи социальных психологов, которые получили в 2019–2022 гг. премию Кули-Мида, престижную награду Американской социологической ассоциации за выдающиеся достижения в области социальной психологии. Статья *В.Г. Немировского* посвящена анализу мотивации неэтичного поведения людей в различных сферах социальной жизни. *А.Ю. Казакова* предпринимает смелую попытку исследовать феномен краудинга, систематизировав существующие в соци-

альных науках подходы к определению уровня жилищного стресса, вызванного сверхплотностью жилого пространства и человеческой скученностью. В рецензии М.А. Ядовой на сборник «Влияние пандемии на личность и общество: психологические механизмы и последствия», изданный под редакцией Т.А. Нестика, А.Л. Журавлева и А.Е. Воробьевой в Институте психологии РАН, рассматриваются долгосрочные социально-психологические эффекты пандемии и способы адаптации к непредвиденным глобальным угрозам. Завершает тематический раздел обзор А.А. Раренко, посвященный тенденциям и перспективам развития социальной психологии здоровья.

В целом научные концепции и результаты исследований, представленные в работах данного тематического выпуска, свидетельствуют о том, что полноценное изучение человека и его жизнедеятельности невозможно без междисциплинарного подхода и использования опыта смежных социально-гуманитарных дисциплин.

Список литературы

Гришина Н.В. Социальная психология: вызовы XXI века: доклад на пленарном заседании // Вестник СПбГУ. Сер. 16. – 2011. – Вып. 4. – С. 18–24.

Якимова Е.В. Социальная психология в XXI в.: теоретические перспективы и тенденции развития: реферативный обзор // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2012. – № 4. – С. 98–132.

Wetherell M. The winds of change: some challenges in reconfiguring social psychology for the future // British journal of social psychology. – 2011. – Vol. 50, N 3. – P. 399–404.

References

Grishina N.V. Social'naya psihologiya: vyzovy XXI veka (doklad na plenarnom zasedanii) [Social psychology: challenges of the 21st century (report at the plenary session)]. *Vestnik SPbGU. Ser. 16* [Bulletin of St. Petersburg State University. Ser. 16]. – 2011. – N 4. – P. 18–24. (In Russian)

Yakimova E.V. Social'naya psihologiya v XXI v.: teoreticheskie perspektivy i tendencii razvitiya. (Referativnyj obzor) [Social psychology in the 21st century: theoretical perspectives and development trends. (Abstract review)]. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociolo-*

**Социальная психология перед вызовами современности:
введение к тематическому разделу**

giya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2012. – N 4. – P. 98–132. (In Russian)

Wetherell M. The winds of change: some challenges in reconfiguring social psychology for the future. *British journal of social psychology*. – 2011. – Vol. 50, N 3. – P. 399–404.

ЯКИМОВА Е.В.* ПРЕМИЯ КУЛИ-МИДА КАК ИНДИКАТОР РАЗВИТИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРИКЛАДНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ В США (2019–2022) (Обзор)

Аннотация. В обзоре представлены статьи социальных психологов, удостоившихся в 2019–2022 гг. престижной награды Американской социологической ассоциации, известной как премия Кули-Мида. Эта награда считается высшим признанием пожизненных профессиональных заслуг социальных исследователей на поприще социологически ориентированной социальной психологии и может рассматриваться как маркер состояния и перспектив этой дисциплины в XXI столетии.

Ключевые слова: Американская социологическая ассоциация (ASA); премия Кули-Мида; социологически ориентированная социальная психология; социальная структура и личность; интегративная психология; критический реализм; редукционизм; социальный конструкционизм; идентичность; ментальное здоровье; социализация; неравенство; лиминальность; детство; культура сверстников.

Для цитирования: Якимова Е.В. Премия Кули-Мида как индикатор развития теоретической и прикладной социальной психологии в США (2019–2022) (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2024. – № 1. – С. 14–40. – DOI: 10.31249/rsoc/2024.01.02

Статья поступила: 13.12.2023.

Принята к публикации: 11.01.2024.

* Якимова Екатерина Витальевна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; e.yakimova2011@yandex.ru

YAKIMOVA E.V.** The Cooley-Mead Award as an indicator of the development of theoretical and applied social psychology in the United States (Literature review)

Abstract. The review presents articles by social psychologists who have been honoured in 2019–2022 with the prestigious American Sociological Association award known as the Cooley-Mead Award. This award is considered the highest recognition of lifetime professional achievement by social researchers in the field of sociological social psychology and can be seen as a marker of the state and prospects of the discipline in the 21st century.

Keywords: American Sociological Association (ASA); The Cooley Mead Award; sociological social psychology; social structure and personality; integrative psychology; critical realism; reductionism; social constructionism; identity; mental health; socialization; inequality; liminality; childhood; peer culture.

For citation: Yakimova E.V. The Cooley-Mead Award as an indicator of the development of theoretical and applied social psychology in the United States (Literature review). *Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya* [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2024. – N 1. – P.14–40. DOI: 10.31249/rsoc/2024.01.02

Received: 13.12.2023.

Accepted: 11.01.2024.

В обзоре представлены публикации лауреатов престижной премии Кули-Мида, которая ежегодно вручается Секцией социальной психологии Американской социологической ассоциации (ASA) за выдающиеся научные достижения и пожизненный вклад в развитие этой субдисциплины. Именно социологическое направление социальной психологии занимает лидирующее положение в американской социальной науке на протяжении многих десятилетий. Премия Кули-Мида была учреждена в 1978 г., ее первым лауреатом стал известный социальный психолог М. Шериф. В разные

** Yakimova Ekaterina Vital'evna – Candidate of Philosophical Sciences, Leading Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; e.yakimova2011@yandex.ru

годы этой наградой были отмечены научные достижения таких корифеев социологии и социальной психологии, как И. Гофман (1979), А. Инкелес (1982), Г. Блумер (1984), Ш. Страйкер (1986), Р. Тернер (1987), Г. Гарфинкель (1995), Р. Мертон (1997), Д. Хейзе (1998). Премия вручается на ежегодной сессии ASA; новый лауреат выступает с ответной речью, посвященной этапам его становления как ученого и проблемам социальной психологии, которые составляли фокус его интересов на протяжении научной карьеры. Эти выступления регулярно публикуются на страницах ведущего американского социально-психологического журнала, издаваемого ASA, – *Social psychology quarterly* (далее – SPQ), – как правило, в первом либо четвертом номере. Публикации обращения предшествует краткое представление на страницах SPQ нового обладателя премии Кули-Мида, написанное его коллегами либо учениками и последователями, которые достаточно часто сами отмечены этой же либо другой наградой ASA.

Цель настоящего обзора состоит в реконструкции современного состояния, перспектив и проблематики социологически ориентированной социальной психологии в том варианте, который считает достойным внимания Американская социологическая ассоциация. Официальные приоритеты сказываются на выборе фигуры ежегодного лауреата – в соответствии с его совокупными достижениями как ученого, педагога, наставника и организатора науки. Предпочтения ASA обусловлены также актуальностью тематики и теоретических подходов к осмыслению избранного предмета как соответствующих текущим социальным реалиям и запросам социального знания в целом. Таким образом, знакомство с публикациями исследователей, отмеченных этой наградой в 2019–2022 гг., позволяет судить о том, что происходит сегодня в американской социально-психологической науке.

В 2019 г. лауреатом премии Кули-Мида стал почетный профессор факультета социологии Университета Индианы (г. Блумингтон, США) Уильям Корсаро, который в 2013 г. уже был отмечен наградой ASA за выдающиеся профессиональные заслуги в сфере социологии детства. Представляя на страницах SPQ своего наставника, ученица и последовательница Корсаро К.Б. Ройзер (факультет социологии, антропологии и социальной работы, Центральный Мичиганский университет, г. Маунти-Плезант, США)

подчеркивает, что на протяжении 40 лет У. Корсаро являлся неутомимым исследователем интерактивных практик детства в разных социальных и этнографических контекстах; более того, его по праву можно считать первопроходцем и популяризатором (практиком и теоретиком) в такой инновационной сфере социального анализа, как социальная психология детства [Roiser, 2020]. Многолетняя этнографическая и аналитическая работа на избранном поприще, которая началась в 1970-е годы как социолингвистический анализ речевой игровой коммуникации малышей, дошкольников и младших школьников, позволила Корсаро занять уникальную нишу в социологически ориентированной социальной психологии и внести весомый вклад в развитие этой дисциплинарной области знания, замечает Ройзер. До середины 1980-х годов среди приверженцев символического интеракционизма практически не было подвижников, готовых погрузиться в мир детства – с тем, чтобы следуя давнему совету Г. Блумера, собственными глазами, изнутри увидеть социальную реальность, которую создают дети трёх-четырёх лет [Roiser, 2020, p. 3]. Между тем, навык или, скорее, талант стать «своим» в рамках фантазийно-ролевого взаимодействия детей позволил Корсаро реализовать около 500 успешных этнографических проектов. В этих проектах были использованы методы аудио- и видеозаписи интеракций и коммуникации детей в меняющихся социальных и культурных условиях: детские сады и группы для детей дошкольного возраста, младшие классы муниципальных и частных школ, центры для детей из социально неблагополучных семей по программе *Head Start* в Беркли (шт. Калифорния, США), г. Блумингтоне (шт. Индиана, США), в городах Италии и ряда скандинавских стран.

Предметом полевых исследований Корсаро выступает феномен, который он назвал культурой сверстников, или культурой равных (*peer culture*). Ройзер делится опытом своего участия в полевой работе наставника, приводя в качестве примера игровые сценарии, организованные в соответствии с логикой социально-психологического конфликта сближения / избегания (*approach / avoidance*), описанного К. Левином. В эмпирических исследованиях Корсаро анализу подлежали игровые ситуации, где дети, выбрав одного из участников в качестве источника опасности (злодея, монстра, ведьмы), сначала приближались к нему, привлекая к

себе внимание громкими криками, а затем благополучно избегали опасности и возвращались к рутинным занятиям. Эти занятия продолжались до тех пор, пока дети вновь не «вызывали огонь на себя» притворными криками ужаса, не сомневаясь в благополучном исходе игры. В этих игровых эпизодах аналитику отводилась роль «одного из нас», т.е. не авторитетного наставника, а равного детям члена их игровой культуры, поясняет Ройзер. Сам автор трактовал свою исследовательскую программу как попытку выяснить, каким образом работа с самыми маленькими членами общества может быть полезна для развития социальной психологии взрослых.

Многолетняя этнографическая практика У. Корсаро и его теоретические обобщения, пишет в заключении Ройзер, помогают увидеть и понять процессы, посредством которых культура сверстников обеспечивает маленьких участников воображаемым безопасным местом пребывания, где они все вместе осмысливают и интерпретируют для себя проблемные и внушающие страх особенности «большого» мира [Roiser, 2020, p. 2].

Сам Корсаро считает своей основной заслугой тот факт, что ему удалось привлечь внимание социальных аналитиков к такой непопулярной в прошлом столетии области знания, как социология детства [Corsaro, 2020]. Свой сорокалетний опыт этнографических полевых исследований, методологических новаций и теоретических размышлений о природе, генезисе и социально значимых последствиях взаимодействия детей в ходе ролевой и фантазийной игровой коммуникации со сверстниками и взрослыми автор обобщил в монографии, которая увидела свет в 2005 г. и с тех пор выдержала пять изданий [Corsaro, 2005]. Преимущества своей эмпирической работы, основанной на высокой степени достоверности данных и убедительных теоретических выводах, автор видит в ее лонгитюдном и компаративистском характере. В исследованиях, проводившихся в ряде городов США, Норвегии и Италии, нашли отражение классовое, этническое, географическое и статусное разнообразие коммуникативных и интерактивных измерений детства и их кросс-культурный анализ. Именно эта скрупулезная многолетняя работа стала основанием для разработки базовых концептуальных положений социологии детства. Эти положения, по мнению многих современных социологов, существенно изменили традиционные представления о социализации как социально-пси-

хологической процедуре «поэтапного вхождения» ребенка в мир взрослых и поставили под сомнение ее классическую модель, предложенную Дж.Г. Мидом, равно как и целесообразность дальнейшего использования самого этого термина в социальных науках.

Корсаро акцентирует следующие аспекты своей профессиональной деятельности в качестве социального психолога, которые, как он считает, имели серьезные последствия для развития данной дисциплины в социологическом русле: а) разработка, применение и популяризация аудиовизуальных методов фиксации и непосредственного («живого») изучения реальных интеракций детей в реальных ситуациях игровой, речевой и фантазийной коммуникации; б) пересмотр представления о социализации как о линейной смене этапов развития ребенка, которому отводится роль пассивного «ретранслятора» интериоризованных норм и правил мира взрослых [Corsaro, 2020, p. 8–10]. Возвращаясь к истокам своей профессиональной карьеры, исследователь подчеркивает, что в то время его интересовал процесс усвоения языка в рамках коммуникации детей со взрослыми и сверстниками. Уже тогда, в 1970-е годы, в период сбора первичной информации методами аудио- и видеофиксации игровых интеракций детей, автор имел возможность убедиться в «агентности» малышей трех-пяти лет. Дети не просто воспроизводили в своей игре правила, установленные взрослыми, но интерпретировали события и явления в соответствии с собственной, оригинальной картиной мира, обсуждая и создавая ее в условиях игрового взаимодействия. Как свидетельствовал анализ полученных данных, усвоение языка и «взрослых» норм речевой коммуникации неизменно включало в себя элемент творчества, благодаря чему дети – участники процесса – создавали собственную версию событий и делились ею друг с другом. Эти наблюдения противоречили классическому положению психологии развития, согласно которому дети в раннем возрасте не способны к коммуникации со сверстниками [ibid., p. 7–8].

В конечном счете, резюмирует Корсаро, в ходе полевых исследований стало ясно, что «именно детям, начиная с самого нежного возраста, принадлежит главная роль в их собственной социализации» [Corsaro, 2020, p. 8]. С полным основанием относя себя к пионерам аудиовизуальной, кросс-культурной сравнительной этнографии детства в рамках парадигмы символического интерак-

ционизма, Корсаро подчеркивает, что его работа «с очевидностью продемонстрировала безусловную агентность детей» в процессе интериоризации ими «большого мира», а также широту и сложность диапазона их взаимоотношений со сверстниками и взрослыми. Эти наблюдения послужили основанием для кардинальной ревизии модели социализации как линейного стадийного процесса развития ребенка путем нерефлексивного усвоения ограничений и правил взрослых [Corsaro, 2020, p. 9].

Корсаро принадлежит заслуга концептуального оформления такого понятия (востребованного и сегодня в социальных науках), как культура сверстников, или культура равных (*peer culture*). Такая культурная среда предполагает общение и взаимодействие «своих», где не действуют авторитет и контроль взрослых. Для культуры сверстников характерны следующие особенности. Во-первых, ее потенциальные участники (дети) демонстрируют очевидное желание вступить друг с другом в осмысленную интеракцию; они стремятся участвовать в «совместном потреблении / пользовании» (*communal sharing*), в результате чего и возникает культура равных. Во-вторых, в своем намерении «делать что-то вместе с другими» дети реализуют совместный протест против взрослых ограничений и правил (например, запрета приносить в класс игрушки), достигая желаемого самыми изобретательными способами. «Идеи, материальные объекты и ограничения мира взрослых фреймируют создание и реализацию детьми культуры сверстников», – заключает Корсаро [Corsaro, 2020, p. 11]. Именно так конституируется одна из ключевых особенностей культуры сверстников – потребность ее «маленьких субъектов» бросить вызов авторитету и контролю взрослых, которая реализуется путем создания в игровых практиках собственной коллективной идентичности. Таким образом, фокусом детской культуры равных служат темы внешних ограничений и «коллективного удовольствия» от их нарушения в границах совместных игровых интеракций.

Автор определяет культуру сверстников как «устойчивый набор действий или рутинных поведенческих актов, а также артефактов, ценностей и паттернов, продуцируемых и разделяемых детьми в контексте их интеракций [Corsaro, 2020, p. 11]. Опираясь на понятие «культура равных» и идею агентности ребенка, он выдвигает альтернативную концепцию социализации как *интерпре-*

тирующего воспроизведения (interpretive reproduction). Термин «воспроизведение» в данном случае отражает принцип «активного творческого участия детей в культурном производстве и изменении общественной жизни». Определение «интерпретирующее» отражает креативные и инновационные аспекты участия детей в жизни общества: маленькие члены большого социального целого создают свою культуру и действуют в ней, творчески применяя информацию из мира взрослых для того, чтобы удовлетворять свойственные им запросы и интересы [Corsaro, 2020, p. 11–12].

Интерпретирующее воспроизведение, замечает Корсаро, обладает рядом ключевых особенностей. Так, в рамках этого подхода дети рассматриваются в качестве творческих социальных агентов, которые создают собственную уникальную среду обитания и взаимодействий и, в то же время, вносят вклад в трансформацию реалий взрослого мира. Кроме того, детство, т.е. сконструированный обществом временной период, в котором дети проживают отрезок своей жизни, рассматривается как структурная форма или социальный сегмент (по аналогии с социальным классом или возрастной когортой). Для детей пребывание в этом социальном сегменте временно, тогда как для общества в целом данная структурная форма является социально сконструированной константой, меняющей свое содержание и толкование в соответствии с социально-историческим контекстом [Corsaro, 2020, p. 13]. Сравнительный анализ культуры сверстников в разных социальных и этнических условиях позволяет сделать вывод о том, что сценарии и эмоциональная окраска детских игровых, ролевых и фантазийных интеракций определяются прежде всего такими переменными, как статус семьи, ее уровень дохода и образования, что в данном случае более существенно, чем этнокультурные характеристики.

В заключение У. Корсаро приводит слова Г. Элдера, лауреата премии Кули-Мида, автора теории жизненного цикла, который еще в 1993 г. выразил сомнение в релевантности классической теории социализации современному состоянию социальной психологии. Как справедливо заметил Элдер, уже в конце 1990-х годов термин «социализация» потерялся в недрах более общих представлений о социальной стратификации, социальной мобильности и т.п. [Elder, 1994]. Соглашаясь с этой точкой зрения, автор концепции интерпретирующего воспроизведения предлагает сделать

следующий шаг, занявшись радикальным переосмыслением традиционных представлений об интериоризации социального мира подрастающими поколениями, выдвинув на первый план их функцию активных, действенных творцов новых версий социальной реальности [Corsaro, 2020, p. 22].

В следующем, 2020 г., высшей награды ASA за вклад в развитие социологически ориентированной социальной психологии была удостоена почетный профессор Калифорнийского университета в Риверсайде, член Американской ассоциации содействия развитию науки Джен Стетс. Для руководителя лаборатории социально-психологических исследований в Риверсайде это уже вторая награда ASA: в 2008 г. ее профессиональные достижения были отмечены премией секции изучения эмоций. На страницах SPQ научную биографию Стетс представляет Сесилия Риджуэй – лауреат премии Кули-Мида 2005 г., экс-президент ASA (2012–2013), автор теории статусного конструирования [Ridgeway, 2021]¹. Характеризуя исследовательскую деятельность своей коллеги из Калифорнийского университета, Риджуэй подчеркивает ее «пожизненную приверженность» школе символического интеракционизма и принципу обязательного эмпирического тестирования новых гипотез и категорий. Тандем теоретической и прикладной социальной психологии – отличительная черта всех без исключения исследовательских проектов Стетс, констатирует комментатор [Ridgeway, 2021, p. 284].

В соответствии с теоретическими установками символического интеракционизма, приоритетной темой исследований Стетс выступают взаимоотношения и обоюдное влияние социальной структуры общества и поведения индивида. Главный объект ее научных интересов – личностная идентичность и ассоциированные с ней социально-психологические механизмы (формирование и верификация «подлинного Я», его стабильность и трансформация в рамках интеракций разного социального уровня). Стетс трактует идентичность как ключевой фактор, обеспечивающий связь и

¹ Подробнее о концепции С. Риджуэй см. сводный реферат автора настоящего обзора: Якимова Е.В. Социальная структура, культурные схемы и межличностное поведение: теория статусного конструирования С. Риджуэй (Сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2007. – № 1. – С. 101–106.

обоюдное влияние индивидуальных мотивов и действий, с одной стороны, и элементов социальной структуры макро-, мезо- и микроуровней, – с другой. По мнению Риджуэй, исследования Стетс существенно расширили концептуальный и прикладной диапазон классической теории идентичности, сообщив ей современное звучание и способствуя эмпирической конкретизации ключевых положений символического интеракционизма, что позволяет использовать эту концептуальную и методологическую платформу в более широком исследовательском контексте социального знания в целом. С этой точки зрения работы Стетс способствуют развитию и обновлению теории идентичности как изнутри (в рамках социологической парадигмы), так и вовне (применительно к актуальным проблемам и социальным реалиям XXI столетия) [Ridgeway, 2021, p. 283].

В первые годы своей научной практики Стетс сосредоточилась на изучении гендерной идентичности семейных пар, что впоследствии повлекло за собой интерес к таким темам, как самоверификация личностной идентичности, ее моральные составляющие и социальное измерение эмоций¹. Лейтмотивом многолетней работы лауреата премии Кули-Мида 2020 г., пишет в заключение Риджуэй, являются осмысление и эмпирическая верификация факторов взаимодействия индивида и общества, анализ сложных, многоуровневых процессов, посредством которых социоструктурные компоненты (включая отношения власти и статусную иерархию) определяют «работу идентичности в пределах Я». Взаимодействия личностной идентичности, социальных контекстов и действий – таков фокус социальной психологии Стетс, успешно реализующей принципы символического интеракционизма в социальных реалиях нынешнего столетия, констатирует С. Риджуэй [Ridgeway, 2021, p. 284].

Джен Стетс конкретизирует наблюдения своего комментатора, касающиеся модернизации теории идентичности в рамках

¹О социологической концепции эмоций и моральной идентичности Дж. Стетс см.: *Симонова О.А.* [Реферат]. Стетс Дж., Картер М. Теория Я (Self) для социологии морали // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2013. – № 1. – С. 82–93. – Реф. ст.: Stets J., Carter M. A theory of the Self for the sociology of morality. – American sociological review. – 2012. – Vol. 7, N 1. – P. 120–140.

социологически ориентированной социальной психологии. Автор иллюстрирует свои концептуальные и методологические установки с помощью анализа макро-, мезо- и микропроцессов, которые обусловили трансформацию религиозной идентичности в США на протяжении первых десятилетий XXI в. [Stets, 2021].

Анализ динамики религиозных мировоззренческих компонентов в американском обществе Стетс предваряет кратким изложением базовых принципов социологической концепции идентичности, приводя аргументы в пользу своей главной теоретической установки – изучения идентичности и ее трансформаций в рамках парадигмы «социальная структура и личность» (англ. *social structure and personality*, сокращенно SSP). Принципы SSP, которые сегодня признаны классикой социологически ориентированной социальной психологии, предполагают мультиуровневое исследование социальных процессов, а также интеграцию исследовательских усилий и подходов (макро-) структурной социологии, культурной социологии и психологии (как традиционной, так и социологически ориентированной) [Inkeles, 1969 ; House, 1981]. Как показывают многолетние исследования автора, анализ идентичности и ее динамики будет результативным только в том случае, если эта динамика рассматривается как интегрированная (встроенная, включенная) в структурный и культурный контексты общества, во-первых, и как принадлежащая сразу нескольким уровням социальной реальности, во-вторых. Динамика идентичности, поясняет свою позицию Стетс, это не только эндогенный процесс, обусловленный внутренними психологическими и личностными причинами, но и результат экзогенного действия социальных факторов макро-, мезо- и микроуровней. В связи с этим перспективным представляется как социально-психологический анализ изменений индивидуальной (личностной) идентичности вследствие комплексного влияния разноуровневых социальных факторов, так и обратный путь – изучение макроструктурных трансформаций с точки зрения подготовивших их кумулятивных изменений личностной идентичности, имеющих в том числе социальные предпосылки. Автор статьи уже в начале своей академической карьеры избрала первый аналитический сценарий, сделав фокусом своей теоретической и прикладной работы осмысление феномена идентичности и ассоциированных с ней процессов в контексте экзоген-

ного социальных переменных разного уровня и масштабов. В подтверждение состоятельности этого подхода в рамках социологически ориентированной социальной психологии Стетс приводит известное высказывание Дж. Тернера, призывавшего своих коллег «добавить больше социологии в социальную психологию», т.е. усилить социальный компонент психологического анализа личности в обществе [цит. по: Stets, 2021, p. 287]. Этот призыв, считает автор статьи, не потерял актуальности и в наши дни, поскольку концепция SSP, при всем ее авторитете, так и остается на периферии социального знания: социологов не интересуют личностные психологические параметры, встроенные в социальные процессы и структурные трансформации; социальные психологи игнорируют фактор воздействия на идентичность масштабных изменений в обществе [Stets, 2021, p. 287].

В статье представлен лаконичный, но весьма емкий обзор основных категорий SSP и каждого из трех уровней осмысления социальной реальности в рамках данной парадигмы. К числу базовых понятий SSP принадлежат: а) *социальная структура* – совокупность интерактивных и поведенческих паттернов, определяющих и направляющих социальные взаимодействия; эти паттерны могут иметь физическую локализацию (соседское сообщество) либо носить абстрактный характер (гендер, класс); б) *культура* – набор когнитивных и оценочных социальных верований, представлений и норм, которые распространяются в обществе посредством его структурных элементов; структура и культура находятся в отношениях взаимного конституирования, так как структура интегрирована в культуру, которая привносит смыслы и значения в социальные интеракции и действия; в) *личность* (в социальной психологии XXI столетия исследователи отдают предпочтение терминам *индивид* или *индивидуальность*) – набор стабильных, устойчивых персонализированных атрибутов, который выступает фокусом внутренних, индивидуальных процессов, ассоциированных с идентичностью (когнитивных, эмоциональных, рефлексивных, поведенческих, оценочных) [Stets, 2021, p. 288–289].

Макроуровень социальной реальности, продолжает Стетс, составляют социальные системы и общества; его структурными элементами служат *институты* и системы *стратификации*; последние образуют структурный и культурный «остов общества».

Системы стратификации представляют собой способ (и результат) ранжирования социальных классов в соответствии с такими параметрами, как власть, престиж и доступ к ресурсам. *Культура макроуровня* – это совокупность моральных норм и идеологических установок, которые возникают в недрах институтов и проявляют себя в дискурсе, поведении и ресурсах.

Мезоуровень опосредует связи между макрохарактеристиками общества (структурными и культурными) и микроуровнем социальной реальности. Его составляющими выступают корпоративные единицы (организации) и категориальные единицы; последние не имеют материальной локализации и служат основанием для классификации людей в соответствии с такими параметрами, как раса, этнос, гендер, уровень образования и т.п. *Культура мезоуровня* формируется посредством норм и моральных предписаний со стороны институциональных идеологий макроуровня (для организаций) и идеологических установок стратификационных систем (в отношении категориальных единиц).

Микроуровень социальной реальности включает в себя: а) интеракции, или «случайные столкновения» (encounters) индивидов; б) факторы, влияющие на интеракции (экономические, демографические, ролевые, статусные, мотивационные, эмоциональные); в) интегрированность (встроенность) интеракций в мезо- и макроструктурные и культурные реалии. В конечном счете, резюмирует автор, фокусом социологического анализа в рамках SSP является интегрированность процессов и явлений более низких уровней социальной жизни в реалии макроструктуры и культуры [Stets, 2021, p. 290–291].

Именно под этим углом зрения в статье рассматривается процесс трансформации идентичности вообще и религиозной идентичности в США, в частности, в начале и нынешнего столетия. Трансформация идентичности, замечает Стетс, это едва ли не ключевой аспект социально-психологического осмысления данного феномена, который, к сожалению, еще остается на периферии снимания и интереса социологов. Идентичность, по определению, принадлежит к разряду личностных психосоциальных констант и, вместе с тем, ассоциированные с ней значения и смыслы претерпевают неизбежные изменения на протяжении жизненного цикла под воздействием эпизодов личной биографии и макросоциальных

катаклизмов. Трансформация значений, которые индивид расценивает как аутентичные его внутреннему Я, и которые приписывают ему другие, как правило происходит исподволь, медленно и незаметно, и только в драматических обстоятельствах (личного либо общественного характера) эти изменения радикальны и внезапны. Таким образом, на протяжении жизни, в калейдоскопе сменяющихся друг друга социальных обстоятельств и контекстов осуществляется постепенная замена прежних значений идентичности на новые, что приводит к изменению внутреннего Я.

Особый интерес в этом отношении представляют так называемые пороговые (лиминальные) состояния, когда индивид не может или не хочет признать или реализовать изменения своей идентичности. Примером этого могут служить колебания человека, разочаровавшегося в вере в трансцендентное, но не готового примкнуть к рядам убежденных атеистов. Лиминальная идентичность может иметь временный характер и разрешиться принятием новых значений и смыслов религиозной идентичности как базовых. Однако такое пороговое состояние может оказаться длительным, устойчивым и даже постоянным, превратившись в базовую характеристику личного Я, для которого «пребывание между» становится ключевым атрибутом его идентичности. Идентичность такого рода характерна, например, для социального движения «лиминальных никаких» – молодых европейцев рубежа XX–XXI вв., для которых вопрос о религиозной идентичности не решаем в принципе. Неопределенность религиозной / трансцендентной самоидентификации может принимать разные формы: индивид готов полностью порвать с институализированной религией, но сохраняет веру в трансцендентное, либо, наоборот, следуя нормам семейной моральной социализации, регулярно посещает церковь, оставаясь равнодушным к существу религиозной веры.

Как показывает статистика, в США на протяжении последних 50-ти лет медленно, но неуклонно растет число людей, которые не считают себя верующими (в 1971–1991 гг. они составляли 7% взрослого населения страны, в 2000 г. – 14%, в 2014 г. – 23%) [Stets, 2021, p. 295]. В составе религиозной идентичности автор выделяет: а) социальную составляющую, соответствующую макрокультурному и макрокультурному уровням реальности (значения, которые люди приписывают себе в связи с принадлежностью

к той или иной религиозной категории); б) ролевой аспект, соответствующий мезоуровню (функции индивида в рамках религиозных институтов); в) личностные значения, соотносящиеся с микроуровнем (индивидуальные представления и убеждения, касающиеся трансцендентного). В статье прослеживается влияние двух первых уровней социальной жизни на изменение личных значений религии и веры для современного поколения американцев (в возрасте 18–33 лет). В перечне детерминант мировоззренческой трансформации присутствуют такие процессы (и связанные с ними макро-культурные переменные), как индустриализация, урбанизация, демократизация, секуляризация, ценностные сдвиги (в том числе – на уровне семейной морали), рационализм, неолиберализм, рост личной автономии и значимости индивидуального Я. И хотя в социальном знании XXI в. по-прежнему актуален анализ воздействия макроструктурных факторов на смену приоритетных значений личной идентичности, Стетс подчеркивает перспективность «движения в обратном направлении» – исследования «кумулятивного эффекта» изменений личной идентичности в качестве «мощного триггера для новых социальных движений и кардинальных общественных перемен» [Stets, 2021, p. 304].

В следующем, 2021 г., лауреатом премии Кули-Мида стал Нил МакКиннон (заслуженный профессор Гуэлфского университета, Канада), уже отмеченный другими наградами ASA. Разноплановые теоретические и эмпирические исследования канадского ученого способствовали «формированию современного понимания эмоций, идентичности и Я, а также социальных институтов и культуры» – так характеризуют вклад МакКиннона в развитие дисциплины Э. Кроска, Д. Хейзе (1937–2021) [Kroska, Heise, Smith-Lovin, 2021, p. 4]. Каждый из перечисленных ученых – коллег или соавторов МакКиннона, в свою очередь, принадлежит к числу именитых представителей социологической ветви американской социальной психологии и является лауреатом премии Кули-Мида или иных престижных премий ASA. Комментаторы отмечают разносторонний вклад МакКиннона в социологически ориентированную социальную психологию. В частности, вместе с Д. Хейзом и Л. Смит-Ловин он разработал две фундаментальные теоретические модели, которые сегодня считаются классикой социального знания. Это теория аффект-контроля (*affect control*

theory, сокращенно АСТ) и модель управления впечатлениями (*model of impression formation*), основные положения которых были разработаны еще в прошлом столетии. На протяжении всей своей научной карьеры МакКиннон искал эмпирические подтверждения своих гипотез путем многочисленных кросс-культурных эмпирических исследований (в США и Канаде). Базовой парадигмой исследований и теоретических размышлений канадского социолога является символический интеракционизм. В 1991 г. он опубликовал фундаментальную монографию, предложив математическую модель АСТ применительно к таким аспектам личности, как мотивация, аффект, атрибуция и реидентификация [MacKinnon, 1994].

Таким образом, замечают комментаторы, МакКиннон «связал АСТ с ее классическими истоками в виде символического интеракционизма и расширил диапазон последнего благодаря включению в него понятия и процессов аффективной динамики» [Kroska, Heise, Smith-Lovin, 2021, p. 2]. В начале текущего столетия канадский социолог предложил еще два варианта теоретического осмысления аффектов, их социальных функций и роли в обществе – концепцию АСТ, касающуюся Я, и концепцию АСТ₁, касающуюся социальных институтов. Благодаря этим теоретическим разработкам в поле зрения социальных психологов оказался такой малоизученный процесс, как принятие идентичности. Теория АСТ в ее новой редакции убедительно показала, как «систематические взаимодействия между идентичностями в контексте культуры создают социальные институты, как происходит осмысление институтов индивидами и как это индивидуальное осмысление, в свою очередь, аффективно окрашивает процесс принятия идентичности» [Kroska, Heise, Smith-Lovin, 2021, p. 2]. В последние годы, продолжают коллеги канадского социолога, МакКиннон обращается к анализу морали в терминах АСТ, за что в 2019 г. был награжден премией ASA по Секции альтруизма, морали и социальной солидарности.

В отличие от своих коллег-комментаторов, акцентирующих многогранность научных интересов МакКиннона, канадский социолог посвящает свою статью одной-единственной теме, которая находится в центре его внимания в последние годы. Речь идет о разработке философских и методологических оснований интегративной социальной психологии (ИП) в направлении, отвечающем

требованиям постмодерна [MacKinnon, 2022]. Идея ИП как сферы знания, объединяющей разные теоретические подходы и практические методы изучения психологического опыта индивида путем глубинного осмысления множества детерминирующих его факторов, принадлежала выдающемуся афроамериканскому социальному исследователю, возглавлявшему в 1972–1973 гг. Ассоциацию чернокожих психологов, Джеймсу Джексону (1944–2020) [Jackson, 1988]. Суть новаций, которые предлагал Джексон, состояла в трактовке психического и психосоциального опыта человека как феномена, который не может быть исчерпан какой-либо одной теорией или детерминантой. Другими словами, концепция ИП была направлена против редукционизма в социальном и психологическом знании, замечает МакКиннон. Основываясь на принципах, обозначенных Джексоном, автор настоящей статьи предлагает классификацию и скрупулезный анализ типов и вариантов редукционизма – с тем, чтобы выяснить, является ли эта методологическая установка «товарищем либо противником» ИП, базирующейся на философских идеях критического реализма.

В самом общем виде, поясняет свою мысль МакКиннон, редукционизм определяют как способ описания и / или толкования явлений и процессов в терминах иных (более простых или более сложных) явлений и процессов, принадлежащих иным уровням реальности. Примерами могут служить дескрипции и интерпретации социальных феноменов в психологических либо биологических категориях или интерпретация социального исключительно в терминах культуры, игнорируя его структурные аспекты.

Автор разработал специальную таблицу типов и видов редукции с примерами их использования в социальном и психологическом анализе сложных феноменов [MacKinnon, 2022, p. 7]. Дескриптивная редукция имеет *онтологический* характер, объяснительная – *эпистемологический*; чаще всего редукционистский подход любого из описанных ниже типов распространяется как на презентацию явления или процесса, так и на его объяснение. Оба вида редукционизма предполагают *нисходящий*, *восходящий* или *горизонтальный* варианты сведения одного класса феноменов к другой / другим. Фрагмент реальности может быть представлен / истолкован как в терминах явлений той же группы, так и со ссылкой на явления более низкого / высокого уровней реальности. Горизон-

тальный тип редукционизма отдает предпочтение в описаниях и объяснениях одной либо нескольким группам объектов и процессов того же уровня, к которому относится предмет исследования, игнорируя возможные детерминанты иной онтологической природы. Характерной чертой редукционизма, в первую очередь нисходящего, служит пренебрежение эмерджентными свойствами явлений и процессов, т.е. игнорирование того факта, что наличные характеристики целостного феномена, присутствующие здесь и сейчас, не присущи (и в принципе не могут быть присущи) составляющим этот конечный феномен элементам в отдельности, подчеркивает МакКиннон.

Исследователь подробно останавливается на философских предпосылках восходящего редукционизма, каковыми служат теоретические положения радикального социального конструкционизма. Последний, в свою очередь, представляет собой «детище постмодерна». Согласно конструкционистской концепции, физический, культурный и метафизический мир есть продукт исторически изменчивых метанарративов, т.е. представлений о мире и их интерпретаций. Следуя данной логике, приходится констатировать, что человеческий опыт – это всего лишь «текст», подлежащий деконструкции посредством бесконечной череды альтернативных интерпретаций. Более того, вне символических интерпретаций не существует никакой иной (подлинной или базовой) реальности. В эпистемологическом плане человек модерна, обреченный благодаря развитию технологий жить в гиперреальности, не имеет возможности дифференцировать объективный мир и его символические репрезентации. Я утрачивает стабильность, становится фрагментированным и текучим, что делает невозможным его интерпретацию в эпистемологических терминах. Это положение конструкционизма созвучно антиэссенциализму постмодернистских трактовок человеческой субъективности. В социологии и социальной психологии, продолжает свои рассуждения МакКиннон, философские постулаты постмодернизма оборачиваются сомнениями в существовании Я в качестве устойчивого инвариантной структуры личности и ядра ее идентичности, поддающихся научному осмыслению, а также в трактовке Я как «феноменологического потока» [MacKinnon, 2022, p. 8].

Критический реализм, близкий автору, не отрицает феноменологизации Я в эпоху постмодерна, равно как и значения социального дискурса, «текста» и символических интерпретаций реальности в ее конституировании, включая человеческую субъективность. Вместе с тем эта философская позиция постулирует существование эмпирической реальности, «внешней» по отношению к социальным дискурсивным конструкциям и их смысловым толкованиям, в том числе – когерентной агентности индивидуального Я. В целом, резюмирует свою метатеоретическую позицию автор, «признавая наличие у социальных феноменов их внутренних значений и смыслов, <...> критический реализм требует, чтобы символические измерения социальной жизни не затемняли ее материальных параметров» [MacKinnon, 2022, p. 9]. Более того, символические / смысловые измерения мира индивида не исчерпывают его природы, заключенной в рамки психологических, биологических, физических, химических и нейронных его составляющих [MacKinnon, 2022, p. 9].

Переходя к анализу нисходящего редукционизма, МакКиннон прослеживает его связь с понятием эмерджентности. В соответствии с этим свойством сложных объектов, групповое поведение не может получить удовлетворительного описания и тем более толкования в категориях индивидуальных поведенческих паттернов, которые не обладают «свойствами целого». Точно так же социальные действия не могут быть редуцированы до уровня нейронных связей, составляющих предмет нейронауки, поскольку нейроны – как материальное основание социального поведения людей – являются необходимым, но недостаточным его условием. С этой точки зрения объективную эмерджентность феноменов социальной реальности можно рассматривать как противоядие от опасений социальной психологии и социологии в отношении сохранения свой дисциплинарной самостоятельности в эпоху «торжества нейронауки», замечает автор [MacKinnon, 2022, p. 14–15].

МакКиннон завершает свои метатеоретические размышления о редукционизме в социальных науках анализом его типов и видов в рамках модели ИП. Согласно Дж. Джексону, ключевые положения ИП состоят в следующем: 1) приоритет *социального акта* – как единицы анализа – над индивидуальным; 2) интерпретация *личности* как активного, рефлексивного социального орга-

низма; 3) анализ *психологической модальности* как совокупности когнитивных, эмоциональных, мотивационных и поведенческих компонент; 4) трактовка Я как процесса конституирования в социальном акте ситуативно обусловленных идентичностей; 5) осмысление *референсных, оценочных процессов* в терминах интеракции, рефлексии и ситуативных ограничений; 6) трактовка *нормативных процессов* как участия в социальном акте путем координации действий с учетом значений и смыслов vis-a-vis; 7) интерпретация *социального поведения* как протекающего в определенном отрезке времени, начиная с момента формирования идентичности и заканчивая бесконечностью социальных процессов [MacKinnon, 2022, p. 18].

Легко увидеть, замечает МакКиннон, что редукционизм как методологический прием несовместим с перечисленными концептуальными положениями. Так, восходящий, «культурный» вариант редукции, исключая индивидуальную агентность, противоречит идее социального акта как ключевого предмета исследования (пункты 1, 4–7). Горизонтальный редукционизм ограничивает диапазон изучения поведения, оставляя за скобками существенные составляющие психологической модальности (пункт 3), и т.д. Отдельные социально-психологические теории, например те, что допускают влияние переменных индивидуального уровня (нейронов и их конфигураций) на социальные акты, но не ограничивают ими интерпретацию социальной реальности, укладываются в парадигму ИП. В конечном счете, замечает МакКиннон, «настало время отказаться от внутренней и междисциплинарной разобщенности и поддержать идею интегративной социальной психологии, объединяющей прочтение социальных явлений с учетом переменных как индивидуального, так и группового уровней» [MacKinnon, 2022, p. 20].

В 2022 г. премия Кули-Мида была вручена Джейн Маклауд – неутомимой исследовательнице социальных и психических факторов ментального здоровья и девиаций в рамках символического интеракционизма и теоретической платформы SSP. Ранее Маклауд, пророст-профессор социологии в Колледже наук и искусств Университета Индианы, США, уже была отмечена наградой ASA за вклад в развитие социологии ментального здоровья. На страницах SPQ нового лауреата представляет ее ученица и соавтор ряда на-

учных статей К. Ливли (профессор социологии Дартмутского колледжа, г. Нью-Гэмпшир, США) [Lively, 2022]. Комментатор подчеркивает связь многолетней научно-исследовательской деятельности Маклауд в сфере социальной психологии с ее заслугами в качестве педагога и организатора науки. В течение ряда лет Маклауд занимала пост заместителя главного редактора журнала SPQ; она является экс-председателем секций социальной психологии и медицинской социологии ASA; с ее участием в качестве автора и редактора была выпущена в свет серия обобщающих коллективных монографий и учебных пособий по социологии и социальной психологии медицины, психического здоровья и неравенства [Mental health, social mirror, 2007 ; Handbook of the sociology of inequality, 2014].

Реконструируя научную биографию Маклауд как теоретика и практика социальной психологии, Ливли обращает внимание на следующие ее составляющие, которые в совокупности обеспечили автору достойное место в ряду выдающихся представителей дисциплины:

а) многолетнее скрупулезное практическое изучение ментального здоровья детей и подростков, в особенности влияния бедности на психическую и социальную девиантность, депрессивные состояния и трудности в получении образования;

б) теоретические инновации в рамках парадигмы SSP, привлечение внимания исследователей к собственно психологической составляющей существования личности в социальной структуре;

в) пересмотр модели ментального здоровья в терминах более широкого спектра социально-психологических процессов;

г) анализ эмпирических и теоретических связей между неравенством и социальной психологией, включая роль социальной эксклюзии применительно к ментальному (не)здоровью детей и подростков [Lively, 2022, p. 1].

Именно этому направлению, которое Маклауд считает приоритетным в своей текущей работе, посвящена ее статья о перспективах осмысления неравенства в рамках социологически ориентированной социальной психологии [McLeod, 2023]. Автор обращается к анализу такого нетривиального аспекта социального неравенства, как дискриминация людей (детей, подростков, молодежи на пороге взросления), страдающих неявными (не бросаю-

щимися в глаза) нарушениями ментального здоровья (далее – ННМЗ). Аутизм, синдром дефицита внимания и гиперактивности, эмоциональная лабильность, поведенческие нарушения, проблемы обучаемости и подобные им личностные особенности характеризуются как «незаметные», поскольку не имеют телесных маркеров и тем отличаются от недостатков физической природы (хромота, глухота, слепота, избыточный вес, заикание и пр.). Последние давно и прочно заняли свою нишу в социологических дискуссиях о генезисе неравенства, стигматизации и дискриминации, тогда как феномен ННМЗ в социально-психологическом его измерении до сих пор практически не исследован, подчеркивает Маклауд. Автор анализирует социальные аспекты и последствия специфического восприятия ментального дефицита в разных возрастных и групповых контекстах и предлагает трактовать это явление как социально-психологическую константу, которая определяет жизненный путь индивида, раз и навсегда ограничивая его «шансы на успех».

В фокусе исследований Маклауд в рамках парадигмы SSP (включая эмпирические наблюдения, опросы и интервью) находится феномен ННМЗ как одно из проявлений и социально значимых измерений неравенства и лежащих в его основе стереотипов восприятия и оценки людей с дефицитом ментальных способностей. По мнению автора, этот подход представляется продуктивным как для развития социологической социальной психологии в целом, так и для социологического осмысления социальной стратификации. Цель статьи, таким образом, состоит в том, чтобы привлечь внимание социальных аналитиков к психологическим составляющим и социально значимым следствиям общественной рецепции и репрезентации людей с ННМЗ. В более широком методологическом плане данный подход предполагает существенное изменение трактовки психологических предрасположенностей, которые теперь рассматриваются не в качестве «досадных нюансов», осложняющих идентификацию «собственно социального» в социальных процессах, а как существенную составляющую социального порядка, включая интеракции, статусные притязания, социальные оценки, дискриминацию и неравенство. Для реализации этой задачи требуется проследить, каким образом процессы, детерминирующие социально-психологические перцепции и отношение к людям с ННМЗ, продуцируют и тиражируют неравенство

и интерпретацию ментального дефицита исключительно в терминах девиантности [McLeod, 2023, p. 8–9].

Маклауд выделяет следующие особенности ННМЗ, которые позволяют отнести эти нарушения к особому классу социальных феноменов: а) внешняя неочевидность; б) ненормативность связанных с ментальным дефицитом поведенческих, эмоциональных, коммуникативных и когнитивных паттернов; в) устойчивость негативных социальных интерпретаций и их аккумуляция на протяжении жизненного цикла (последняя характеристика роднит ННМЗ в качестве детерминанты низких жизненных шансов и проблематичного старта с такими переменными как раса, гендер и класс) [McLeod, 2023, p. 8].

Сравнивая ментальную инвалидность с физическими недостатками, автор подчеркивает, что в отношении людей с ННМЗ общество использует обычный набор инструментов для социальной эксклюзии, в первую очередь – ограничение доступа к экономическим, властным, статусным, культурным, гражданским и прочим социальным активам. Как свидетельствуют эмпирические данные, дети с диагнозом «аутизм» и те, кто испытывает трудности в обучении, имеют гораздо меньше шансов добиться успехов в школе, а затем в колледже или университете, при этом на каждой последующей ступени жизненного цикла растет груз негативных социальных оценок и заниженных ожиданий в отношении таких индивидов, что неизбежно сказывается на их самооценке. Получив профессию, молодые люди с ННМЗ обречены на непрестижные должности и пожизненную бедность. В некоторых штатах США они лишены права голоса. В конечном счете, неравное, дискриминирующее распределение социальных ресурсов применительно к ментальным инвалидам является следствием социальной оценки ННМЗ исключительно как разновидности девиантного поведения, которое к тому же чревато деструкцией социальных связей и интеракций, разрушением привычных способов общения и взаимодействия в обществе, резюмирует Маклауд [McLeod, 2023, p. 9].

Социальная дискриминация, обусловленная ННМЗ, имеет иную природу, чем гендерная, классовая или расовая эксклюзия, замечает автор. Это обусловлено трудностью проведения границ между нормой, отклонением и патологией в плане ментального здоровья и, кроме того, устойчивым стереотипом однозначной

квалификации ментального дефицита как отклонения от нормы, а его субъектов – как девиантов. Ментальная инвалидность, в отличие от гендера или класса, прочно ассоциирована в социальных представлениях с дискомфортом межличностного общения, эмоциональными, когнитивными и поведенческими «сюрпризами» и непредсказуемостью поступков.

Таким образом, феномен ННМЗ имеет две стороны, которые представляют интерес для социолога и психолога: перформативную и смысловую. Именно второй аспект этого явления – символические значения ментальной инвалидности в социальных контекстах – составляет предмет интереса Маклауд. Она подробно рассматривает четыре базовых социально-психологических механизма (социальную категоризацию, формирование идентичности, статусную иерархию, стигматизацию), которые участвуют в конституировании и репродукции правил и ограничений в отношении людей с ННМЗ. Теоретические рассуждения и обобщения автор иллюстрирует примерами из релевантных эмпирических проектов, включая собственные исследования последних лет, проводившиеся в начальной и средней школе, в колледжах и университетах (в том числе в престижных учебных заведениях). В соответствии с методологическими принципами SSP, анализу подлежали непосредственные контексты, в которых происходят взаимодействия субъектов с ННМЗ (семья, школа, сообщества сверстников, соседей, сокурсников и т.п.). Эти контексты выступают опосредующей средой влияния социальных макро-факторов на индивидов с ментальными проблемами. По мнению автора, следующие макросоциальные характеристики современного общества определяют и направляют стратификацию людей и групп по принципу ментального (не)здоровья: *неолиберальный режим*, минимизирующий ответственность общества за реализацию личных жизненных шансов и перекладывающий ее исключительно на плечи личности; *рыночная экономика* с ее поощрением эффективного труда, приносящего результат здесь и сейчас и конформизма работников в отношении организационных правил и процедур; *система образования*, ориентированная на подотчетность, оценку и стандартизацию получения знаний. Ожидаемым итогом перечисленных макрохарактеристик современного социального порядка становятся заниженные социальные ожидания и негативная оценка людей с ННМЗ со сто-

роны общества, что продуцирует и тиражирует данную разновидность неочевидного, но реального неравенства (неадекватная самооценка, минимальные социальные ожидания, идентичность неудачника и пожизненная стигматизация) [McLeod, 2023, p. 16]. Обобщая результаты своей эмпирической работы и теоретических размышлений, касающихся феномена ННМЗ, Маклауд подчеркивает их важность для расширения горизонтов социологии и социальной психологии неравенства и обогащения представлений о стратификации и стигматизации в современном обществе неожиданным, но крайне перспективным ресурсом [McLeod, 2023, p. 21].

Завершая обзор состояния и вероятных перспектив социологически ориентированной социальной психологии в США (на примере исследований, отмеченных престижной наградой ASA в 2019–2022 гг.), следует отметить разнообразие тем, подходов и методов лауреатов премии Кули-Мида последних лет. В их числе оказались как уникальные исследователи детской психологии и ментального здоровья, так и ученые, которые выступили с серьезными теоретическими инновациями, способными существенно изменить содержание и фокус социально-психологической работы в рамках социологии. Несмотря на то, что в соответствии с традицией ASA метатеоретические постулаты символического интеракционизма и парадигмы социальной структуры и личности сохраняют свой приоритет в работе американских социальных психологов, реалии XXI в. диктуют необходимость привнесения новых нюансов в дисциплинарную повестку и переосмысления классических интерпретаций общественных феноменов и процессов.

Список литературы

Corsaro W.A. Big ideas from little people: what research with children contributes to social psychology // *Social psychology quarterly*. – 2020. – Vol. 83, N 1. – P. 5–25.

Corsaro W.A. The sociology of childhood. – Thousand Oaks (CA): Pine Forge press, 2005. – 359 p.

Elder G.H. Time, human agency, and social change: perspectives on the life course // *Social psychology quarterly*. – 1994. – Vol. 57, N 1. – P. 4–57.

Handbook of the sociology of inequality / ed. by J.D. McLeod, M.L. Schwalbe, E.J. Lawler. – Dordrecht: Springer, 2014. – 774 p.

**Премия Кули-Мида как индикатор развития теоретической
и прикладной социальной психологии в США (2019–2022)**

House J.S. Social structure and personality // Social psychology: sociological perspectives / ed. M. Rosenberg, R.H. Turner. – New York: Basic books, 1981. – P. 526–561.

Inkeles A. Making men modern: on the causes and consequences of individual change in six developing countries // American journal of sociology. – 1969. – Vol. 75, N 2. – P. 208–225.

Jackson J.M. Social psychology, past and present: an integrative orientation. – Hillside (NJ): Lawrence-Erlbaum, 1988. – 188 p.

Kroska A., Heise D.R., Smith-Lovin L. Introduction of Neil J. MacKinnon, 2021 Cooley-Mead award recipient // Social psychology quarterly. – 2022. – Vol. 85, N 1. – P. 1–5.

Lively K.J. Introduction of Jane McLeod, 2022 recipient of the Cooley-Mead award // Social psychology quarterly. – 2023. – Vol. 86, N 1. – P. 1–5.

MacKinnon N.J. Reductionism: friend or foe of an integrative social psychology? // Social psychology quarterly. – 2022. – Vol. 85, N 1. – P. 6–22.

MacKinnon N.J. Symbolic interactionism as affect control. – Albany (NY): SUNY press, 1994. – 264 p.

McLeod J.D. Invisible disabilities and inequality // Social psychology quarterly. – 2023. – Vol. 86, N 1. – P. 6–29.

Mental health, social mirror / ed. by W.R. Avison, J.D. McLeod, B.A. Pescosolido. – New York: Springer, 2007. – XXII, 472 p.

Ridgeway C.L. Introduction to Jan Stets // Social psychology quarterly. – 2021. – Vol. 84, N 4. – P. 283–285.

Roiser K.B. Introduction of William A. Corsaro, 2019 recipient of the Cooley-Mead award // Social psychology quarterly. – 2020. – Vol. 83, N 1. – P. 1–4.

Stets J.E. Micro, mezo, and macro processes in identity change: the 2020 Cooley-Mead award address // Social psychology quarterly. – 2021. – Vol. 84, N 4. – P. 286–308.

References

Corsaro W.A. Big ideas from little people: what research with children contributes to social psychology. *Social psychology quarterly*. – 2020. – Vol. 83, N 1. – P. 5–25.

Corsaro W.A. *The sociology of childhood*. – Thousand Oaks (CA): Pine Forge press, 2005. – 359 p.

Elder G.H. Time, human agency, and social change: perspectives on the life course. *Social psychology quarterly*. – 1994. – Vol. 57, N 1. – P. 4–57.

Handbook of the sociology of inequality. Ed. by J.D. McLeod, M.L. Schwalbe, E.J. Lawler. – Dordrecht: Springer, 2014. – 774 p.

House J.S. Social structure and personality. *Social psychology: sociological perspectives*. Ed. M. Rosenberg, R.H. Turner. – New York: Basic books, 1981. – P. 526–561.

Inkeles A. Making men modern: on the causes and consequences of individual change in six developing countries. *American journal of sociology*. – 1969. – Vol. 75, N 2. – P. 208–225.

Jackson J.M. *Social psychology, past and present: an integrative orientation*. – Hillside (NJ): Lawrence-Erlbaum, 1988. – 188 p.

Kroska A., Heise D.R., Smith-Lovin L. Introduction of Neil J. MacKinnon, 2021 Cooley-Mead award recipient. *Social psychology quarterly*. – 2022. – Vol. 85, N 1. – P. 1–5.

Lively K.J. Introduction of Jane McLeod, 2022 recipient of the Cooley-Mead award. *Social psychology quarterly*. – 2023. – Vol. 86, N 1. – P. 1–5.

MacKinnon N.J. Reductionism: friend or foe of an integrative social psychology? *Social psychology quarterly*. – 2022. – Vol. 85, N 1. – P. 6–22.

MacKinnon N.J. *Symbolic interactionism as affect control*. – Albany (NY): SUNY press, 1994. – 264 p.

McLeod J.D. Invisible disabilities and inequality. *Social psychology quarterly*. – 2023. – Vol. 86, N 1. – P. 6–29.

Mental health, social mirror. Ed. by W.R. Avison, J.D. McLeod, B.A. Pescosolido. – New York: Springer, 2007. – XXII, 472 p.

Ridgeway C.L. Introduction to Jan Stets. *Social psychology quarterly*. – 2021. – Vol. 84, N 4. – P. 283–285.

Roiser K.B. Introduction of William A. Corsaro, 2019 recipient of the Cooley-Mead award. *Social psychology quarterly*. – 2020. – Vol. 83, N 1. – P. 1–4.

Stets J.E. Micro, mezo, and macro processes in identity change: the 2020 Cooley-Mead award address. *Social psychology quarterly*. – 2021. – Vol. 84, N 4. – P. 286–308.

УДК 159.9.07; 316.6; 172

DOI: 10.31249/rsoc/2024.01.03

НЕМИРОВСКИЙ В.Г.* ПОЧЕМУ ЛЮДИ СОВЕРШАЮТ СКВЕРНЫЕ ПОСТУПКИ? ИССЛЕДОВАНИЯ МОТИВАЦИИ НЕЭТИЧНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена анализу мотивации неэтичного поведения людей в различных ситуациях и сферах социальной жизни. Методом исследования выступает анализ современных зарубежных и отечественных публикаций по психологическим наукам. Показано существование широкого спектра мотивов неэтичного поведения. Делается вывод, согласно которому те или иные его виды выступают важными индикаторами деструктивных тенденций в определенных сферах общественной жизни.

Ключевые слова: психология; мотивация неэтичного поведения; мотивация неэтичных поступков.

Для цитирования: Немировский В.Г. Почему люди совершают скверные поступки? Исследования мотивации неэтичного поведения // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2024. – № 1. – С. 41–61. – DOI: 10.31249/rsoc/2024.01.03

Статья поступила: 23.11.2023.

Принята к публикации: 20.12.2023.

NEMIROVSKY V.G.** What causes people to do bad things? Research on the motivations for unethical behavior

* Немировский Валентин Геннадьевич – доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; valnemirov@mail.ru

** Nemirovsky Valentin Gennadievich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Leading Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; valnemirov@mail.ru

Abstract. This article examines the motivation of people who engage in unethical behavior in various spheres of public life. The research method is the analysis of recent publications in the psychological sciences. The existence of a wide range of motives for unethical behavior is shown. It is concluded that certain types of it are important indicators of destructive tendencies in certain areas of public life.

Keywords: psychology; motivation for unethical behavior; motivation for unethical actions.

For citation: Nemirovsky V.G. What causes people to do bad things? Research on the motivations for unethical behavior. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2024. – N 1. – P. 41–61. DOI: 10.31249/rsoc/2024.01.03

Received: 23.11.2023.

Accepted: 20.12.2023.

Введение

Одним из центральных предметов психологического анализа традиционно выступает мотивация поведения человека. Соответственно, имеет место неисчислимо многообразие разнообразных определений этого феномена. Подобная ситуация существует уже давно, и почти столетия тому назад советский психолог А.Н. Леонтьев характеризовал ее следующим образом: «В современной психологии термином “мотив” (мотивация, мотивирующие факторы) обозначаются совершенно разные явления. Мотивами называют инстинктивные импульсы, либо логические влечения и аппетиты, а равно переживание эмоций, интересы, желания; в простом перечне мотивов можно обнаружить такие, как жизненные цели и идеалы, но также и такие, как раздражение электрическим током» [Леонтьев, 1975, с. 189].

С тех пор возникло немало новых фундаментальных теорий мотивации, но их рассмотрение в силу понятных причин не входит в нашу задачу. Отметим лишь, что в последние годы вышел ряд разноплановых публикаций, авторы которых пишут о необходимости пересмотреть устаревшие подходы к пониманию мотивации, формируя новые теоретические конструкции, позволяющие более адекватно объяснять мотивационные процессы в различных

сферах человеческой деятельности. В этом аспекте целесообразно обратить внимание, например, на статьи, опубликованные в известном научном журнале *Advances in motivation science* [Ntoumanis, 2023 ; Kuhl, Quirin, Koole, 2021 ; Miele, Scholer, Fujita, 2020].

Мы будем рассматривать понятие «мотивация» предельно широко, чтобы не оставить вне его рамок какие-либо подходы, реализуемые в рассматриваемых публикациях, а именно: как систему осознаваемых или неосознаваемых факторов, побуждающих индивида к действиям и определяющих, в данном случае, его склонность к неэтичному поведению, а заинтересованных читателей отсылаем к соответствующей справочной литературе.

Одним из факторов, который вызывает интерес к изучению мотивов неэтичного поведения, является цепь этических скандалов в кругах предпринимателей, политиков, деятелей культуры, регулярно возникающих в различных странах мира. Побуждение исследователей-психологов к анализу мотивации неэтичного поведения в значительной мере стимулируется и современной управленческой практикой. Например, повышение эффективности принятия управленческих решений в политике и бизнесе требует учета мотивации людей, прогнозирования возможности совершения ими неэтичных поступков. При этом для многих представителей элит остается важным их собственный имидж и то, как может повлиять на него дошедшая до общественности информация об их неэтичном поведении. Поэтому возникает вопрос об эффективных способах нивелирования психологических последствий нарушений различными субъектами управления или их подчиненными этических норм, которые стали достоянием гласности. Например, целесообразно ли наказывать «проштрафившегося» чиновника и насколько строго, в какой мере действенны те или иные формы личной благотворительности с целью «искупления вины», как более эффективно использовать межличностную коммуникацию, воздействие на публику через СМИ и т.п.

Сформировавшийся тренд порождает не только специализированные, но и множество инициативных исследований, публикации по итогам которых доступны для научной общественности. Разумеется, нельзя исключать и возросший научный интерес исследователей к мотивации неэтичного поведения в условиях резких социокультурных изменений, трансформации существующих

этических систем, этического релятивизма, формирования «постэтики», а также увеличение объективной социальной потребности в создании механизмов работы с последствиями деморализации общества, отчуждения моральной ответственности и т.п.

В наиболее общем виде неэтичное поведение определяется довольно просто – это поведение, нарушающее общепринятые этические нормы. Сразу следует указать на отличие неэтичного поведения от девиантного. Последнее имеет более широкое значение, под девиантным принято понимать поведение, отклоняющееся от социальных норм. Причем оно может отклоняться не только в негативную, но и в позитивную сторону. В отличие от него неэтичное поведение однозначно оценивается обществом как негативное. Девиантное поведение относится, скорее, к мезоуровню социума и изучается как социологией, так и психологическими науками (психологией девиантного поведения, психологией личности, психологией коммуникаций, психологией управления, психологией организаций, социальной психологией и др.). Поведение человека на общественном микроуровне (в межличностных отношениях, малых группах, семье, организациях, нарушающее, как правило, нравственные нормы) относят к неэтичному поведению и предмету психологических дисциплин. Следует отметить, что девиантное поведение также может выступать предметом психологического исследования.

Проблема нашего исследования заключается в противоречии между знанием подавляющим большинством людей норм этики, принятых в их среде, и частым несоблюдением ими данных норм. Цель исследования – анализ результатов психологических исследований мотивации неэтичного поведения. Предмет – мотивация неэтичного поведения; метод – анализ научных публикаций по теме исследования в отечественной и зарубежной литературе.

Ценности как мотивы неэтичного поведения

У современных ученых немалый интерес вызывает анализ взаимосвязи системы личных ценностей индивида с неэтичными установками и поведением, противоречащим этическим нормам. Например, под неэтичностью Ж. Фельдман с коллегами подразумевают как намерения в этом участвовать, так и отношение к по-

ведению, которое нарушает широко принятые социальные этические нормы, и фактическое соучастие в нем. По их мнению, подобное «поведение может включать ложь (нечестность), обман, мошенничество, воровство, саботаж и взяточничество как активное поведение, а также поведение, которое может показаться менее активным, например, сокрытие неправомерных действий других лиц и нарушение законов или общепринятых моральных кодексов посредством бездействия» [The motivation and inhibition ... , 2015].

В эмпирических исследованиях, результаты которых изложены в настоящей статье, использовалась широко известная теория ценностей Ш. Шварца [Schwartz, 1992]. Ученый группирует личные ценности в десять категорий универсального значения, демонстрирующие последовательную структуру отношений по биполярным измерениям двумерной круговой модели – самосовершенствование (власть, достижения и иногда гедонизм) против самопревосхождения (благожелательность, универсализм) и открытость к изменениям (самоуправление, стимулирование и иногда гедонизм) против сохранения (традиции, безопасности, конформизма). Отношения между различными ценностями следуют универсально последовательному шаблону циркумплекса, где ценности, которые имеют общую мотивацию и, следовательно, с большей вероятностью будут ближе по уровню важности, кажутся ближе в циркумплексе. Ценности, являющиеся противоположными друг другу на циркумплексе, отражают напряжение между двумя противоположными мотивами [Schwartz, 1992, p. 14–15].

Теоретический анализ и результаты проведенных авторами статьи трех эмпирических исследований (использованы 16 различных многонациональных выборок: N=107087), направленных на выявление связи системы личных ценностей с неэтичными установками и поведением, показали высокую сложность мотивов, лежащих в основе неэтичности. В разных контекстах и культурах а) при изучении отношения к неэтичному поведению; б) в лабораторных исследованиях; в) на примере реальной жизни авторы пришли к устойчивым выводам, согласно которым циркумплексная структура теории ценностей предсказывает сдерживание и мотивацию неэтичности. Неэтичность была положительно связана с ценностями самоутверждения и отрицательно связана с ценностями

ми самотрансцендентности и сохранения (консерватизма). При этом последние две ценности были связаны с подавлением различных типов неэтичности. Взаимосвязь ценностей открытости к изменениям и неэтичности в целом была положительной, но величина эффекта варьировалась в зависимости от контекста [Schwartz, 1992, p. 59–60].

На основании теоретического анализа и разносторонних эмпирических исследований авторы делают выводы, согласно которым ценности самовозвышения выражают желание продвигать эгоистические интересы, даже за счет других, тем самым предполагая, что человек, одобряющий достижения и власть (а также богатство), с большей вероятностью будет действовать, не принимая во внимание этические или моральные кодексы общества.

Как и можно было ожидать, определенные ценности, согласно социально-психологическим исследованиям, выступают мотивами коррупции, которая является одной из наиболее неприемлемых форм неэтичного поведения. При этом ее справедливо относят и к серьезному проявлению социальной девиации. Согласно Федеральному закону от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», коррупция имеет различные виды, причем отдельные из них, в частности, «кумовство, nepотизм» в некоторых случаях могут оцениваться окружающими людьми просто как неэтичные поступки. В любом случае, в основе последних лежат мотивы, аналогичные тем, которые побуждают человека совершать коррупционные правонарушения [Федеральный закон ... , 2008].

В публикации А.Н. Татарко и соавторов изложены результаты исследований, также основанных на теории ценностей Ш. Шварца. В частности, с одобрением коррупции позитивно связаны ценности Власти (и «Власть – Ресурсы», и «Власть – Доминирование»). Важно учитывать, что «выраженность ценностей власти традиционно высока в России, поэтому ценностные основания для коррупции, имеющие, по сути, культурные корни, у нас есть» [Татарко, Миронова, Макласова, 2021].

Эмоции как мотивация неэтичного поведения

Авторами рассмотренной выше статьи выявлен и другой существенный психологический мотиватор, обуславливающий приемлемость коррупции – это опыт страданий и переживаемая тревога, т.е. эмоциональное состояние. Исследователи отмечают: «В социальной психологии есть целый пласт исследований, показывающих, что опыт переживаемых страданий делает человека как бы “более уязвимым” в плане возможности совершения нечестного поступка. Состояние социальной или душевной боли способно увеличивать склонность человека к нечестному поведению. Механизм этой связи может быть сведен к следующему: значительная часть людей разделяет мнение, что человек получает в жизни то, что заслуживает. Испытывая страдания, люди склонны расценивать их как несправедливость по отношению к себе. Чтобы компенсировать несправедливость, человек решает позволить себе большее, оправдывая свою лояльность к нечестному поведению. Таким образом, люди более склонны к нечестному поведению, если воспринимают ситуацию как несправедливую по отношению к себе» [Татарко, Миронова, Макласова, 2021, с. 90–91].

Как показывают исследования, эмоции относятся к числу важных факторов, мотивирующих неэтичное поведение. В частности, учеными из США установлено: «когда эмоции способствуют беспокойству о себе, люди с большей вероятностью занимаются эгоистичным обманом. Напротив, если эмоции способствуют заботе о других, люди с большей вероятностью проявят честность» [Yip, Lee, 2022].

На наш взгляд, немалый научный и практический интерес представляет осуществленный А.Н. Татарко и соавторами анализ связи макротревог (беспокойство о том, что может начаться война с внешним врагом, гражданская война, атаки террористов) и микротревог (боязнь потерять работу, отсутствие возможности дать детям хорошее образование и т.д.) с оценкой коррупционного поведения: «макротревоги отрицательно связаны с приемлемостью коррупции, другими словами, когда россияне переживают по поводу угрозы социуму, они склонны избегать коррупционного поведения, которое, по сути, социум ослабляет еще больше. Микротревоги, напротив, позитивно связаны с приемлемостью коррупции:

когда россияне переживают за свое положение или положение близких, то это делает их более уязвимыми и повышает приемлемость коррупции как потенциального способа решения проблем» [Татарко, Миронова, Макласова, 2021, с. 91].

Мотивация неэтичных поступков, ведущих к коррупционному поведению

Дж. Ганс-Морс с коллегами провели среди жителей России и Украины (n=1870) серию экспериментальных игр, которые дали возможность оценить степень склонности людей к альтруистическому, нечестному и коррупционному поведению. Ученые выявили взаимосвязь этих типов поведения с мотивацией государственной службы (последнюю авторы понимают как «мотивацию работать на благо общества»). Было установлено, что мотивация государственной службы имеет выраженную отрицательную связь со склонностью к коррупции, а также положительную корреляцию с альтруизмом, в то время как связь между мотивацией государственной службы и склонностью к нечестному поведению в целом менее однозначна. По мнению авторов, эти данные говорят о том, что коррупция и нечестное поведение – фундаментально разные, хотя и сопутствующие явления [Public service motivation ... , 2022].

Анализу мотивации коррупционного поведения посвящено немало число современных работ, как в отечественной, так и в зарубежной психологии. В частности, целью исследования, проведенного группой авторов (А.А. Максименко и др.) было создание психологического портрета сотрудников организаций, в которых возможна коррупция, а также выявление их отношения к коррупции и способам борьбы с ней. Был проведен анонимный анкетный опрос 100 муниципальных служащих г. Костромы, включающий чиновников всех уровней: руководители департаментов и их заместители (высшее звено), начальники отделов и их заместители (среднее звено), рядовые исполнители. Полученные результаты не могут не вызвать удивления. Оказалось, что преимущественно общественно одобряемые мотивы, в первую очередь социально-альтруистические, продемонстрировали чиновники высокого уровня, для которых «наиболее привлекательными достоинствами муниципальной службы являются возможность помочь людям,

обществу в решении их проблем, достойное пенсионное обеспечение, а также комфортный психологический климат», тогда как у чиновников-исполнителей в системе ценностей «приоритетными являются исключительно материальные выгоды». Причем «коррупция трактуется чиновниками не в ее широком понимании, закрепленном в законодательстве как “злоупотребление служебным положением”, а гораздо уже – как “дача взятки”» [Максименко, Дейнека, Крылова, 2020, с. 31].

При прочтении данной статьи бросается в глаза абсолютное несоответствие использованной методики (анкетного опроса) и целей исследования. Безусловно, чиновники высокого уровня, анонимность ответов которых никак не гарантируется, дают максимально социально одобряемые ответы. Чиновники низкого ранга, находящиеся в несколько иной социально-психологической ситуации, демонстрируют более адекватные результаты.

Целью эмпирического исследования, которому посвящена более поздняя статья, принадлежащая перу ведущего автора предыдущей публикации (А.А. Максименко и др.), выступало изучение этических установок будущих государственных служащих в сравнении с будущими предпринимателями, а также с работниками коммерческих компаний и государственных служащих с помощью онлайн-опроса (n=874). Тестовая выборка (134 студента) состояла из двух групп: студенты специальности «Государственное и муниципальное управление» и «Право» (70 чел.) и студенты программ бизнес-образования (64 чел.). Фоновая выборка состояла из государственных и муниципальных служащих (39,0% от общей выборки) и работников коммерческих компаний (36,5%), а также представителей НКО (6,8%) [Этические установки ... , 2023].

В данном опросе применялись специализированные методики: опросник «Моральные представления (аморализм) – МПА-2» Е.А. Булгаковой и шкалы «темного будущего» З. Залесского. Полученные результаты заслуживают особого внимания: «...будущие государственные служащие значимо чаще, чем будущие представители бизнес-сообщества, допускают оправдание присвоения чужого, обман по причине недоговоренностей, месть в рамках закона. У будущих госслужащих показатели по шкалам цинизма, агрессивности и враждебности оказались выше, чем у студентов сферы бизнес-образования» [Этические установки ... , 2023, с. 68].

Оригинальную научную гипотезу выдвинули Г. Риполь и К. Скотт, задавшись вопросом, «изменяют ли люди с высокой мотивацией к государственной службе свое оправдание неэтичного поведения, когда ценность, которую обеспечивает такое поведение, защищает или ставит под угрозу их интерпретацию общественных интересов?» Исследования, основанные на выборке, включающей более 1500 граждан Каталонии (Испания), ее подтвердили, т.е. респонденты в такой ситуации оправдывают неэтичное поведение [Ripoll, Schott, 2023].

Роль самоконтроля в мотивации неэтичного поведения

Анализируя мотивацию неэтичных поступков, нельзя не сказать и о внутрипсихических механизмах, которые *препятствуют* их реализации. Без сомнения, в процессе совершения любых неэтичных поступков важнейшую роль играет наличие у человека способности к самоконтролю. Например, самоконтроль играет важную роль в реализации такого вида неэтичного поведения, как ложь [Бочкова, Мешкова, 2019].

Мы полагаем, что, рассматривая неэтичные поступки как «предшествующий этап» девиантного поведения, можно вести речь о низком уровне самоконтроля в качестве одного из мотивирующих факторов неэтичного поведения.

Надо сказать, что в последние годы в зарубежной науке активно развиваются современные теории самоконтроля. Их центральным звеном выступает тезис, в соответствии с которым самоконтроль – это процесс с множеством взаимозависимых точек потенциального сбоя. Так, большинство исследований ориентировались на изучение причин, по которым люди утрачивают самоконтроль и последствиях этого как для отдельных лиц, так и организаций, считают Х. Лиан с соавторами [Self-control at work, 2017]. Эти авторы делают вывод о том, что «подобные исследования чрезмерно сосредоточились на одном компоненте самоконтроля – перспективе истощения ресурсов (и, в частности, перспективе истощения эго), – при этом игнорируя другие компоненты, которые играют не менее важную роль в процессе самоконтроля» [Self-control at work, 2017, p. 704].

Распространение таких подходов, утверждают К. Белинда с коллегами, «ставит ученых-организаторов в затруднительное положение, поскольку большинство исследований в области менеджмента рассматривают самоконтроль как единственную переменную. Мы устраняем этот недостаток, концептуализируя многокомпонентный процесс самоконтроля, кульминацией которого является неэтичное поведение» (выделено мною. – В.Н.) [An integrative self-control framework ... , 2020]. Исследования, проведенные авторами данной работы, представляют немалый научный и практический интерес, поскольку свидетельствуют, что целью более высокого порядка, мотивирующую человека использовать осознанность (форму способности самоконтроля), чтобы преодолеть желание обмануть, является моральная идентичность [ibid.].

В статье А. Вазсоны с соавторами представлены результаты мета-анализа, с помощью которого изучена связь между самоконтролем и показателями преступности и девиаций (рассмотрено 796 исследований способности человека к самоконтролю с 2000 по 2010 г.) [Vazsonyi, Mikuška, Kelley, 2017, p. 48]. В результате была доказана позитивная связь между низким уровнем самоконтроля человека, с одной стороны, и девиантного и криминального поведения – с другой.

Жадность и гордость как мотивы неэтичного поведения

Одним из важных и крайне широко распространенных мотивов неэтичного поведения является жадность, которой посвящено немало исследований в психологических науках. Согласно характеристике И.М. Юсупова, «Жадность – эмоциональная компенсация непризнания личности другими. Это разновидность психологической защиты. Цель – эмоционально насытить ущемленную самооценку через обладание вещественными и нематериальными ценностями. Приемы – пресытить необходимые для жизни ресурсы во всех ее аспектах: пище, развлечениях, движимости и недвижимости, общественном статусе, доступе к закрытой для общества информации и т.д.» [Юсупов, 2022, с. 32]. При этом важно отметить, что жадность во многом побуждается неуверенностью человека в себе.

По словам Г. Лемби и Дж. Хаген, концепция жадности стала популярной темой после экономического кризиса 2008 г. Большая часть психологических исследований, касающихся жадности, рассматривает ее как черту, специфичную для конкретной ситуации; но при этом также опубликованы исследования, которые доказывают возможность существования жадности в качестве специфической диспозиции [Lambie, Naugen, 2019].

Широко распространено мнение, что жадность тесно связана с коррупцией и является одним из ведущих мотивов коррупционных поступков. Между тем, как показывают некоторые исследования, жадность не всегда ведет к коррупции: «жадность положительно предсказывает коррупционные намерения, когда описательные нормы коррупции высоки; напротив, эта связь исчезала, когда описательные нормы коррупции были низкими» [Are greedy individuals ... , 2023, p. 165].

Жадность принято считать аморальной. Соответственно, широко распространено предположение о том, что жадность вызывает неэтичное поведение. Но при этом крайне мало эмпирических исследований, проверяющих эту взаимосвязь. Т. Сентьенс с коллегами провели серию из трех исследований (первое: 3 выборки, N=3413; второе: стимулирующий лабораторный эксперимент N=172; третье: N=302). Было убедительно показано, что жадные люди с большей вероятностью совершали неэтичные поступки и преступления, потому что они находили положительные результаты, связанные с нарушением, более желательными и, следовательно, демонстрировали более низкий самоконтроль [Greedy bastards, 2019].

Как видим, согласно ряду исследований, самоконтроль играет важную роль в предотвращении некоторых неэтичных поступков.

Одним из важных мотивов неэтичного поведения выступает гордость. Многочисленные работы ученых свидетельствуют о наличии двух аспектов гордости: с одной стороны, «подлинной гордости», которая связана с достижениями человека, высокой самооценкой и просоциальными чертами личности, и «высокомерной гордости», ассоциированной с высокомерием, низкой самооценкой и антисоциальными чертами личности, – с другой. Были проведены «восемь исследований, в которых участники оказывались в ситуации, где столкнулись с возможностью лгать как средством по-

лучения различных социальных вознаграждений (например, статуса, власти). Результаты показывают, что высокомерно гордые участники вели себя нечестно, когда сталкивались с угрозой статусу, но не когда сталкивались с угрозой потери власти или общей неполноценности...» [Mercadante, Tracy, 2022, p. 1681].

О мотивации неэтичного поведения в организациях

Китайские и американские исследователи констатируют, что неэтичное поведение широко распространено и обходится экономически дорого в организациях; в связи с этим в последнее время большое внимание исследователей уделяется различным формам неэтичного поведения на рабочем месте [Liu, Liao, Liu, 2020]. Авторы статьи обращают свое внимание на важную форму неэтичного поведения, которая ранее упускалась из виду многими исследователями, а именно: неэтичное поведение, осуществляемое во благо семьи, но нарушающее социальные и организационные моральные правила, – называемое ими «неэтичным просемейным поведением» (UPFB), для изучения которого ими была разработана специальная шкала. На основании экспериментального использования этой шкалы делается вывод, в соответствии с которым сотрудники с более сильным семейным финансовым давлением с большей вероятностью используют психологические механизмы для деактивации моральной саморегуляции [ibid., p. 638].

Л. Малдер с коллегами обратили внимание на то, какие формулировки правил поведения в организации более эффективно способствуют ограничению неэтичного поведения ее сотрудников. В частности, правила для работников организации могут быть сформулированы как в конкретных («Не принимайте подарки от клиентов»), так и в общих терминах («Не участвовать в конфликте интересов»). Результаты трех исследований показывают, что конкретные правила всегда являются более эффективными для предупреждения неэтичных поступков, чем выраженные более общими формулировками. Причем эффект личной выгоды слабо влияет на эту тенденцию [Mulder, Rink, Jordan, 2020].

Неэтичное поведение нередко осуществляется под прикрытием действий нарушителя другими лицами. Целью рассматриваемого исследования было изучение такого распространенного

типа неэтичного поведения, как готовность людей лгать, дабы скрыть нечестность других. В результате проведения полностью стимулированного эксперимента (N=288) была обнаружена высокая распространенность лжи с целью прикрытия неэтичного поведения других, которая увеличивалась с увеличением взяток. В свою очередь, неэтичная лояльность снижалась с увеличением уровня честности и смирения людей [Thielmann, Böhm, Hilbig, 2021]. По мнению авторов статьи, в целом результаты показывают, что большинство людей склонны скрывать проступки других.

Другие виды мотивов неэтичного поведения

В современной социально-экономической ситуации в нашей стране весьма актуальным представляется анализ мотивации принятия этически необоснованного экономического решения, связанного с искусственным повышением цен на фоне вынужденного потребительского спроса. М.В. Балева и др., с участием 462 студентов 1–4 курсов, из которых 17,3% составляли мужчины и 82,7% – женщины, проанализировали роль черт Темной триады в этом процессе. Учеными было установлено, «что склонность к этически необоснованным финансовым решениям проявляется при сочетании высокой Темной триады и низкой ориентации на материализм, причем на уровне суммарных показателей данная закономерность прослеживается лишь на уровне тенденции, а для макиавеллизма – на статистически значимом уровне. Полученные результаты свидетельствуют о том, что в основе неэтичного экономического решения “темной” личности может лежать неутилитарная мотивация, которая проявляется в отказе от прибыли ради возможности причинить вред» [Балева, Корниенко, Ячменёва, 2023, с. 24].

Большую популярность в психологических исследованиях мотивации различных видов человеческого поведения получило применение так называемой «Большой пятерки» (OCEAN), или пятифакторной модели личности, различные аспекты использования которой рассмотрены, например, П. Костой, Р. Маккреем [Costa, McCrae, 2008], Й. Штрикером совместно с коллегами [Stricker, Buecker, Pietrowsky, 2022].

Так, представляет интерес работа, в которой анализируется взаимосвязь между тремя чертами личности из «Большой пятер-

ки»: добросовестностью, открытостью опыту, доброжелательностью, с одной стороны, и готовностью человека оправдывать неэтичное поведение – с другой [Simha, Parboteeah, 2020]. Здесь использовалась весьма широкая выборка, включающая 38 655 респондентов из 23 разных стран мира, которая была сформирована на основе данных опроса World Values Survey Group (WVS 2014). Авторы обнаружили, что «добросовестность и доброжелательность отрицательно связаны с готовностью оправдывать неэтичное поведение» [ibid., p. 451].

Роль выгоды в неэтичном поведении рассматривают авторы из Нидерландов и Швейцарии, которые опираются на концепцию социального обмена. Они отмечают, что важно учитывать как положительные, так и отрицательные мотивы взаимности. Экспериментально было установлено, что последователи используют неэтичное поведение в поддержку лидера, чтобы положительно ответить взаимностью на выгоды, которые они от него получают. При этом выявлены важные нюансы: «Высококачественные отношения между лидерами и членами группы мотивируют неэтичное намерение в пользу лидера как средство удовлетворения положительных мотивов взаимности, а низкокачественные – мотивируют неэтичное намерение в пользу себя как средство удовлетворить негативные мотивы взаимности» [The dark side of relational leadership, 2020].

Заключение

Проведенный нами анализ показал, что в современной психологии существуют разносторонние подходы к изучению неэтичного поведения и его мотивации, в основе которых лежит широкий спектр теоретико-методологических концепций. Зарубежные исследователи рассматривают неэтичность не только как участие человека в поведении, которое нарушает общепринятые социальные этические нормы, но и как намерение в нем участвовать, а также и отношение к такому поведению.

Рассмотренные нами мотивы неэтичного поведения сложны и разнообразны: например, это могут быть ценности самоутверждения, консерватизма и открытости к изменениям (по Ш. Шварцу). Выявлены тенденции, в соответствии с которыми неэтичному

поведению способствуют ложь, жадность, стремление к власти, богатству, наличие у человека черт личности, относящихся к так называемой Темной триаде: нарциссизм, макиавеллизм и психопатия.

Исследования, проведенные в нашей стране среди студентов – будущих государственных служащих, показывают, что их склонность к различным видам неэтичного поведения, которые могут лежать в основе коррупции (оправдание присвоения чужого, обман, месть в рамках закона, цинизм, агрессия, враждебность), выше чем у тех, кто учится в сфере бизнес-образования.

Определенные эмоциональные состояния также способны мотивировать неэтичное поведение: например, микротревоги, связанные с беспокойством о себе, позитивно связаны как с эгоистическим обманом, так и склонностью к коррупции.

Напротив, установлено, что склонности людей к совершению и оправданию неэтичных поступков противостоит не только развитая способность к самоконтролю, но и такие черты личности из «Большой пятерки», как добросовестность и доброжелательность.

На наш взгляд, в современных условиях важно учитывать, что полученный опыт пережитых людьми страданий также способен побуждать их к оправданию и распространению неэтичного поведения. Нельзя обходить вниманием последствия социокультурных и психологических травм, связанных с проведением СВО, изменением в социуме этических норм, что может привести к распространению неэтичного поведения среди различных групп населения страны.

Неэтичные поступки, учитывая их мотивацию, безусловно, являются одним из видов деструктивного поведения человека. В широком смысле распространение в массовой психологии склонности к неэтичному поведению можно рассматривать как тенденцию социума к саморазрушению. Соответственно, те или иные его виды выступают серьезными индикаторами деструктивных тенденций в конкретных сферах общественной жизни. Поэтому весьма важно регулярное проведение психологических исследований этих вопросов с привлечением методологических возможностей других смежных наук.

Список литературы

- Балева М.В., Корниенко Д.С., Ячменёва Н.П.* Роль Темной триады и ориентации на материализм в оценке этически необоснованного экономического решения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Психология и педагогика. – 2023. – Т. 20, № 1. – С. 24–40. – DOI: 10.22363/2313-1683-2023-20-1-24-40
- Бочкова М.Н., Мешкова Н.В.* Поведенческие особенности негативной и антисоциальной креативности на примере подростков // Психолого-педагогические исследования. – 2019. – Т. 11, № 1. – С. 93–106. – DOI: 10.17759/psyedu.2019110108.
- Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. – Москва: Политгиздат, 1975. – 304 с.
- Максименко А.А., Дейнека О.С., Крылова Д.В.* Этикопсихологическое портретирование российского коррупционера // Национальный психологический журнал. – 2020. – № 4 (40). – С. 31–47.
- Татарко А.Н., Миронова А.А., Макласова Е.В.* Социально-психологические аспекты приемлемости коррупции в России // Социодиггер. – 2021. – Т. 2, № 10 (15). – С. 88–93.
- Федеральный закон № 273-ФЗ от 25.12.2008 «О противодействии коррупции» // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. – URL: https://digital.gov.ru/ru/documents/3419/?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.com%2f (дата обращения: 10.11.2023).
- Этические установки будущих представителей государственного управления и бизнес-сообщества: сравнительный анализ / Максименко А.А., Дейнека О.С., Крылова Д.В., Забелина Е.В., Булгакова Е.А. // Образование и наука. – 2023. – Т. 25, № 2. – С. 68–97. – DOI: 10.17853/1994-5639-2023-2-68-97
- Юсупов И.М.* Психология измены: монография. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2022. – 131 с.
- An integrative self-control framework for unethical behavior / Belinda C., Christian M., Long E.C., Welsh D., Slaughter J. // Academy of management proceedings. – 2020. – № 1. – URL: <https://journals.aom.org/doi/abs/10.5465/AMBPP.2020.64> (accessed: 20.11.2023).
- Are greedy individuals more corrupt? / Li X., Dang J., Liu L., Liang Yu., Wei C., Gu Z. // Current psychology. – 2023. – Vol. 42, N 1. – P. 165–173. – DOI: 10.1007/s12144-021-01415-1
- Costa P.T., McCrae R.R.* The revised neo personality inventory (neo-pi-r) // The SAGE handbook of personality theory and assessment. – 2008. – Vol. 2, N 2. – P. 179–198.
- Greedy bastards: testing the relationship between wanting more and unethical behavior / Seuntjens T.G., Zeelenberg M., van de Ven N., Breugelmans S.M. // Personality and individual differences. – 2019. – Vol. 138. – P. 147–156. – DOI: 10.1016/j.paid.2018.09.027

Kuhl J., Quirin M., Koole S.L. The functional architecture of human motivation: personality systems interactions theory // *Advances in motivation science*. – 2021. – Vol. 8. – P. 1–62. – DOI: 10.1016/bs.adms.2020.06.001

Lambie G.W., Haugen J.S. Understanding greed as a unified construct // *Personality and individual differences*. – 2019. – Vol. 141. – P. 31–39.

Liu Z., Liao H., Liu Y. For the sake of my family: understanding unethical pro-family behavior in the workplace // *Journal of organizational behavior*. – 2020. – Vol. 41, N 7. – P. 638–662. – DOI: 10.1002/job.2463

Mercadante E.J., Tracy J.L. A paradox of pride: hubristic pride predicts strategic dishonesty in response to status threats // *Journal of experimental psychology: general*. – 2022. – Vol. 151, N 7. – P. 1681–1706. – DOI: 10.1037/xge0001158

Miele D.B., Scholer A.A., Fujita K. Metamotivation: emerging research on the regulation of motivational states // *Advances in motivation science*. – 2020. – Vol. 7. – P. 1–42. – DOI: 10.1016/bs.adms.2019.10.001

Mulder L.B., Rink F., Jordan J. Constraining temptation: how specific and general rules mitigate the effect of personal gain on unethical behavior // *Journal of economic psychology*. – 2020. – Vol. 76. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0167487018306482> (accessed: 10.11.2023).

Ntoumanis N. The bright, dark, and dim light colors of motivation: advances in conceptualization and measurement from a self-determination theory perspective // *Advances in motivation science*. – 2023. – Vol. 10. – P. 37–72.

Public service motivation as a predictor of corruption, dishonesty, and altruism / Gans-Morse J., Kalgin A., Klimenko A., Vorobyev D., Yakovlev A. // *Journal of public administration research and theory*. – 2022. – Vol. 32, N 2. – P. 287–309. – DOI: 10.1093/jopart/maab018

Ripoll G., Schott C. Does public service motivation foster justification of unethical behavior? Evidence from survey research among citizens // *International public management journal*. – 2023. – Vol. 26, N 1. – P. 1–22. – DOI: 10.1080/10967494.2020.1825576

Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: theoretical advances and empirical tests in 20 countries // *Advances in experimental social psychology*. – 1992. – Vol. 25. – P. 1–65.

Self-control at work / Lian H., Yam K.C., Ferris D.L., Brown D. // *Academy of management annals*. – 2017. – Vol. 11, N 2. – P. 703–732.

Simha A., Parboteeah K.P. The big 5 personality traits and willingness to justify unethical behavior – a cross-national examination // *Journal of business ethics*. – 2020. – Vol. 167, N 3. – P. 451–471. – DOI: 10.1007/s10551-019-04142-7

Stricker J., Buecker S., Pietrowsky R. Alignment of the personality inventory for ICD-11 with the five-factor model of personality // *Psychological assessment*. – 2022. – Vol. 34, N 7. – P. 711–716. – DOI: 10.1037/pas0001141

The dark side of relational leadership: positive and negative reciprocity as fundamental drivers of follower's intended pro-leader and pro-self unethical behavior / Vriend T., Said R., Janssen O., Jordan J. // *Frontiers in psychology*. Sec. Organizational

psychology. – 2020. – Vol. 11. – URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2020.01473/full> (accessed: 20.11.2023).

The motivation and inhibition of breaking the rules: personal values structures predict unethicality / Feldman G., Chao M.M., Farh J.L., Bardi A. // *Journal of research in personality*. – 2015. – N 59. – P. 69–80. – DOI: 10.1016/j.jrp. 2015.09.003

Thielmann I., Böhm R., Hilbig B.E. Buying unethical loyalty: a behavioral paradigm and empirical test // *Social psychological and personality science*. – 2021. – Vol. 12, N 3. – P. 363–370. – DOI: 10.1177/1948550620905218

Vazsonyi A.T., Mikuška J., Kelley E.L. It's time: a meta-analysis on the self-control-deviance link // *Journal of criminal justice*. – 2017. – Vol. 48. – P. 48–63. – DOI: 10.1016/j.jcrimjus. 2016.10.001

Yip J.A., Lee K.K. Emotions and ethics: how emotions sensitize perceptions of the consequences for self and others to motivate unethical behavior // *Current opinion in psychology*. – 2022. – Vol. 48. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2352250X22001853> (accessed: 20.11.2023).

References

An integrative self-control framework for unethical behavior / Belinda C., Christian M., Long E.C., Welsh D., Slaughter J. *Academy of management proceedings*. – 2020. – № 1. – URL: <https://journals.aom.org/doi/abs/10.5465/AMBPP.2020.64> (accessed: 20.11.2023).

Are greedy individuals more corrupt? / Li X., Dang J., Liu L., Liang Yu., Wei C., Gu Z. *Current psychology*. – 2023. – Vol. 42, N 1. – P. 165–173. – DOI: 10.1007/s12144-021-01415-1

Baleva M.V., Kornienko D.S., Yachmeneva N.P. Rol' Temnoj triady i orientacii na materializm v ocenke eticheski neobosnovannogo ekonomicheskogo resheniya [The role of the Dark triad and materialistic orientation in evaluating an ethically unfounded economic decision]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Psihologiya i pedagogika*. [RUDN journal of psychology and pedagogics]. – 2023. – Vol. 20, N 1. – P. 24–40. – DOI: 10.22363/2313-1683-2023-20-1-24-40 (In Russian)

Bochkova M.N., Meshkova N.V. Rol' Temnoj triady i orientacii na materializm v ocenke eticheski neobosnovannogo ekonomicheskogo resheniya [Behavioral features of negative and malevolent creativity in adolescents]. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya* [Psychological and educational studies]. – 2019. – Vol. 11, N 1 – P. 93–106. (In Russian)

Costa P.T., McCrae R.R. The revised neo personality inventory (neo-pi-r). *The SAGE handbook of personality theory and assessment*. – 2008. – Vol. 2, N 2. – P. 179–198.

Eticheskie ustanovki budushchih predstavitelej gosudarstvennogo upravleniya i biznes-soobshchestva: sravnitel'nyj analiz. [Ethical attitudes of the future Russian officials and businessmen: comparative analysis] / Maksimenko A.A., Deyneka O.S., Krylova D.V., Zabelina E.V., Bulgakova E.A. *Obrazovanie i nauka* [The education and

science journal]. – 2023. – Vol. 25, N 2. – P. 68–97. – DOI: 10.17853/1994–5639–2023–2–68–97 (In Russian)

Federal'nyj zakon № 273-FZ ot 25.12.2008 “O protivodejstvii korruptcii”. [Federal law N 273-FZ of December 25, 2008 “On combating corruption”] / Ministerstvo cifrovogo razvitiya, svyazi i massovyh kommunikacij Rossijskoj Federacii [Ministry of digital development, communications and mass communications of the Russian Federation]. – URL: https://digital.gov.ru/ru/documents/3419/?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.com%2f (accessed 10.11.2023). (In Russian)

Greedy bastards: testing the relationship between wanting more and unethical behavior / Seuntjens T.G., Zeelenberg M., van de Ven N., Breugelmans S.M. *Personality and individual differences*. – 2019. – Vol. 138. – P. 147–156. – DOI: 10.1016/j.paid.2018.09.027

Kuhl J., Quirin M., Koole S.L. The functional architecture of human motivation: personality systems interactions theory. *Advances in motivation science*. – 2021. – Vol. 8. – P. 1–62. – DOI: 10.1016/bs.adms.2020.06.001

Lambie G.W., Haugen J.S. Understanding greed as a unified construct. *Personality and individual differences*. – 2019. – Vol. 141. – P. 31–39.

Leontyev A.N. *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. – Moscow: Politizdat, 1975. – 304 p. (In Russian)

Liu Z., Liao H., Liu Y. For the sake of my family: understanding unethical pro-family behavior in the workplace. *Journal of organizational behavior*. – 2020. – Vol. 41, N 7. – P. 638–662. – DOI: 10.1002/job.2463

Maksimenko A.A., Deyneka O.S., Krylova D.V. Etikopsihologicheskoe portretirovanie rossijskogo korruptcionera [Ethicalpsychological portrayal of a Russian corrupt official]. *Natsional'nyy psikhologicheskij zhurnal*. [National psychological journal]. – 2020. – Vol. 13, N 4. – P. 31–47. (In Russian)

Mercadante E.J., Tracy J.L. A paradox of pride: hubristic pride predicts strategic dishonesty in response to status threats. *Journal of experimental psychology: general*. – 2022. – Vol. 151, N 7. – P. 1681–1706. – DOI: 10.1037/xge0001158

Miele D.B., Scholer A.A., Fujita K. Metamotivation: emerging research on the regulation of motivational states. *Advances in motivation science*. – 2020. – Vol. 7. – P. 1–42. – DOI: 10.1016/bs.adms.2019.10.001

Mulder L.B., Rink F., Jordan J. Constraining temptation: how specific and general rules mitigate the effect of personal gain on unethical behavior. *Journal of economic psychology*. – 2020. – Vol. 76. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0167487018306482> (accessed: 10.11.2023).

Ntoumanis N. The bright, dark, and dim light colors of motivation: advances in conceptualization and measurement from a self-determination theory perspective. *Advances in motivation science*. – 2023. – Vol. 10. – P. 37–72.

Public service motivation as a predictor of corruption, dishonesty, and altruism / Gans-Morse J., Kalgin A., Klimenko A., Vorobyev D., Yakovlev A. *Journal of public administration research and theory*. – 2022. – Vol. 32, N 2. – P. 287–309. – DOI: 10.1093/jopart/maab018

Ripoll G., Schott C. Does public service motivation foster justification of unethical behavior? Evidence from survey research among citizens. *International public management journal*. – 2023. – Vol. 26, N 1. – P. 1–22. – DOI: 10.1080/10967494.2020.1825576

Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: theoretical advances and empirical tests in 20 countries. *Advances in experimental social psychology*. – 1992. – Vol. 25. – P. 1–65.

Self-control at work / Lian H., Yam K.C., Ferris D.L., Brown D. *Academy of management annals*. – 2017. – Vol. 11, N 2. – P. 703–732.

Simha A., Parboteeah K.P. The big 5 personality traits and willingness to justify unethical behavior – a cross-national examination. *Journal of business ethics*. – 2020. – Vol. 167, N 3. – P. 451–471. – DOI: 10.1007/s10551-019-04142-7

Stricker J., Buecker S., Pietrowsky R. Alignment of the personality inventory for ICD-11 with the five-factor model of personality. *Psychological assessment*. – 2022. – Vol. 34, N 7. – P. 711–716. – DOI: 10.1037/pas0001141

Tatarko A.N., Mironova A.A., Maklasova E.V. Social'no-psihologicheskie aspekty priemlemosti korrupcii v Rossii [Socio-psychological aspects of acceptance of corruption in Russia]. *Sociodigger* [Sociodigger]. – 2021. – Vol. 2, N 10 (15). – P. 88–93. (In Russian)

The dark side of relational leadership: positive and negative reciprocity as fundamental drivers of follower's intended pro-leader and pro-self unethical behavior / Vriend T., Said R., Janssen O., Jordan J. *Frontiers in psychology. Sec. Organizational psychology*. – 2020. – Vol. 11. – URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2020.01473/full> (accessed: 20.11.2023).

The motivation and inhibition of breaking the rules: personal values structures predict unethicality / Feldman G., Chao M.M., Farh J.L., Bardi A. *Journal of research in personality*. – 2015. – N 59. – P. 69–80. – DOI: 10.1016/j.jrp.2015.09.003

Thielmann I., Böhm R., Hilbig B.E. Buying unethical loyalty: a behavioral paradigm and empirical test. *Social psychological and personality science*. – 2021. – Vol. 12, N 3. – P. 363–370. – DOI: 10.1177/1948550620905218

Vazsonyi A.T., Mikuška J., Kelley E.L. It's time: a meta-analysis on the self-control-deviance link. *Journal of criminal justice*. – 2017. – Vol. 48. – P. 48–63. – DOI: 10.1016/j.jcrimjus.2016.10.001

Yip J.A., Lee K.K. Emotions and ethics: how emotions sensitize perceptions of the consequences for self and others to motivate unethical behavior. *Current opinion in psychology*. – 2022. – Vol. 48. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2352250X22001853> (accessed: 20.11.2023).

Yusupov I.M. *Psihologiya izmeny: monografiya* [Psychology of treason: monograph]. – Kazan: Poznaniye. Publishers of Kazan innovative university named after V.G. Timiryasov, 2022. – 131 p. (In Russian)

КАЗАКОВА А.Ю.* ПОКАЗАТЕЛИ КРАУДИНГА В ЗАРУБЕЖНЫХ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Аннотация. Представлена периодизация исследований краудинга с учетом расширения присутствия данной концепции в социальных науках: в социальной психологии (конец 1970-х – 1980-е годы); экономической и экологической социологии, социальной географии (1990–2000); социально-политических и медико-социологических исследованиях (2010–2020). Систематизируется набор показателей, с помощью которых зарубежные исследователи проводят эмпирические исследования скученности домохозяйств. Рассматриваются объективные и субъективные показатели в контексте применяемых авторами методик оценки как самого краудинга, так и его последствий. Выделяются типологические группы населения, которые чаще всего рассматриваются исследователями как наиболее уязвимые с точки зрения качества самой жилищной ситуации, а также ее негативных последствий. В противоположность им названы группы, имеющие преимущества от объективной перенаселенности или иммунитет к воспринимаемой скученности и даже способные переживать ее в положительном эмоциональном ключе. Делается вывод об отсутствии методической целостности и единообразия подходов к определению уровня жилищного стресса, связанного со сверхплотностью жилого пространства и человеческой скученностью, определяются перспективы дальнейших исследований, необходимые для повышения методической проработанности.

* Казакова Анна Юрьевна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; kazakova.a.u@yandex.ru

Ключевые слова: жизненное пространство; проживание; жилище; стесненность; плотность; перенаселенность; скученность; показатели.

Для цитирования: Казакова А.Ю. Показатели краудинга в зарубежных эмпирических исследованиях // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2024. – № 1. – С. 62–84. – DOI: 10.31249/rsoc/2024.01.04

Статья поступила: 25.12.2023.

Принята к публикации: 15.01.2024.

KAZAKOVA A.Yu.** Indicators of overcrowding in foreign empirical studies

Abstract. Crowding research is periodized taking into account the expansion of the presence of this concept in the social sciences: social psychology (late 1970 s – 1980 s); economic and environmental sociology, social geography (1990–2000); socio-political and medical sociological research (2010–2020). A set of indicators is systematized, with the help of which foreign researchers conduct empirical studies of household crowding. Objective and subjective indicators are considered in the context of the methods used by the authors to evaluate both crowding itself and its consequences. Typological groups of the population are distinguished, which are most often considered by researchers as the most vulnerable in terms of the quality of the housing situation itself, as well as its negative consequences. In contrast, groups are named that have certain advantages from objective overpopulation and do not suffer from perceived crowding and are even able to experience it in a positive emotional way. It is concluded that there is a lack of methodological integrity and uniformity of approaches to determining the level of housing stress associated with overdensity of living space and human crowding, and the prospects for further research necessary to increase methodological elaboration are determined.

** Kazakova Anna Yur'evna – Doctor of Sociological Sciences, Senior Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; kazakova.a.u@yandex.ru

Keywords: living space; residence; house; dwelling; tightness; density; overpopulation; crowding; indicators.

For citation: Kazakova A.Yu. Indicators of overcrowding in foreign empirical studies. *Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology].* – 2024. – N 1. – P. 62–84. DOI: 10.31249/rsoc/2024.01.04

Received: 25.12.2023.

Accepted: 15.01.2024.

Введение

До пандемии COVID-19 жилищная скученность и сопутствующий ей стресс рассматривались по большей части как проблема стран третьего мира или жилищных меньшинств, соотносимая с городскими трущобами и кварталами бедноты [Mansour, 2015]. Негативные последствия скученности сводились к индивидуальной неудовлетворенности жилищными условиями и отказу от поддержания социальных связей, к отложенным репродуктивным планам или снижению эмоциональной стабильности семьи. Пандемия стала толчком к переосмыслению жилищной недостаточности населения как прямой угрозы общественному здравоохранению и общественной безопасности.

Несмотря на то, что перенаселенность давно учитывается при разработке технических стандартов проектирования многоквартирных зданий и планов развития городских территорий, однозначно определить ее критерии сложно в силу различия этих официальных жилищных стандартов в разных странах, их перекрещивания с другими комплексными показателями (например, глубокой бедности и жилищной депривации) и так далее. В частности, перенаселенность с точки зрения строительных норм, допускающих совместное проживание супругов или однополых родственников в общей комнате, выглядит иначе с точки зрения охраны здоровья с учетом возможности заражения внутри домохозяйства и реинфекций. Очевидно, медицинские нормы практически не учитываются строительными правилами, т.е. «нормативно-строительная» скученность сильно занижена по всему миру. На это указывает вторичное исследование, проведенное на основе

PubMed американскими медиками, которые отметили существенное повышение риска тяжелой респираторной вирусной инфекции младенцев с увеличением показателя жилищной скученности независимо от того, как эта скученность определялась авторами и какой была география их клинической практики [Residential crowding ... , 2012]. Перенаселенность же, ведущая к стрессовой реакции субъективного избытка людей и нехватки пространства (краудинг), игнорируется вовсе как малопредсказуемая индивидуально-психологическая сензитивность. Неправомерность такого невнимания доказала пандемия.

Повсеместно фиксировались вспышки домашнего насилия [Lancione, 2020], эмоциональное отдаление и разводы супругов [Вершинкина, Макеева, 2021], рост уровня алкоголизма и семейных конфликтов, усилившуюся социальную изоляцию пожилых людей [Камышова, 2021], жилищную нестабильность, включая снижение возможности переездов для жителей с низким социально-экономическим статусом, рост скученности, особенно в расово сегрегированных районах, проблемы с уплатой аренды [Residential instability ... , 2022]. Отчетливо обозначилась потребность в определении весомых, устойчивых показателей и пороговых значений скученности, превышение которых чревато серьезным ущербом физическому и психическому здоровью жильцов и агрессивнo-насильственными действиями в конфликте.

Настоящий обзор преследует цель выделения показателей, которые применяют за рубежом, где история таких исследований более длительная, для эмпирической оценки перенаселенности, включая плотность заполнения жизненного пространства, субъективную стесненность и переживание скученности¹.

Сбор материалов осуществлен автоматически научно-информационной социальной сетью ResearchGate². Поскольку первые исследования краудинга, начатые в 1960-х годах Джоном Кэлхуном, носили характер биологических экспериментов, подробно отраженных в отечественной научной литературе; область поиска была сужена до социальных наук и социально-гигиенического на-

¹ Все эти нюансы жилищной ситуации в английском языке можно обозначить как «краудинг», и в дальнейшем это понятие используется как родовое.

² URL: <https://www.researchgate.net> (accessed: 15.12.2023).

правления в медицине за счет определения «Residential crowding and density». Такая формулировка запроса позволила отсеять работы, посвященные агрессии участников дорожного движения, посетителей торговых пространств и массовых мероприятий, анализу толпотворения, аномального поведения толпы и управления ею. В подборке оставались только работы, оценивающие скученность жилых зданий и помещений, где перегруженность внешних пространств – улиц, кварталов, микрорайонов – могла учитываться как дополнительный стресс-фактор. Не рассматривались работы, обсуждающие только источники перенаселенности (цены на землю, политика неравномерного развития городских территорий в интересах отдельных слоев населения, джентрификация и сокращение фондов социального жилья и прочее) или только социальные и медицинские последствия (например, ингибирующее воздействие высокой скученности на социальные взаимодействия, скорость и маршруты инфицирования или инсектизации), без подробного описания способа измерения краудинга как такового.

Развитие подходов и методик

Материалы подборки позволяют выделить три внутренне однородных этапа концептуализации краудинга.

Самые ранние работы относятся к концу 1970-х годов, когда данное понятие было перенесено в область социальных наук усилиями Дэниела Стоколса, Джона Айелло, Эндрю Баума, Стюарта Валлинса, Уилларда Роджерса, Фрэнсиса Гормли, Гэри Эванса и других. Для первого этапа характерна качественная стратегия исследований экспериментального плана. Используются комбинации опросов, наблюдений и лабораторных методов; поступательно расширяется набор переменных, связанных со стрессом от скученности [Hopstock, Aiello, Baum, 1979]. Внимание пионеров этого направления сосредоточено на воспринимаемой скученности и ее структурных составляющих в контексте межличностных отношений, чаще диад и триад [Interpersonal mediation ... , 2006]. Главным достижением стало обоснование различий объективной плотности проживания и воспринимаемой скученности. Полевое исследование А.Р. Гиллиса подтвердило, что скученность является связующим звеном между плотностью населения, с одной стороны, удов-

летворенностью жильем и психологическим напряжением — с другой, и что взаимосвязь между плотностью и скученностью является нелинейной [Gillis, 1979]. Выявлена их зависимость от классовой и этнической принадлежности [Residential crowding and design, 1979]. Доказаны множественные негативные эффекты обоих аспектов краудинга для здоровья, психологического благополучия, социального самочувствия и включенности личности в разнообразные социальные взаимодействия. Эти исследования оказали значительное влияние на социально-архитектурную мысль и практическую урбанистику.

В 1990–2000-е годы перенаселенность все больше осмысливается в русле экономики и экономической социологии, социальной экологии и социальной географии как объективная характеристика жилищных условий, позволяющая выделить зоны обитания бедняков, иммигрантов, других неблагополучных городских меньшинств. Исследователи применяют контекстуальный подход к изучению скученности с учетом социальной и пространственно-физической среды обитания неудовлетворенного жильем домохозяйства, в частности, ее открытости или закрытости, доступности или недоступности посторонним [Bonnes, Bonaiuto, Ercolani, 1991]. В анализ включился и постколониальный нарратив: повысилась активность ученых из стран третьего мира с их высокой перенаселенностью и плотностью застройки, концентрацией трущоб, плохими санитарно-гигиеническими условиями, общим дефицитом жилья и вопиющим жилищным неравенством. Разрабатываются рекомендации для государственного управления, касающиеся жилищной и миграционной политики, педагогики и защиты детства [Chronic residential crowding ... , 1999 ; Evans, Saegert, 2000].

Настоящий бум исследований краудинга произошел в 2010–2020-е годы на фоне развития ГИС-технологий и компьютерного моделирования. Пока они позволяют добиваться прикладных результатов в области регулирования публичных пространств для сферы туризма, обеспечения безопасности массовых мероприятий, управления дорожным движением и предсказания нагрузок на сферы здравоохранения, бизнеса и досуга, оперативного оповещения жителей о пробках, очередях, внештатных ситуациях [El Meligi, Carboni, Garau, 2021 ; Effects of crowding perception ... , 2013 ; The relationship ... , 2023]. Но отдельные результаты могут быть

распространены и на первичные жилые пространства. Современные авторы опираются на количественный подход, статистические данные и опросы на больших выборках, применяя разнообразные математико-статистические методы для последующей обработки и анализа. Исследования все чаще становятся компаративными [Neuts, Vanneste, 2018], кросс-культурными [Memmott, Birdsall-Jones, Greenop, 2012], ориентированными на многомерную оценку многочисленных параметров жилой среды [Early child development ... , 2018].

В последние годы исходные концепции ревизируются с позиций постпандемийного опыта. Итальянский коллектив под руководством Фердинандо Форнара в период пандемии провел по территориальной общенациональной выборке репрезентативное исследование стресса от лишения свободы передвижений и риска заражения COVID-19 на фоне взаимосвязи между «объективными» и «субъективными» размерами дома, измеряемыми с точки зрения пространственной плотности и удовлетворенности ею [Space at home ... , 2022]. Другие итальянские исследователи во время COVID-19 реализовали четыре волны лонгитюдного исследования, начатого (первая волна) в 2019 г., до пандемии, причем каждая волна опиралась на выборку в 1100–1500 человек. Итогом стал по-настоящему прорывной постулат об антидемократическом эффекте скученности и его сохранении во времени. «Привитая» домохозяйствам во время скученности установка на поддержку антидемократических политических систем парадоксальным образом оказалась особенно сильной среди тех, кто ранее имел высокое доверие к демократическим политическим институтам [Household crowding ... , 2022].

Наметился отчетливый поворот от социально-психологической проблематизации краудинга к социально-политической и медико-социологической.

Объективные и субъективные показатели скученности

Чаще всего объективную скученность измеряют в квадратных метрах на человека и в количестве человек на спальню, подчеркивая, что депрессивные состояния возникают из-за повышенного стресса, специфичного для жилого пространства, а не из-за

повышенного жизненного стресса [Wang, Liu, 2022]. Немецкие аллергологи, на протяжении десяти лет (2004–2014) изучавшие связь скученности с астмой у детей дошкольного возраста, определили скученность жилых помещений как проживание более одного человека в комнате или жилой площади менее 20 м² на человека [Residential crowding ... , 2019]. Гэри Эванс и Ким Роллинс, изучая воспринимаемую скученность у детей, посчитали необходимым разделить ощущение скученности дома в целом и ощущение скученности спальни, обнаружив, что отдельные составляющие «синтаксиса пространства» (его глубина и проницаемость, высота потолка, объем и площадь окон) смягчают негативные эффекты воспринимаемой скученности дома в целом, но не спальни [Rollings, Evans, 2019].

Разделяя объективные показатели скученности и глубину соответствующего им – переживаемого – субъективного дискомфорта, экономисты Эйля Торшизиан и Артур Граймс недавно оценивали их взаимосвязь и способность предсказывать степень удовлетворенности индивида жильем. Опираясь на принятый в Канаде для оценки пригодности жилья комплексный Национальный стандарт плотности [National occupancy standard], авторы использовали абсолютный показатель количества людей на комнату и относительный «Американский индекс скученности», равный отношению количества проживающих в доме людей к количеству свободных комнат. Авторы доказывают способность всех трех типов показателей адекватно прогнозировать уровень удовлетворенности жильем и силу жилищного стресса [Torshizian, Grimes, 2021]. Их исследование, показывающее тесную связь всех трех показателей, опровергает выводы одной из ранних работ, принадлежащей Уилларду Л. Роджерсу (Университет Мичигана), о том, что объективная переполненность домохозяйства и воспринимаемая скученность действуют независимо друг от друга, и при этом именно воспринимаемая скученность определяет то, насколько человек будет удовлетворен своим сообществом, районом и жилищем [Rodgers, 1982].

Его выводы подтверждают итальянские авторы [Space at home ... , 2022]. Они тоже считают, что большую предсказательную силу имеет воспринимаемая скученность, но опосредованная реальной скученностью и удовлетворенностью другими простран-

ственными характеристиками дома. Особенно сильный стресс вызвала необходимость бороться с другими домашними за жизненное пространство, имеющиеся дома технику и оборудование, за тишину во время удаленной работы у молодого поколения. Оно отреагировало на этот стресс «ковид-диссидентством» и падением производительности труда.

Именно в условиях пандемии стало совершенно очевидным, что адекватная оценка скученности только через численность домохозяйства, даже с учетом числа комнат, невозможна. Скученность также оценивают через наличие в самом жилище (его планировочной структуре) возможностей для уединения (например, доступный балкон) и наличие индивидуального контроля над домашним пространством, хотя бы над его «реструктурированной» под нужды домашнего офиса частью [Park, Newton, Lee, 2023]. Поэтому в исследовательский инструментарий часто включают переменные наличия, количества, проницаемости искусственных границ между разными частями совместно используемого помещения: перегородок в офисе, ширм, ниш или служащей для отгораживания мебели в доме [ibid., p. 2–3].

Проблема контролируемости пространства индивидом выделяет подход, где краудинг определяется не морфологически, исходя из структурных показателей жилища, а функционально, исходя из возможностей поведения в жилище. Они объективно сужены в условиях жилищ с высокой плотностью заселения, совместно используемых несколькими жителями, не являющимися родственниками. В центре внимания исследователей таких домохозяйств закономерно оказывается потенциал архитектурного посредничества, расширенного внутреннего пространства и общественных пространств, которые поддерживают как уединение, так и социализацию как средства облегчения стресса от скученности в городских жилых домах с высокой плотностью населения [Huda, Sultana, 2022].

Интересным подходом к воспринимаемой скученности как контролируемости пространства является ее оценка через количество посещений и ожидаемых встреч. Этот подход применяется для сравнения автоматически регистрируемой проходимости посетителей с результатами их опроса о субъективном ощущении скученности. Выяснилось, что ожидаемая заполненность пространств

ва служит надежным предиктором интенсивности краудинг-стресса [The relationship ... , 2023 ; El Meligi, Carboni, Garau, 2021]. И хотя автоматическая регистрация «потока посетителей» внутри жилого домашнего пространства невозможна, сама переменная ожидаемого количества встреч вполне может быть включена в инструментарий опроса домохозяйств. Устойчивость и надежность домашней среды можно выразить в ожиданиях относительно количества людей, которых в произвольный момент времени может встретить внутри своего домашнего пространства человек. Равенство или неравенство этого возможного количества числу членов домохозяйства, вероятно, покажет большой разрыв в сингулярных и расширенных, родственных и неродственных домохозяйствах, в общежитиях и частных домах.

Постоянство жилищной среды как фактор краудинг-стресса связано с дискуссионным вопросом о его способности к накоплению и влиянию на последующую жизнь и поведение человека после изменения условий обитания. С одной стороны, по мере продления экологического стресса в неблагоприятной (перенаселенной и информационно перегруженной) среде адаптационные возможности организма подвергаются все большему риску. Противоположные результаты представлены в работах индийского психолога Динеша Нагара и его американского коллеги Пола Паулюса. Еще в 1985 г. Д. Нагаром на материале неблагополучных жилищных ситуаций населения Индии была выстроена и апробирована оригинальная шкала оценки опыта скученности в жилых помещениях (CES – Crowding experience scale) [Nagar, Paulus, 1997]. Коллеги поддерживают предшественников в том, что переживание скученности намного сильнее способно программировать социальное взаимодействие, чем реальная, измеренная различными способами, социально-пространственная плотность. Они неизменно включают переменную предшествующего опыта скученности в жилых помещениях в условия лабораторных экспериментов, определяющих влияние краудинг-стресса на способность к решению сложных задач [Nagar, Pandey, Paulus, 2006]. Экспериментальные результаты говорят скорее в пользу того, что «натренированные» краудингом люди лучше справляются с решением необходимых задач в условиях повторного столкновения со скученностью. Но эти результаты сами авторы считают предварительными и тре-

бующими подкрепления лонгитюдными исследованиями. Необходимо лучше понять динамику краудинга как дрящегося переживания (в конкретной ситуации скученности), и его динамику как реакцию на изменение тех или иных параметров жилищной ситуации (уменьшение и увеличение плотности, возникновение скученности, перерыв в ней с последующим возвращением к тем же условиям).

Уязвимость и толерантность

Различные социальные слои подвержены краудингу в различной степени, прежде всего по объективным причинам социально-экономического характера, среди которых чаще всего исследователями рассматриваются бедность и этническая миграция [Burr, Mutchler, Gerst-Emerson, 2010; Residential crowding ... , 2017]. Вместе со студентами, временными (сезонными, вахтовыми) рабочими, беженцами или внутренне перемещенными лицами, пациентами психиатрических лечебниц, пожилыми людьми или сиротами, взятыми под государственную опеку, они составляют тот низший городской жилищный класс, который вынужденно живет в условиях повышенной скученности и (или) неродственных домохозяйств. Ареалы расположения таких жилищ легко опознаются в городской среде, и именно на них традиционно изучается краудинг, если предполагается применение целевых (типологических) выборок, сочетание опроса с наблюдением или экспериментальными методиками: общежития, коммунальные квартиры, коливинги, бараки, казармы, лагеря, больницы, интернаты, приюты и пр.

Типичные для сильно урбанизированных территорий, такие жилые помещения вызывают целый ряд социальных и психологических последствий: разрыв социальных связей, генерализация замкнутости, выученная беспомощность и социальное отчуждение [Huda, Sultana, 2022]. Парадоксальным образом в условиях краудинг-стресса одновременно обостряется чувство отверженности и одиночества, поскольку исключенные из-за коалиции других соседей по комнате более уязвимы к скученности и испытывают больше проблем, связанных с контролем над совместно используемым пространством [Aiello, Baum, Gormley, 1981]. Многие данные получены на студенческих общежитиях, и все они говорят, что при

тройном проживании формируются отношения «2+1», и большая часть негативных эмоций, о которых сообщали респонденты, выражалась третьим соседом по комнате, который чувствовал себя обделенным остальными. Жители двухместных комнат и члены коалиций в тройных комнатах по большинству показателей не отличаются друг от друга [Interpersonal mediation ... , 2006].

При этом исследователи единодушны в том, что наиболее длительными, тяжелыми и часто необратимыми последствия краудинга являются для детей: замедляется общее интеллектуальное развитие [Early child development ... , 2018], ухудшается физическое здоровье, дети становятся изгоями в среде более благополучных сверстников. Хроническая скученность жилых домов связана с трудностями поведенческой адаптации в школе, плохой успеваемостью, повышенной уязвимостью к выученной беспомощности, повышенным кровяным давлением и нарушением отношений между родителями и детьми среди представителей рабочего класса [Chronic residential crowding ... , 1999]. Патологии в условиях краудинга у детей тем сильнее выражены, чем больше они обусловлены воспринимаемым конфликтом с родителями. Краудинг провоцирует рост случаев семейного насилия, в том числе жестокого и отвергающего обращения с детьми [Zuravin, 1986].

В большинстве работ краудинг оценивается как однозначно негативное для личного и общественного благополучия состояние. Но отдельные авторы проблематизируют возможность состояний и эффектов противоположного качества. Так, Михал Митрани из Технологического института Израиля в 2005 г. исследовал реакции на физическую пространственную среду двух кварталов города Хайфа в Израиле с одинаково высокой плотностью застройки [Mitrany, 2005]. Обнаружив существенное превышение положительных реакций в одном районе над другим, он объяснил их различиями в управленческих мерах, которые использовали или не использовали преимущества плотной застройки (объекты услуг, развитый транспорт, открытые площадки в шаговой доступности и возможность общественных собраний). В силу осознания этих выгод пожилые люди и молодые семьи с детьми позитивно оценивали плотность среды и многолюдность района.

Хелен Экстам из университета Уппсалы проводит различия между «неблагополучной» и «джентрифицированной» перенасе-

ленностью [Ekstam, 2015]. В частности, она отмечает, что скученность, которая часто присутствует в джентрифицированных районах в той же степени, что и среди сегрегированно проживающего бедного населения, способна перевешиваться социальной привлекательностью самого района. Его престиж, выгодное местоположение компенсируют нехватку жизненного пространства. Автор не отвечает на вопрос, будут ли в этом случае наблюдаться обычные для перенаселенных домохозяйств пагубные последствия, что требует дальнейшего сравнения весомости отдельных составляющих качества жилища.

Различается и уровень терпимости к скученности. Э. Торшизиан и А. Граймс показывают, что европейцы и маори более чувствительны к скученности, тогда как жители Азии и Океании в условиях объективно более высокой плотности домохозяйств переживают ее значительно спокойней [Torshizian, Grimes, 2021]. С самого начала многие исследователи подчеркивали особую уязвимость женщин, которые проводят больше времени в своей жилой среде и больше общаются со своими соседями по комнате, более восприимчивы к межличностным стрессам, связанным с скученностью [Aiello, Baum, Gormley, 1981].

Существует точка зрения о привыкании к тесноте маргинализованного городского населения, которое не испытывает страданий и неудобств в условиях тесноты и скученности, шокирующей благополучных горожан и вызывающей потребность немедленного избавления от дискомфорта. Так, пятеро американских авторов летом 2023 г. представили результаты оценки эмоционального стресса у домохозяйств городского андеркласса, специально выровненных так, чтобы исключить смещение результатов под действием присутствия или отсутствия в выборке дополнительного фактора стигматизации. Авторы обнаружили, что наибольший вклад в эмоциональное расстройство вносила алкогольная агрессия других членов семьи, тогда как сплоченность и общение домохозяйств, перенаселенность жилых помещений и поведение детей играли минимальную роль [Emotional distress ... , 2023]. В работе о восприятии скученности в социальном жилье сообществами бурндийских беженцев, где имеются младенцы, дискутируется «выученная» неприхотливость взрослых людей, осуществляющих уход за детьми. Большую часть жизни они провели в лагерях для

беженцев с очень высокой скученностью и потому стали к ней нечувствительны: «у нас даже есть кровать», – отметил один из респондентов, воспринимая это как роскошь [Residential crowding ... , 2017, p. 46]. Эти исследования, указывающие на способность адаптироваться к условиям перенаселенности, согласуются и с некоторыми результатами, полученными для рабочих пространств: «чем ближе друг к другу коллеги, тем больше они общаются и сотрудничают» [Park, Newton, Lee, 2023, p. 2–3].

Тем не менее, в цитированной выше работе говорится, что бурундийские беженцы, способные воспринимать многолюдность в доме даже как приятное состояние, поскольку окружающие являются членами семьи, реагировали на перенаселенность негативно, если именно на них в семье ложилась обязанность непосредственного ухода за детьми, роль воспитателя или няни. В этом случае они считали, что у них слишком большая семья и им нужно больше места для собственного ребенка [Residential crowding ... , 2017]. А значит, что легко или тяжело адаптируются к перенаселенной и тесной социально-пространственной среде те или иные группы населения, это не отменяет воздействия на них объективно неблагоприятных факторов этой среды. В условиях чрезмерно малой межличностной дистанции или в сообществе близких людей стресса может и не быть. Но рассеивание внимания, поведенческие ограничения, конфликты за использование пространства, раздражение из-за неудобства осуществления повседневных действий, повышенный уровень шума и вызванные этим проблемы со сном или коммуникацией, риск инфицирования в случае заболевания близких – неизбежны.

Заключение

Современные исследователи пришли к оценке краудинга, исходя из комплексной многомерной оценки различных характеристик домашнего пространства с учетом длительности опыта скученности и потребностей субъекта в конкретном типе его использования: например, при уходе за младенцами [Residential crowding ... , 2017], удаленной работе в режиме домашнего офиса [Park, Newton, Lee, 2023], семейных и соседских взаимодействиях [Baum, Valins, 1979 ; Le Boennec, Lucas, 2021].

Вместе с тем тема краудинга отнюдь не исчерпана. Отдельные работы открывают интересную перспективу одновременной оценки скученности во внешних (общественных) и внутренних (жилых) пространствах: насколько их различные сочетания меняют уровень удовлетворенности жильем; как уровень жилищного стресса сказывается на удовлетворенности жизнью в целом и т.д. Другие дискуссионные вопросы, возникающие вследствие знакомства с этими работами, – действительно ли маргинализированный городской андеркласс нечувствителен к краудингу? Будет ли страдать от краудинг-стресса человек, по тем или иным причинам добровольно и рационально выбравший условия перенаселенности? Насколько правдивы люди, сообщающие, что не испытывают краудинг-стресса среди членов своей большой и любимой семьи? Действительно родственная связь и эмоциональная близость гасят в семье негативные эмоции или эти высказывания представляют собой социально желательные ответы? Какие копинг-стратегии применяют различные жилищные классы в условиях «неблагополучной» и «джентрифицированной» скученности и каковы поведенческие тактики радикального избавления от нее, если рыночный путь улучшения жилищных условий невозможен?

Для ответов на эти вопросы и конкретных рекомендаций по улучшению жилищной ситуации в России, по предупреждению многочисленных негативных последствий объективной и субъективной скученности необходима ревизия комплексных методик измерения краудинга, уже апробированных зарубежными исследователями, – с точки зрения их соответствия отечественным реалиям, возможной адаптации, уточнений и доработки.

Список литературы

Вершинкина Н.В., Макеева Н.Ю. Благополучие семьи в условиях пандемии // Социальная безопасность и защита человека в условиях новой общественной реальности в период распространения COVID-19: сборник материалов XIII межрегиональной научно-практической конференции ученых, преподавателей, специалистов, аспирантов и студентов (г. Пермь, 14 декабря 2021 г.) / под общ. ред. З.П. Замаевой, Т.А. Топехи, М.И. Григорьевой. – Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2021. – С. 38–41. – URL: http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/sotsbez-vusloviyah-covid19_2021.pdf (дата обращения: 15.12.2023).

Камышова Е.В. Особенности самосохранительного поведения российской семьи в условиях пандемии COVID-19 // Социальная безопасность и защита человека в условиях новой общественной реальности в период распространения COVID-19: сборник материалов XIII межрегиональной научно-практической конференции ученых, преподавателей, специалистов, аспирантов и студентов (г. Пермь, 14 декабря 2021 г.) / под общ. ред. З.П. Замаевой, Т.А. Топехи, М.И. Григорьевой. – Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2021. – С. 33–37. – URL: http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/sotsbez-vusloviyah-covid19_2021.pdf (дата обращения: 15.12.2023).

Aiello J., Baum A., Gormley F. Social determinants of residential crowding stress // *Personality and social psychology bulletin*. – 1981. – Vol. 7, N 4. – P. 643–649. – DOI: 10.1177/014616728174021

Baum A., Valins S. Architectural mediation of residential density and control: crowding and the regulation of social contact // *Advances in experimental social psychology*. – Vol. 12. – P. 131–175. – DOI: 10.1016/S0065-2601(08)60261-0

Bonnes M., Bonaiuto, M., Ercolani A. Crowding and residential satisfaction in the urban environment: a contextual approach // *Environment and behavior*. – 1991. – Vol. 23, N 5. – P. 531–552. – DOI: 10.1177/0013916591235001

Burr J., Mutchler J., Gerst-Emerson K. Patterns of residential crowding among Hispanics in later life: immigration, assimilation, and housing market factors // *The journals of gerontology. Series B: Psychological sciences and social sciences*. – 2010. – Vol. 65, N 6. – P. 772–782. – DOI: 10.1093/geronb/gbq069

Chronic residential crowding and children's well-being: an ecological perspective / *Evans G., Lepore S., Shejwal Bh., Palsane M.* // *Child development*. – 1999. – Vol. 69, N 6. – P. 1514–1523. – DOI: 10.1111/j.1467-8624.1998.tb06174.x

Early child development, residential crowding, and commute time in 8 US States, 2010–2017 / *Block E., Zimmerman F., Aguilar E., Stanley L., Halfon N.* // *American journal of public health*. – 2018. – Vol. 108, N 11. – P. 1550–1557. – DOI: 10.2105/AJPH.2018.304680

Effects of crowding perception on self-organized pedestrian flows using adaptive agent-based model: manuscript / *Xu Q., Mao B., Feng X., Feng J.* – 2013. – URL: https://www.researchgate.net/publication/256097397_Effects_of_Crowding_Perception_on_Self-organized_Pedestrian_Flows_Using_Adaptive_Agent-based_Model (accessed: 25.12.2023).

Ekstam H. Residential crowding in a “distressed” and a “gentrified” neighbourhood – towards an understanding of crowding in “gentrified” neighbourhoods // *Housing, theory and society*. – 2015. – Vol. 32, N 4. – P. 429–449. – DOI: 10.1080/14036096.2015.1059355

El Meligi A.K., Carboni D., Garau G. Perceived crowding and physical distance rules: a national account perspective // *National accounting review*. – 2021. – Vol. 3, N 3. – P. 330–341. – DOI: 10.3934/NAR.2021017

Emotional distress in a marginalized population as a function of household-level social determinants of health / *Lushin V., Rivera R., Chandler M., Rees J., Rze-*

winski J. // Social work. – 2023. – Vol. 68, N 4. – P. 287–297. – DOI: 10.1093/sw/swad024

Evans G., Saegert S. Residential crowding in the context of inner city poverty // Theoretical perspectives in environment-behavior research / ed. by S. Wapner, J. Demick, T. Yamamoto, H. Minami. – Boston (MA): Springer, 2000. – P. 247–267. – DOI: 10.1007/978-1-4615-4701-3_20

Gillis A.R. Household density and human crowding: unravelling a non-linear relationship // Journal of population. – 1979. – Vol. 2, N 2. – P. 104–117.

Hopstock P., Aiello J., Baum A. Residential crowding research // Residential crowding and design / ed. by J. Aiello, A. Baum. – New York; London: Plenum press, 1979. – P. 9–21.

Household crowding during the COVID-19 lockdown fosters anti-democracy even after 17 months: a 5-wave latent growth curve study / Russo S., Colloca P., Cavazza N., Roccato M. // Journal of environmental psychology. – 2022. – Vol. 83. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0272494422001128> (accessed: 25.12.2023).

Huda R.B., Sultana R. Residential crowding in urban environments: interventions through planning and design // The Palgrave encyclopedia of urban and regional futures / ed. by R. Brears. – Cham: Palgrave Macmillan, 2022. – P. 1–11. – URL: https://link.springer.com/referenceworkentry/10.1007/978-3-030-51812-7_323-1 (accessed: 25.12.2023).

Interpersonal mediation of perceived crowding and control in residential dyads and triads / Baum A., Shapiro A., Murray D., Wideman M. // Journal of applied social psychology. – 2006. – Vol. 9, N 6. – P. 491–504. – DOI: 10.1111/j. 1559-1816.1979.tb00811. x

Lancione M. COVID-19 and housing struggles: the (re)makings of austerity, disaster capitalism, and the no return to normal // Radical housing journal. – 2020. – Vol. 2, N 1. – P. 9–28.

Le Boennec R., Lucas S. Is neighborhood satisfaction related to density perception? Promoting liveable and sustainable land use planning // Journal of environmental planning and management. – 2021. – Vol. 65, N 11. – P. 2081–2098.

Mansour Sh. Spatial modeling of residential crowding in Alexandria Governorate, Egypt: a geographically weighted regression (GWR) technique // Journal of geographic information system. – 2015. – Vol. 7, N 4. – P. 369–383. – DOI: 10.4236/jgis.2015.74029

Memmott P., Birdsall-Jones C., Greenop K. Australian indigenous house crowding: AHURI final report. – Melbourne: Australian housing and urban research institute, 2012. – URL: https://www.ahuri.edu.au/sites/default/files/migration/documents/AHURI_Final_Report_No194_Australian_Indigenous_house_crowding.pdf (accessed: 25.12.2023).

Mitrany M. High density neighborhoods: who enjoys them? // GeoJournal. – 2005. – Vol. 64, N 2. – P. 131–140. – DOI: 10.1007/s10708-005-4099-7

Nagar D., Pandey J., Paulus P. The effects of residential crowding experience on reactivity to laboratory crowding and noise // *Journal of applied social psychology*. – 2006. – Vol. 18, N 16. – P. 1423–1442. – DOI: 10.1111/j. 1559–1816.1988. tb01216. x

Nagar D., Paulus P. Residential crowding experience scale – assessment and validation // *Journal of community and applied social psychology*. – 1997. – Vol. 7, N 4. – P. 303–319.

National occupancy standard / Canada mortgage and housing corporation. – 2022. – July 19. – URL: <https://www.cmhc-schl.gc.ca/professionals/industry-innovation-and-leadership/industry-expertise/affordable-housing/provincial-territorial-agreements/investment-in-affordable-housing/national-occupancy-standard> (accessed: 25.12.2023).

Neuts B., Vanneste D. Contextual effects on crowding perception: an analysis of Antwerp and Amsterdam // *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*. – 2018. – Vol. 109, N 3. – P. 402–419. – DOI: 10.1111/tesg. 12284

Park S.Y., Newton C., Lee R. How to alleviate feelings of crowding in a working from home environment: lessons learned from the COVID-19 pandemic // *International journal of environmental research and public health*. – 2023. – Vol. 20, N 2. – URL: <https://www.mdpi.com/1660-4601/20/2/1025> (accessed: 25.12.2023).

Residential crowding and asthma in preschool children, a cross-sectional study / Kutzora S., Puerto Valencia L., Weber A., Huß J., Hendrowarsito L., Nennstiel-Ratzel U., Herr C., Heinze S. // *Allergologia et immunopathologia*. – 2019. – Vol. 4, N 4. – P. 386–400. – DOI: 10.1016/j.aller. 2018.12.008

Residential crowding and design / ed. by J. Aiello, A. Baum. – New York; London: Plenum press, 1979. – 270 p. – DOI: 1007/978–1-4613–2967–1

Residential crowding and severe respiratory syncytial virus disease among infants and young children: a systematic literature review / Colosia A., Masaquel A., Hall C., Barrett A., Mahadevia P., Yogev R. // *BMC infectious diseases*. – 2012. – Vol. 12. – URL: <https://bmcinfectdis.biomedcentral.com/articles/10.1186/1471-2334-12-95> (accessed: 15.12.2023).

Residential crowding and young children's social and emotional behaviors in a Burundian refugee community / Fouts H., McAteer C., Neitzel C., Bates D. // *Children, youth and environments*. – 2017. – Vol. 27, N 3. – P. 34–55. – DOI: 10.7721/chilyoutenvi. 27.3.0034.

Residential instability in the bay area through the COVID-19 pandemic / Hwang J., Liang B., Kumar V., Vargo J.; Federal reserve bank of San Francisco, Community development research brief series. – 2022. – 37 p. – URL: <https://www.frbsf.org/wp-content/uploads/residential-instability-in-the-bay-area-through-the-covid-19-pandemic-cdrb04.pdf> (accessed: 25.12.2023).

Rodgers W. Density, crowding, and satisfaction with the residential environment // *Social indicators research*. – 1982. – Vol. 10, N 1. – P. 75–102. – DOI: 10.1007/BF00287219

Rollings K., Evans G. Design moderators of perceived residential crowding and chronic physiological stress among children // *Environment and behavior*. – 2019. – Vol. 51, N 1. – P. 590–621. – DOI: 10.1177/0013916518824631

Space at home and psychological distress during the Covid-19 lockdown in Italy / Fornara F., Mosca O., Bosco A., Caffò A., Lopez A., Ruggiero G., Ruotolo F., Sbordone F., Ferrara A., Cattaneo Z., Arioli M., Frassinetti F., Candini M., Miola L., Pazzaglia F. // *Journal of environmental psychology*. – 2022. – Vol. 79. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0272494421002000> (accessed: 15.12.2023).

The relationship between measured visitor density and perceived crowding revisited: predicting perceived crowding in outdoor recreation / Doeringer S., Porst F., Stumpf L., Heurich M. // *Leisure sciences: an interdisciplinary journal*. – 2023. – October 11. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/01490400.2023.2265366?src=recsys> (accessed: 15.12.2023).

Torshizian E., Grimes A. Household crowding measures: a comparison and external test of validity // *Journal of happiness studies*. – 2021. – Vol. 22, N 4. – P. 1925–1951. – DOI: 10.1007/s10902-020-00302-z

Wang X., Liu T. Home-made blues: residential crowding and mental health in Beijing, China // *Urban studies*. – 2022. – Vol. 60, N 3. – P. 461–482.

Zuravin S. Residential density and urban child maltreatment: an aggregate analysis // *Journal of family violence*. – 1986. – Vol. 1, N 4. – P. 307–322. – DOI: 10.1007/BF00978275

References

Aiello J., Baum A., Gormley F. Social determinants of residential crowding stress. *Personality and social psychology bulletin*. – 1981. – Vol. 7, N 4. – P. 643–649. – DOI: 10.1177/014616728174021

Baum A., Valins S. Architectural mediation of residential density and control: crowding and the regulation of social contact. *Advances in experimental social psychology*. – 1979. – Vol. 12. – P. 131–175. – DOI: 10.1016/S0065-2601(08)60261-0

Bonnes M., Bonaiuto, M., Ercolani A. Crowding and residential satisfaction in the urban environment: a contextual approach. *Environment and behavior*. – 1991. – Vol. 23, N 5. – P. 531–552. – DOI: 10.1177/0013916591235001

Burr J., Mutchler J., Gerst-Emerson K. Patterns of residential crowding among Hispanics in later life: immigration, assimilation, and housing market factors. *The journals of gerontology. Series B, Psychological sciences and social sciences*. – 2010. – Vol. 65, N 6. – P. 772–782. – DOI: 10.1093/geronb/gbq069

Chronic residential crowding and children's well-being: an ecological perspective / Evans G., Lepore S., Shejwal Bh., Palsane M. *Child development*. – 1999. – Vol. 69, N 6. – P. 1514–1523. – DOI: 10.1111/j.1467-8624.1998.tb06174.x

Early child development, residential crowding, and commute time in 8 US States, 2010–2017 / Block E., Zimmerman F., Aguilar E., Stanley L., Halfon N. *American journal of public health*. – 2018. – Vol. 108, N 11. – P. 1550–1557. – DOI: 10.2105/AJPH.2018.304680

Effects of crowding perception on self-organized pedestrian flows using adaptive agent-based model: manuscript / Xu Q., Mao B., Feng X., Feng J. – 2013 –

URL: https://www.researchgate.net/publication/256097397_Effects_of_Crowding_Perception_on_Self-organized_Pedestrian_Flows_Using_Adaptive_Agent-based_Model (accessed: 25.12.2023).

Ekstam H. Residential crowding in a “distressed” and a “gentrified” neighbourhood – towards an understanding of crowding in “gentrified” neighbourhoods. *Housing, theory and society*. – 2015. – Vol. 32, N 4. – P. 429–449. – DOI: 10.1080/14036096.2015.1059355

El Meligi A.K., Carboni D., Garau G. Perceived crowding and physical distance rules: a national account perspective. *National accounting review*. – 2021. – Vol. 3, N 3. – P. 330–341. – DOI: 10.3934/NAR. 2021017

Emotional distress in a marginalized population as a function of household-level social determinants of health / Lushin V., Rivera R., Chandler M., Rees J., Rzewinski J. *Social work*. – 2023. – Vol. 68, N 4. – P. 287–297. – DOI: 10.1093/sw/swad024

Evans G., Saegert S. Residential crowding in the context of inner city poverty. *Theoretical perspectives in environment-behavior research*. Ed. by S. Wapner, J. Demick, T. Yamamoto, H. Minami. – Springer: Boston (MA). – 2000. – P. 247–267. – DOI: 10.1007/978-1-4615-4701-3_20

Gillis A.R. Household density and human crowding: unravelling a non-linear relationship. *Journal of population*. – 1979. – Vol. 2, N 2. – P. 104–117.

Hopstock P., Aiello J., Baum A. Residential crowding research. *Residential crowding and design*. Ed. by J. Aiello, A. Baum. – New York; London: Plenum press, 1979. – P. 9–21.

Household crowding during the COVID-19 lockdown fosters anti-democracy even after 17 months: a 5-wave latent growth curve study / Russo S., Colloca P., Cavazza N., Roccatò M. *Journal of environmental psychology*. – 2022. – Vol. 83. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0272494422001128> (accessed: 25.12.2023).

Huda R.B., Sultana R. Residential crowding in urban environments: interventions through planning and design. *The Palgrave encyclopedia of urban and regional futures*. Ed. by R. Brears. – Cham: Palgrave Macmillan, 2022. – P. 1–11. – URL: https://link.springer.com/referenceworkentry/10.1007/978-3-030-51812-7_323-1 (accessed: 25.12.2023).

Interpersonal mediation of perceived crowding and control in residential dyads and triads / Baum A., Shapiro A., Murray D., Wideman M. *Journal of applied social psychology*. – 2006. – Vol. 9, N 6. – P. 491–504. – DOI: 10.1111/j. 1559-1816.1979.tb00811.x

Kamyshova E.V. Osobennosti samosohranitel'nogo povedeniya rossijskoj sem'i v usloviyah pandemii COVID-19 [Features of the self-preserving behavior of the Russian family in the context of the COVID-19 pandemic]. *Social'naya bezopasnost' i zashchita cheloveka v usloviyah novej obshchestvennoj real'nosti v period rasprostraneniya COVID-19: sbornik materialov XIII mezhregional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii uchyonyh, prepodavatelej, specialistov, aspirantov i studentov (g. Perm', 14 dekabrya 2021 g.* [Social security and human protection in the

context of a new social reality during the spread of COVID-19: a collection of materials of the XIII interregional scientific and practical conference of scientists, teachers, specialists, graduate students and students (Perm, December 14, 2021)]. Ed. by Z.P. Zamarayeva, T.A. Topokha, M.I. Grigor'eva. – Perm: Permskij gosudarstvennyj nacional'nyj issledovatel'skij universitet, 2021. – P. 33–37. – URL: http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/sotsbez-vusloviyah-covid19_2021.pdf (accessed: 15.12.2023). (In Russian)

Lancione M. COVID-19 and housing struggles: the (re)makings of austerity, disaster capitalism, and the no return to normal. *Radical housing journal*. – 2020. – Vol. 2, N 1. – P. 9–28.

Le Boennec R., Lucas S. Is neighborhood satisfaction related to density perception? Promoting liveable and sustainable land use planning. *Journal of environmental planning and management*. – 2021. – Vol. 65, N 11. – P. 2081–2098.

Mansour Sh. Spatial modeling of residential crowding in Alexandria Governorate, Egypt: a geographically weighted regression (GWR) technique. *Journal of geographic information system*. – 2015. – Vol. 7, N 4. – P. 369–383. – DOI: 10.4236/jgis.2015.74029

Memmott P., Birdsall-Jones C., Greenop K. *Australian indigenous house crowding: AHURI final report*. – Melbourne: Australian housing and urban research institute, 2012. – URL: https://www.ahuri.edu.au/sites/default/files/migration/documents/AHURI_Final_Report_No194_Australian_Indigenous_house_crowding.pdf (accessed: 25.12.2023).

Mitrany M. High density neighborhoods: who enjoys them? *GeoJournal*. – 2005. – Vol. 64, N 2. – P. 131–140. – DOI: 10.1007/s10708-005-4099-7

Nagar D., Pandey J., Paulus P. The effects of residential crowding experience on reactivity to laboratory crowding and noise. *Journal of applied social psychology*. – 2006. – Vol. 18, N 16. – P. 1423–1442. – DOI: 10.1111/j.1559-1816.1988.tb01216.x

Nagar D., Paulus P. Residential crowding experience scale – assessment and validation. *Journal of community and applied social psychology*. – 1997. – Vol. 7, N 4. – P. 303–319.

National occupancy standard / Canada mortgage and housing corporation. – 2022. – July 19. – URL: <https://www.cmhc-schl.gc.ca/professionals/industry-innovation-and-leadership/industry-expertise/affordable-housing/provincial-territorial-agreements/investment-in-affordable-housing/national-occupancy-standard> (accessed: 25.12.2023).

Neuts B., Vanneste D. Contextual effects on crowding perception: an analysis of Antwerp and Amsterdam. *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*. – 2018. – Vol. 109, N 3. – P. 402–419. – DOI: 10.1111/tesg.12284

Park S.Y., Newton C., Lee R. How to alleviate feelings of crowding in a working from home environment: lessons learned from the COVID-19 pandemic. *International journal of environmental research and public health*. – 2023. – Vol. 20, N 2. – URL: <https://www.mdpi.com/1660-4601/20/2/1025> (accessed: 25.12.2023).

Residential crowding and asthma in preschool children, a cross-sectional study / Kutzora S., Puerto Valencia L., Weber A., Huß J., Hendrowarsito L., Nennstiel-Rat-

zel U., Herr C., Heinze S. *Allergologia et immunopathologia*. – 2019. – Vol. 4, N 4. – P. 386–400. – DOI: 10.1016/j.aller. 2018.12.008

Residential crowding and design. Ed. by J. Aiello, A. Baum. – New York; London: Plenum press, 1979. – 270 p. – DOI: 1007/978-1-4613-2967-1

Residential crowding and severe respiratory syncytial virus disease among infants and young children: a systematic literature review / Colosia A., Masaquel A., Hall C., Barrett A., Mahadevia P., Yogev R. *BMC infectious diseases*. – 2012. – Vol. 12. – URL: <https://bmcinfectdis.biomedcentral.com/articles/10.1186/1471-2334-12-95> (accessed: 15.12.2023).

Residential crowding and young children's social and emotional behaviors in a Burundian refugee community / Fouts H., McAteer C., Neitzel C., Bates D. *Children, youth and environments*. – 2017. – Vol. 27, N 3. – P. 34–55. – DOI: 10.7721/chilyoutenvi. 27.3.0034.

Residential instability in the bay area through the COVID-19 pandemic / Hwang J., Liang B., Kumar V., Vargo J. / Federal reserve bank of San Francisco, Community development research brief series. – 2022. – 37 p. – URL: <https://www.frbsf.org/wp-content/uploads/residential-instability-in-the-bay-area-through-the-covid-19-pandemic-cdrb04.pdf> (accessed: 25.12.2023).

Rodgers W. Density, crowding, and satisfaction with the residential environment. *Social indicators research*. – 1982. – Vol. 10, N 1. – P. 75–102. – DOI: 10.1007/BF00287219

Rollings K., Evans G. Design moderators of perceived residential crowding and chronic physiological stress among children. *Environment and behavior*. – 2019. – Vol. 51, N 1. – P. 590–621. – DOI: 10.1177/0013916518824631

Space at home and psychological distress during the Covid-19 lockdown in Italy / Fornara F., Mosca O., Bosco A., Caffò A., Lopez A., Ruggiero G., Ruotolo F., Sbordone F., Ferrara A., Cattaneo Z., Arioli M., Frassinetti F., Candini M., Miola L., Pazzaglia F. *Journal of environmental psychology*. – 2022. – Vol. 79. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0272494421002000> (accessed: 15.12.2023).

The relationship between measured visitor density and perceived crowding revisited: predicting perceived crowding in outdoor recreation / Doeringer S., Porst F., Stumpf L., Heurich M. *Leisure sciences: an interdisciplinary journal*. – 2023. – October 11. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/01490400.2023.2265366?src=recsys> (accessed: 15.12.2023).

Torshizian E., Grimes A. Household crowding measures: a comparison and external test of validity. *Journal of happiness studies*. – 2021. – Vol. 22, N 4. – P. 1925–1951. – DOI:10.1007/s10902-020-00302-z

Vershinkina N.V., Makeeva N.Yu. Blagopoluchie sem'i v usloviyah pandemii [Family well-being in the context of a pandemic]. *Social'naya bezopasnost' i zashchita cheloveka v usloviyah novej obshchestvennoj real'nosti v period rasprostraneniya COVID-19: sbornik materialov XIII mezhregional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii uchyonyh, prepodavatelej, specialistov, aspirantov i studentov (g. Perm', 14 dekabrya 2021 g.)* [Social security and human protection in the context of a new

social reality during the spread of COVID-19: a collection of materials of the XIII interregional scientific and practical conference of scientists, teachers, specialists, graduate students and students (Perm, December 14, 2021)]. Ed. by Z.P. Zamaraeva, T.A. Topekha, M.I. Grigor'eva. – Perm: Permskij gosudarstvennyj nacional'nyj issledovatel'skij universitet, 2021. – P. 38–41. – URL: http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/sotsbez-vusloviyah-covid19_2021.pdf (accessed: 15.12.2023). (In Russian)

Wang X., Liu T. Home-made blues: residential crowding and mental health in Beijing, China. *Urban studies*. – 2022. – Vol. 60, N 3. – P. 461–482.

Zuravin S. Residential density and urban child maltreatment: an aggregate analysis. *Journal of family violence*. – 1986. – Vol. 1, N 4. – P. 307–322. – DOI: 10.1007/BF00978275

ЯДОВА М.А.* РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ НА ЛИЧНОСТЬ И ОБЩЕСТВО: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ / ОТВ. РЕД.Т. А. НЕСТИК, А.Л. ЖУРАВЛЕВ, А.Е. ВОРОБЬЕВА. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. – 570 с. – DOI: 10.38098/fund_21_0442

Аннотация. Рецензия посвящена сборнику статей «Влияние пандемии на личность и общество: психологические механизмы и последствия», изданному в 2021 г. Институтом психологии РАН. Исследуются социально-психологические эффекты пандемии, связанные с психологической травматизацией людей, переживанием ими стресса и чувства тревоги. Кроме того, сворачивание гражданских прав и свобод, усиление консервативных и антимодернистских установок, рост социальных фобий в условиях локдаунов не способствовали комфортному психологическому климату в обществе. Показано, что негативные последствия пандемии могут иметь отложенный долгосрочный эффект.

Ключевые слова: пандемия COVID-19; социальные и психологические эффекты пандемии; личность и общество; адаптационные стратегии.

Для цитирования: Ядова М.А. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2024. – № 1. – С. 85–95. Рец. на кн.: Влияние пандемии на личность и общество: психологические механизмы и последствия / отв. ред. Т.А. Нестик, А.Л. Журавлев, А.Е. Воробьева. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. – 570 с. – DOI: 10.31249/rsoc/2024.01.05

* Ядова Майя Андреевна – кандидат социологических наук, заведующая отделом социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; m.yadova@mail.ru

Статья поступила: 30.12.2023.

Принята к публикации: 15.01.2024.

YADOVA M.A.** Book review: The impact of the pandemic on the individual and society: psychological mechanisms and consequences / Ed. by T.A. Nestik, A.L. Zhuravlev, A.E. Vorobyova. – Moscow: Publishing house “Institute of Psychology RAS”, 2021. – 570 p. DOI: 10.38098/fund_21_0442

Abstract. The review describes the collection of articles “The impact of the pandemic on the individual and society: psychological mechanisms and consequences”, published by the Institute of Psychology (RAS) in 2021. The social and psychological effects of the pandemic, related to the psychological traumatization of people and their experience of stress and anxiety, are explored. Moreover, the reduction of civil rights and freedoms, the strengthening of conservative and anti-modernist attitudes, the growth of social phobias in lockdowns did not contribute to a comfortable psychological climate in society. It is shown that the negative consequences of the pandemic can have a delayed long-term effect.

Keywords: COVID-19 pandemic; social and psychological effects of the pandemic; individual and society; adaptation strategies.

For citation: Yadova M.A. [Book review]. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2024. – N 1. – P. 85–95. Book review: The impact of the pandemic on the individual and society: psychological mechanisms and consequences. Ed. by T.A. Nestik, A.L. Zhuravlev, A.E. Vorobyova. DOI: 10.31249/rsoc/2024.01.05

Received: 30.12.2023.

Accepted: 15.01.2024.

Пандемия COVID-19, став беспрецедентным вызовом для человечества, дала возможность осмыслить произошедшие в связи с нею глобальные и локальные общественные трансформации и тен-

** Yadova Maiya Andreevna – Candidate of Sociological Sciences, Head of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; m.yadova@mail.ru

денции. К сегодняшнему времени сформировались новые отрасли социального знания, изучающие феномен пандемии COVID-19 – социология пандемии [см., например: Connell, 2020; Matthewman, Huppatz, 2020] и психология пандемии [Taylor, 2022], которые, с одной стороны, имеют собственный уникальный предмет исследования, а с другой – содержательно пересекаются друг с другом и с уже сложившимися социологическими и психологическими субдисциплинами. Кроме того, выработался особый язык пандемии, который вполне успешно используется как в повседневной жизни, так и в научно-исследовательских работах.

Предлагаемый вниманию читателей сборник статей, изданный в Институте психологии РАН, имеет междисциплинарный характер и посвящен широкому кругу вопросов, связанных с влиянием пандемии COVID-19 на человека и общество. В трех разделах книги рассматриваются особенности переживания эпидемиологической угрозы как психотравмирующего стрессора, анализируются личностные ресурсы совладания с новым вызовом, социально-психологические последствия пандемии и ее влияние на сознание и поведение россиян, а также изучены психологические предпосылки соблюдения санитарных ограничений в период пандемии и др.

Результаты исследований российских психологов, представленные в сборнике, не только позволяют лучше понять, что происходит с человеком и обществом при столкновении с катастрофическими явлениями вроде пандемии COVID-19, но и создают основу для подготовки и адаптации к будущим кризисам [Нестик, Журавлев, 2021, с. 5]. По мнению экспертов, на трудноконтролируемую угрозу каждый из нас реагирует по-разному, но главное – в это время мобилизуются психологические ресурсы и механизмы психологической защиты. В данной ситуации, убеждены авторы сборника, «чрезвычайно важно выстроить систему психологической помощи, которая бы опиралась на научные знания и позволяла поддерживать психологическое благополучие» людей [Нестик, Журавлев, 2021, с. 6]. Для изучения и более глубокого понимания психологических последствий пандемии в Институте психологии РАН в апреле 2020 г. была создана межлабораторная исследовательская группа, результаты работы которой и были в основном представлены на страницах рецензируемого сборника. Кратко остановимся на некоторых данных этих исследований.

В первом разделе сборника пандемия COVID-19 рассматривается преимущественно как психотравмирующий стрессовый фактор, влияющий на отдельных людей и на общество в целом.

Так, в обстоятельной работе Т.А. Нестика [Нестик, 2021], основанной на результатах ряда эмпирических исследований, анализируется амбивалентное воздействие пандемии на психологическое состояние российского общества. Автор показывает, что в условиях пандемии мобилизуются личностные ресурсы, повышающие уверенность в собственных силах, укрепляются чувство солидарности и эмпатия; в то же время включаются негативные защитные механизмы, дающие ощущение контроля над ситуацией: у одних возникает недооценка эпидемиологических угроз, у других растет интерес к конспирологическим теориям, третьи демонстрируют поддержку консервативных и антимодернистских установок.

В статье С.Н. Ениколопова, Т.И. Медведевой, О.М. Бойко, О.Ю. Воронцовой и О.Ю. Казьминой [Психопатологические состояния ... , 2021] показан устойчивый рост уровня психопатологической и депрессивной симптоматики по мере «развертывания» пандемийных волн в России. Так, особенно сильный страх перед эпидемией испытывали люди, которые имели в прошлом опыт обращения за психиатрической помощью. К сожалению, авторы прогнозируют сохранение негативных психологических последствий пандемии и в постапидемийное время, т.е. после отмены всех ограничений. Сегодня мы можем подтвердить эти опасения.

Интересны результаты исследования А.Л. Журавлева и Д.А. Китовой [Журавлев, Китова, 2021], в ходе которого изучалась специфика поисковых запросов в Google о новом коронавирусе. Как выяснилось, интерес пользователей к этой информации был прежде всего вызван заботой о своей защите и безопасности близких и зависел во многом от степени интенсивности распространения эпидемии в регионе проживания пользователя.

В работе О.С. Дейнеки и А.А. Максименко [Дейнека, Максименко, 2021] обсуждается динамика отношения россиян к пандемии COVID-19 и к режиму самоизоляции в период нескольких пандемийных волн. В первую волну большинство респондентов недооценили новую угрозу; впоследствии они стали более внимательными, хотя и относились скептически к эффективности вак-

цинации. Кроме того, во вторую волну были зафиксированы снижение доверия россиян к системе здравоохранения, СМИ и большая вовлеченность в общение в социальных сетях.

Исследование О.О. Савиной и В.А. Барановой [Баранова, Савина, 2021] было посвящено практикам проживания в режиме самоизоляции студенческой молодежи. Было обнаружено, что юноши и девушки пытались осмыслить и переработать выпавший на их долю опыт жизни в экстремальной ситуации. Выбранные ими копинг-стратегии прежде всего связаны с заботой о близких, обращением за поддержкой, с практиками саморазвития и переосмысления жизни. Полученные данные, в целом согласуясь с результатами схожих исследований, говорят о хороших адаптивных способностях современной молодежи и ее умении приспособиться к кризисным ситуациям.

Во втором разделе сборника представлены данные исследований, посвященных ресурсам совладания, помогающим преодолеть последствия эпидемии, и специфике психологической помощи в условиях пандемии.

Например, в статье А.Ш. Тхостова, Г.У. Солдатовой и Е.И. Рассказовой [Тхостов, Солдатова, Рассказова, 2021] рассматриваются различные формы защитных действий людей и их нарушения в условиях пандемии. Опираясь на данные проведенных ими эмпирических исследований, авторы выделяют в структуре защитных действий те, которые рекомендованы медицинскими работниками и государством (действия по самоизоляции, соблюдение правил дистанцирования, гигиены и пр.), и те, которые человек выбирает самостоятельно (выезды на природу, контроль образа жизни). По словам исследователей, чувство субъективного благополучия в условиях коронавирусного кризиса преимущественно связано с лучшим самостоятельным контролем образа жизни, чем со следованием официальным медицинским рекомендациям.

Ю.В. Быховец и Л.Б. Коган-Лернер [Быховец, Коган-Лернер, 2021] анализируют результаты исследования психотерапевтической практики в период карантина. По словам авторов статьи, количество клиентских запросов в этой сфере в период локдаунов практически не изменилось, они ожидаемо были связаны с попыткой преодолеть ощущение тревоги, депрессии, разрешить семейные конфликты и т.п. Принявшие участие в исследовании психо-

терапевты говорили как о проблемах, с которыми им пришлось столкнуться, так и об открывшихся новых возможностях: например, онлайн-формат при работе с пациентами имеет позитивные и негативные стороны, новый опыт, во многом экстремальный, способствует переоценке отношения к собственной деятельности, дает шанс проверить себя на стрессоустойчивость.

Наконец, в третьем разделе сборника анализируется влияние социально-психологических механизмов и последствий пандемии COVID-19 на различные стороны общественной жизни (экономика, медиа, трудовые отношения и пр.).

Так, О.И. Маховская [Маховская, 2021] исследовала тактики и стратегии информирования россиян в начале пандемии COVID-19. Она с сожалением отмечает, что в период первой волны пандемии отечественные СМИ делали упор на развлекательных программах и не стремились сформировать чувство солидарности у своей аудитории. Автор статьи предлагает различные практические рекомендации по формированию в медиа полезных солидарных установок и навыков у населения. Она убеждена, что журналисты должны не отвлекать свою аудиторию от проблем, а «показывать полный цикл борьбы с пандемией с начала ее возникновения и до возвращения к нормальной жизни» [Маховская, 2021, с. 413].

Предмет интереса Т.В. Фоломеевой и Е.А. Слободкиной [Фоломеева, Слободкина, 2021] – трансформация финансового поведения молодых москвичей в связи с пандемией. Как показало проведенное авторами исследование, во время пандемии многие информанты столкнулись с финансовыми трудностями и неуверенностью в стабильности будущих доходов, это побудило их к сокращению расходов и переносу запланированных трат (или отказу от последних).

В работе К.Б. Зуева [Зуев, 2021] на примере обзора англоязычных публикаций 2020 г. о пандемии COVID-19, размещенных в библиометрической базе Web of Science, изучается то, как пандемия изменила организацию научной деятельности по всему миру. Было обнаружено, что наиболее часто в англоязычной литературе цитируются публикации трех типов: диагностические методики, материалы обзорного и проблемно-ориентированного характера, эмпирические исследования. Огромное количество публикаций было посвящено клиническим проявлениям пандемии и мерам

борьбы с ними, экономическим факторам в условиях пандемии и др. Кроме того, произошел сдвиг в издательских практиках: по сравнению с другими публикациями, статьи на тему пандемии, как правило, публиковались более оперативно и размещались в открытом доступе. Кроме того, исследователи стали чаще публиковать результаты своей работы в социальных сетях из желания оперативно обсудить их с коллегами. К.Б. Зуев видит в этих изменениях как определенные риски (прежде всего из-за поспешности публикации «горячих» результатов), так и возможности (создание альтернативных площадок научной коммуникации).

Работы, представленные в настоящем сборнике, очень важны, так как позволяют глубже изучить долгосрочные психологические последствия пандемии и механизмы мобилизации личностных ресурсов в критических ситуациях, а также задают вектор для дальнейших перспективных исследований на тему глобальных угроз и их эффектов. На наш взгляд, книга может быть интересна как специалистам-обществоведам, так и широкому кругу читателей.

Список литературы

Баранова В.А., Савина О.О. Анализ практик проживания в самоизоляции у студентов во время пандемии (апрель и октябрь 2020 г.) // Влияние пандемии на личность и общество: психологические механизмы и последствия / отв. ред. Т.А. Нестик, А.Л. Журавлев, А.Е. Воробьева. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. – С. 217–245. – DOI: 10.38098/fund_21_0442_06

Быховец Ю.В., Коган-Лернер Л.Б. Психотерапия в период пандемии COVID-19 // Влияние пандемии на личность и общество: психологические механизмы и последствия / отв. ред. Т.А. Нестик, А.Л. Журавлев, А.Е. Воробьева. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. – С. 345–357. – DOI: 10.38098/fund_21_0442_09

Дейнека О.С., Максименко А.А. Динамика отношения россиян к вызванной COVID-19 пандемии и режиму самоизоляции в период первой и второй волн // Влияние пандемии на личность и общество: психологические механизмы и последствия / отв. ред. Т.А. Нестик, А.Л. Журавлев, А.Е. Воробьева. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. – С. 197–216. – DOI: 10.38098/fund_21_0442_05

Журавлев А.Л., Китова Д.А. Когнитивные и эмоциональные особенности отношения пользователей социальных сетей к пандемии // Влияние пандемии на личность и общество: психологические механизмы и последствия / отв. ред. Т.А. Нестик, А.Л. Журавлев, А.Е. Воробьева. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. – С. 157–196. – DOI: 10.38098/fund_21_0442_04

Зуев К.Б. Психологические исследования, посвященные пандемии COVID-19 (по материалам англоязычных статей, индексируемых в WoS) // Влияние пандемии на личность и общество: психологические механизмы и последствия / отв. ред. Т.А. Нестик, А.Л. Журавлев, А.Е. Воробьева. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. – С. 509–533. – DOI: 10.38098/fund_21_0442_20

Маховская О.И. Стратегии и тактики информирования населения в начале пандемии в России: психологический потенциал солидарности // Влияние пандемии на личность и общество: психологические механизмы и последствия / отв. ред. Т.А. Нестик, А.Л. Журавлев, А.Е. Воробьева. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. – С. 398–416. – DOI: 10.38098/fund_21_0442_14

Нестик Т.А. Переживание эпидемиологической угрозы россиянами как социально-психологический феномен: результаты серии эмпирических исследований // Влияние пандемии на личность и общество: психологические механизмы и последствия / отв. ред. Т.А. Нестик, А.Л. Журавлев, А.Е. Воробьева. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. – С. 19–125. – DOI: 10.38098/fund_21_0442_02

Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Предисловие // Влияние пандемии на личность и общество: психологические механизмы и последствия / отв. ред. Т.А. Нестик, А.Л. Журавлев, А.Е. Воробьева. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. – С. 5–16. – DOI: 10.38098/fund_21_0442_01

Психопатологические состояния во время пандемии COVID-19 / Ениколопов С.Н., Бойко О.М., Медведева Т.И., Воронцова О.Ю., Казьмина О.Ю. // Влияние пандемии на личность и общество: психологические механизмы и последствия / отв. ред. Т.А. Нестик, А.Л. Журавлев, А.Е. Воробьева. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. – 570 с. – С. 126–156. – DOI: 10.38098/fund_21_0442_03

Тхостов А.Ш., Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Тревога и мониторинг информации в ситуации пандемии: приверженность медицинским рекомендациям и их нарушения // Влияние пандемии на личность и общество: психологические механизмы и последствия / отв. ред. Т.А. Нестик, А.Л. Журавлев, А.Е. Воробьева. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. – С. 309–325. – DOI: 10.38098/fund_21_0442_07

Фоломеева Т.В., Слободкина Е.А. Особенности финансового поведения москвичей в условиях пандемии // Влияние пандемии на личность и общество: психологические механизмы и последствия / отв. ред. Т.А. Нестик, А.Л. Журавлев, А.Е. Воробьева. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. – С. 472–486. – DOI: 10.38098/fund_21_0442_18

Connell R. COVID-19 / sociology // Journal of sociology. – 2020. – Vol. 56, N 4. – P. 745–751. – DOI: 10.1177/1440783320943262

Matthewman S., Huppertz K. A sociology of COVID-19 // Journal of sociology. – 2020. – Vol. 56, N 4. – P. 675–683. – DOI: 10.1177/1440783320939416

Taylor S. The psychology of pandemics // Annual review of clinical psychology. – 2022. – Vol. 18. – P. 581–609. – DOI: 10.1146/annurev-clinpsy-072720-020131

References

Baranova V.I., Savina O.O. Analiz praktik prozhivaniya v samoizolyacii u studentov vo vremya pandemii (aprel' i oktyabr' 2020 g.) [Analysis of the practice of self-isolation among students during the spring and autumn periods of the pandemic]. *Vliyanie pandemii na lichnost' i obshchestvo: psihologicheskie mehanizmy i posledstviya* [The impact of the pandemic on the individual and society: psychological mechanisms and consequences]. Ed. by T.A. Nestik, A.L. Zhuravlev, A.E. Vorobyova. – Moscow: Publishing house “Institute of Psychology RAS”, 2021. – P. 217–245. – DOI: 10.38098/fund_21_0442_06. (In Russian)

Bykhovets Yu., Kogan-Lerner L.B. Psihoterapiya v period pandemii COVID-19 [Psychotherapy during the COVID-19 pandemic]. *Vliyanie pandemii na lichnost' i obshchestvo: psihologicheskie mehanizmy i posledstviya* [The impact of the pandemic on the individual and society: psychological mechanisms and consequences]. Ed. by T.A. Nestik, A.L. Zhuravlev, A.E. Vorobyova. – Moscow: Publishing house “Institute of Psychology RAS”, 2021. – P. 345–357. – DOI: 10.38098/fund_21_0442_09. (In Russian)

Connell R. COVID-19 / sociology. *Journal of sociology*. – 2020. – Vol. 56, N 4. – P. 745–751. – DOI: 10.1177/1440783320943262

Deyneka O.S., Maximenko A.A. Dinamika otnosheniya rossiyan k vyzvannoj COVID-19 pandemii i rezhimu samoizolyacii v period pervoj i vtoroj voln [Dynamics of Russians' attitudes towards the pandemic caused by COVID-19 and the self-isolation regime during the 1 st and 2 nd waves]. *Vliyanie pandemii na lichnost' i obshchestvo: psihologicheskie mehanizmy i posledstviya* [The impact of the pandemic on the individual and society: psychological mechanisms and consequences]. Ed. by T.A. Nestik, A.L. Zhuravlev, A.E. Vorobyova. – Moscow: Publishing house “Institute of Psychology RAS”, 2021. – P. 197–216. – DOI: 10.38098/fund_21_0442_05. (In Russian)

Folomeeva T.V., Slobodkina E.A. Osobennosti finansovogo povedeniya moskvicej v usloviyah pandemii [Features of the financial behavior of Muscovites during the COVID-19 pandemic]. *Vliyanie pandemii na lichnost' i obshchestvo: psihologicheskie mehanizmy i posledstviya* [The impact of the pandemic on the individual and society: psychological mechanisms and consequences]. Ed. by T.A. Nestik, A.L. Zhuravlev, A.E. Vorobyova. – Moscow: Publishing house “Institute of Psychology RAS”, 2021. – P. 472–486. – DOI: 10.38098/fund_21_0442_18. (In Russian)

Makhovskaya O.I. Strategii i taktiki informirovaniya naseleniya v nachale pandemii v Rossii: psihologicheskij potencial solidarnosti [Strategies and tactics of informing the population at the beginning of the pandemic in Russia: the psychological potential of solidarity]. *Vliyanie pandemii na lichnost' i obshchestvo: psihologicheskie mehanizmy i posledstviya* [The impact of the pandemic on the individual and society: psychological mechanisms and consequences]. Ed. by T.A. Nestik, A.L. Zhuravlev, A.E. Vorobyova. – Moscow: Publishing house “Institute of Psychology RAS”, 2021. – P. 398–416. – DOI: 10.38098/fund_21_0442_14. (In Russian)

Matthewman S., Huppatz K. A sociology of COVID-19 // *Journal of sociology*. – 2020. – Vol. 56, N 4. – P. 675–683. – DOI: 10.1177/1440783320939416

Nestik T.A. Perekhivanie yepidemiologicheskoy ugrozy rossiyaniyami kak social'no-psihologicheskij fenomen: rezul'taty serii yempiricheskikh issledovanij [Experiencing the epidemiological threat by Russians as a socio-psychological phenomenon: results of a series of empirical studies]. *Vliyanie pandemii na lichnost' i obshhestvo: psihologicheskie mehanizmy i posledstviya* [The impact of the pandemic on the individual and society: psychological mechanisms and consequences]. Ed. by T.A. Nestik, A.L. Zhuravlev, A.E. Vorobyova. – Moscow: Publishing house “Institute of Psychology RAS”, 2021. – P. 19–125. – DOI: 10.38098/fund_21_0442_02. (In Russian)

Nestik T.A., Zhuravlev A.L. Predislovie [Introduction]. *Vliyanie pandemii na lichnost' i obshhestvo: psihologicheskie mehanizmy i posledstviya* [The impact of the pandemic on the individual and society: psychological mechanisms and consequences]. Ed. by T.A. Nestik, A.L. Zhuravlev, A.E. Vorobyova. – Moscow: Publishing house “Institute of Psychology RAS”, 2021. – P. 5–16. – DOI: 10.38098/fund_21_0442_01

Psihopatologicheskie sostoyaniya vo vremya pandemii COVID-19 [Psychopathological conditions during the COVID-19 pandemic] / Enikolopov S.N., Medvedeva T.I., Boyko O.M., Vorontsova O.Yu., Kazmina O. Yu. *Vliyanie pandemii na lichnost' i obshhestvo: psihologicheskie mehanizmy i posledstviya* [The impact of the pandemic on the individual and society: psychological mechanisms and consequences]. Ed. by T.A. Nestik, A.L. Zhuravlev, A.E. Vorobyova. – Moscow: Publishing house “Institute of Psychology RAS”, 2021. – P. 126–156. – DOI: 10.38098/fund_21_0442_03. (In Russian)

Taylor S. The psychology of pandemics. *Annual review of clinical psychology*. – 2022. – Vol. 18. – P. 581–609. – DOI: 10.1146/annurev-clinpsy-072720-020131

Tkhostov A., Soldatova G., Rasskazova E. Trevoga i monitoring informacii v situacii pandemii: priverzhennost' medicinskim rekomendaciyam i ih narusheniya [Anxiety and information monitoring as factors of adherence to medical recommendations and their violation in a pandemic situation]. *Vliyanie pandemii na lichnost' i obshhestvo: psihologicheskie mehanizmy i posledstviya* [The impact of the pandemic on the individual and society: psychological mechanisms and consequences]. Ed. by T.A. Nestik, A.L. Zhuravlev, A.E. Vorobyova. – Moscow: Publishing house “Institute of Psychology RAS”, 2021. – P. 309–325. – DOI: 10.38098/fund_21_0442_07. (In Russian)

Zhuravlev A.L., Kitova D.A. Kognitivnye i yemocional'nye osobennosti otnosheniya pol'zovatelej social'nyh setej k pandemii [Cognitive and emotional characteristics attitudes of social media users to the pandemic]. *Vliyanie pandemii na lichnost' i obshhestvo: psihologicheskie mehanizmy i posledstviya* [The impact of the pandemic on the individual and society: psychological mechanisms and consequences]. Ed. by T.A. Nestik, A.L. Zhuravlev, A.E. Vorobyova. – Moscow: Publishing house “Institute of Psychology RAS”, 2021. – P. 157–196. – DOI: 10.38098/fund_21_0442_04. (In Russian)

**Рец. на кн.: Влияние пандемии на личность и общество:
психологические механизмы и последствия**

Zuev K.B. Psihologicheskie issledovaniya, posvyashhenye pandemii COVID-19 (po materialam angloyazychnyh statej, indeksiruemyh v WoS) [Psychological research of the COVID-19 pandemic (based on the materials of English-language articles indexed in WoS)]. *Vliyanie pandemii na lichnost' i obshchestvo: psihologicheskie mehanizmy i posledstviya* [The impact of the pandemic on the individual and society: psychological mechanisms and consequences]. Ed. by T.A. Nestik, A.L. Zhuravlev, A.E. Vorobyova. – Moscow: Publishing house “Institute of Psychology RAS”, 2021. – P. 509–533. – DOI: 10.38098/fund_21_0442_20. (In Russian)

РАРЕНКО А.А.* СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ: ПО СТРАНИЦАМ ЖУРНАЛА «СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО» (Обзор)

Аннотация. Изучение психического здоровья и социального благополучия индивида и нации в целом – одно из приоритетных направлений современной психологии и социальной психологии. Данное направление социально-психологической науки активно развивается со второй половины 1970-х годов. Для этого междисциплинарного поля характерен интерес к таким темам, как социально-психологические факторы, которые детерминируют поведение человека в сфере здоровья и болезни, а также влияние социальной среды и отношений между врачом и пациентом. Актуальность социальной психологии здоровья обусловлена тем, что социальные психологи, руководствуясь пониманием механизмов модификации поведения, особенностей принятия решений в сфере здоровья, а также анализом разных уровней функционирования человека, могут способствовать улучшению показателей здоровья и благополучия индивида и социальных групп. В настоящий обзор вошли статьи отечественных специалистов, опубликованные в тематическом номере журнала «Социальная психология и общество» (2023 г., том 14, № 2), который издается Московским государственным психолого-педагогическим университетом (главный редактор – Н.Н. Толстых).

Ключевые слова: социально-психологические концепции здоровья; психическое здоровье; социальное здоровье; поведение; институциональная депривация; благополучие; социальная под-

* Раренко Андрей Алексеевич – младший научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; andrejj97@rambler.ru

держка; жизнеспособность; субъективные репрезентации здоровья; предпенсионеры; долголетие; активное старение; креативность; социально-психологическая адаптация.

Для цитирования: Раренко А.А. Социальная психология здоровья: по страницам журнала «Социальная психология и общество» (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2024. – № 1. – С. 96–118. – DOI: 10.31249/tsoc/2024.01.06

Статья поступила: 12.12.2023.

Принята к публикации: 25.01.2024.

RARENKO A.A. ** Social psychology of health: review of the journal “Social psychology and society” (Literature review)

Abstract. Exploring mental health and social well-being of an individual and the nation as a whole is one of the priorities of modern psychology and social psychology. This trend has been actively developing since the second half of the 1970s. Within this framework, research conducted aims at clarifying the following issues: 1) what social and psychological factors influence human behavior in the field of health and illness, 2) how the relationship between a doctor, a patient and the social environment affect adherence to treatment, etc. The relevance of research on the issues of social psychology of health is explained primarily by the recognition in modern society of the fact that social psychologists who base on an understanding of the mechanisms of behavior modification and peculiarities of decision-making in the field of health, taking into account different levels of human functioning, can contribute to improving the health and well-being of a person or social groups.

This review includes the articles by leading researchers published in the thematic issue of the journal “Social Psychology and Society”, Volume 14, N 2, 2023 (publisher – Moscow State Psychological and Pedagogical University, editor-in-chief – N.N. Tolstykh).

Keywords: social psychology; mental health; social health; society; human behavior; well-being; social groups; social support.

** Rarenko Andrey Alekseevich – Junior Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; andrej97@rambler.ru

For citation: Rarenko A.A. Social psychology of health: review of the journal “Social psychology and society” (Literature review). Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11. Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2024. – N 1. – P. 96–118. DOI: 10.31249/rsoc/2024.01.06

Received: 12.12.2023.

Accepted: 25.01.2024.

Второй номер журнала «Социальная психология и общество» за 2023 г. (том 14, № 2, издательство Московского государственного психолого-педагогического университета, главный редактор – Н.Н. Толстых) посвящен вопросам социальной психологии здоровья. Как отмечает во ввводной статье ответственный редактор номера доктор психологических наук, профессор Л.А. Цветкова (НИУ ВШЭ, РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург), социальная психология здоровья – это относительно новое направление отечественных социальных исследований, которое активно развивается со второй половины 1970-х годов. Эта направление берет начало в работах И.Н. Гурвича, которого можно считать основателем социальной психологии здоровья в России [Цветкова, 2023]. Предметом исследований в этой области являются социально-психологические факторы, которые оказывают влияние на поведение человека в сфере здоровья и болезни, во-первых, и проблема влияния социальной среды и отношений между врачом и пациентом на приверженность пациента лечению, во-вторых. Актуальность социальной психологии здоровья, продолжает Л.А. Цветкова, обусловлена тем, что социальные психологи, руководствуясь пониманием механизмов модификации поведения, особенностей принятия решений в сфере здоровья, а также анализом разных уровней функционирования человека, могут способствовать улучшению показателей здоровья и благополучия индивида и социальных групп.

В тематический выпуск журнала «Социальная психология и общество» вошли статьи теоретического и прикладного характера, касающиеся этнокультурных, социальных и возрастных аспектов изучения здоровья; исследования, раскрывающие содержание профилактических программ поддержания психологического здо-

ровья людей; работы, в которых анализируется влияние социальных и социально-психологических факторов на биологическое развитие и поведение человека.

В статье кандидата психологических наук Д.И. Черного (СПбГУ), кандидата биологических наук М.Ю. Васильевой и доктора психологических наук, профессора Р.Ж. Мухамедрахимова (все – из СПбГУ) систематизируется научная информация о влиянии раннего опыта институциональной депривации на биологические показатели развития детей; авторы также анализируют вероятные физиологические механизмы, обуславливающие негативные последствия ранней депривации, и взаимосвязь биологических маркеров с поведенческими проявлениями у детей [Черного, Васильева, Мухамедрахимов, 2023]. Более двух миллионов детей во всем мире проживают в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Общими чертами социального окружения в этих организациях являются: большое количество детей, которые проживают в одном помещении; формирование групп по возрастному критерию и отсутствию / наличию у детей нарушений развития; частая смена персонала; отсутствие эмоционально доступного, близкого взрослого. Дети, живущие в сиротских организациях, лишены базовых условий, которые должны способствовать становлению и развитию ребенка: проживания в семье и взаимодействия с постоянным, эмоционально открытым и отзывчивым «близким» взрослым [там же, с. 11]. Авторы подчеркивают, что ранняя депривация является мощнейшим социально-психологическим фактором, драматически влияющим на последующее психическое здоровье и развитие детей [там же, с. 9]. К настоящему времени в зарубежной специальной литературе накоплен большой объем данных о биологических эффектах ранней институциональной депривации, однако они все еще не получили удовлетворительного освещения в отечественных исследованиях. Между тем рост числа детей с опытом институционализации, которые воспитываются в российских замещающих семьях, и необходимость осмысления нюансов биологического развития и поведения таких детей требуют систематизации и обобщения данных о ранней институционализации, представленных в зарубежной литературе.

Эти данные свидетельствуют о наличии у детей с депривационным опытом ранней институционализации значительных нарушений в биологических системах организма, а также их поведенческих коррелятов (негативные изменения морфофункционального развития и микроструктурной организации мозга, нейрофизиологических индексов, секреции кортизола, нарушения иммунитета, состава микробиоты, изменения профилей метилирования ДНК). Изменения связаны с характеристиками институционализации, среди которых существенное значение имеют длительность пребывания детей в депривационных условиях (т.е. возраст перевода ребенка из учреждения в семью) и их тяжесть / некомфортность. Такой опыт на ранних этапах развития ребенка может иметь такие отложенные последствия, как долгосрочные негативные изменения показателей биологического развития и поведенческие проявления. Согласно имеющимся эмпирическим данным, для предотвращения нарушений развития и психического здоровья человека, связанных с долговременным влиянием раннего депривационного опыта, государственная политика в области раннего детства и работа профессионального сообщества должны быть направлены на удовлетворение права ребенка на проживание в семье с обязательным формированием отношений с близкими, эмоционально отзывчивыми и доступными взрослыми, пишут в заключение авторы.

Доктор психологических наук Д.С. Корниенко (ПИ РАО), кандидат психологических наук Н.А. Руднова (ПИ РАО), доктор психологических наук, профессор Т.О. Гордеева (МГУ, НИУ ВШЭ), кандидат психологических наук О.А. Сычев (АГППУ им. В.М. Шукшина, г. Бийск), кандидат физико-математических наук В.А. Егоров («Целевой фонд будущих поколений Республики Саха (Якутия)», г. Якутск) и член-корреспондент РАО, доктор психологических наук А.Н. Веракса (МГУ им. М.В. Ломоносова, ПИ РАО) анализируют феномены одиночества и социальной поддержки в качестве показателей социального здоровья подростков, дифференцирующих их зависимости от социальных сетей [Одиночество ... , 2023]. В данном случае одиночество и социальная поддержка рассматриваются как индикаторы внутреннего переживания изоляции от других, которые определяют диапазон доступных контактов, к которым подросток может обратиться за помощью.

Исследование представляет собой сравнительный анализ показателей зависимости подростков от социальных сетей, их формальных характеристик и мотивов использования подростками с учетом соотношения индикаторов одиночества и социальной поддержки. Выборку составили 6405 подростков в возрасте от 13 до 18 лет, из них 42,2% – юноши, являющиеся учащимися образовательных учреждений г. Якутска (Республика Саха). В качестве методов исследования авторы использовали описанные в литературе шкалы одиночества и социальной поддержки, в том числе – Бергенскую шкалу зависимости от социальных сетей. Как результат проведенной работы были выявлены формальные характеристики и мотивы использования социальных сетей подростками и выделены группы, которые отличались степенью выраженности одиночества и социальной поддержки и характером зависимости от социальных сетей. Авторы исследования пришли к заключению о том, что специфика групп с различным соотношением индикаторов одиночества и социальной поддержки проявляется в мотивах использования социальных сетей и их формальных характеристиках (время, количество друзей). Так, в группе подростков с высоким показателем одиночества и низким уровнем социальной поддержки был очевиден эффект компенсации и обеднения, когда использование социальных сетей способствовало формированию зависимости. Подростки с низким показателем одиночества и высокой социальной поддержкой, наоборот, обнаружили позитивный эффект использования социальных сетей. Оказалось, высокий уровень одиночества подростка – как показатель социального здоровья – может повышать степень выраженной зависимости от социальных сетей, причем эта зависимость может быть обусловлена не столько непосредственными коммуникативными мотивами, сколько стремлением установить связи с группой, объединенной общими игровыми интересами.

Цифровая трансформация общества, которая ускорилась вследствие политики вынужденной изоляции во время пандемии SARS-CoV-2, способствовала росту использования информационных технологий для реализации социальных процессов, продолжают свои рассуждения Д.С. Корниенко и его соавторы. Информационные технологии стали атрибутом повседневной жизни, что не может не иметь последствий (как позитивных, так и негатив-

ных) для физического, психологического и социального здоровья. Социальное здоровье – это относительно устойчивое состояние общественного благополучия, которое обеспечивает успешное функционирование, социализацию и самореализацию личности в условиях современного информационного общества. Одним из важнейших показателей социального здоровья выступает способность человека контактировать с социумом. Эпоха цифровизации предлагает для реализации этой способности отдельный инструмент – социальные сети как неизбежный контекст социализации. Значение сетей для социального здоровья обусловлено их функциями, которые используются преимущественно для расширения круга контактов, поддержания связей, и социальной поддержки. В то же время увлеченность социальными сетями приводит к тому, что пользователи (особенно подростки) не могут отказаться от них даже на короткое время, испытывая негативные эмоциональные переживания при ограничении или прерывании контакта, и стремятся постоянно «быть онлайн». Одиночество и социальная поддержка как характеристики социального здоровья, пишут в заключение авторы, могут выступать факторами поведения, зависящего от социальных сетей. «При рассмотрении обнаруженных групп, независимо от уровня социальной поддержки, при высоком показателе одиночества будет выражена зависимость от социальных сетей. Однако при высоком показателе одиночества отсутствие социальной поддержки проявляется в меньшем количестве друзей в социальных сетях, меньшей выраженности коммуникативных мотивов, что может объясняться эффектом компенсации, при этом высокая зависимость от сетей в сочетании с пассивным использованием сетей скорее говорит об “эффекте обеднения”» [Одиночество ... , 2023, с. 40].

Кандидат психологических наук, доцент Н.А. Антонова и кандидат психологических наук К.Ю. Ерицян (обе – из РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург) обсуждают результаты изучения этнокультурных факторов востребованности альтернативных практик помощи в сфере здоровья и психологического благополучия среди российской молодежи [Антонова, Ерицян, 2023]. Авторы отмечают, что несмотря на стремительное развитие медицинских технологий, ключевым фактором успешности лечения является поведенческий фактор, поскольку большинство заболе-

ваний невозможно диагностировать и лечить без активного участия пациента. В сфере ментального здоровья и психологического благополучия, в отличие от здоровья физического, конвенциональные и неконвенциональные виды помощи сегодня четко не обозначены. Тем не менее, большинство исследователей согласны в том, что к конвенциональным видам помощи следует относить обращение к профессионалам в области психического здоровья (психиатры и психологи), а к неконвенциональным – обращение к представителям экстрасенсорных, паранормальных или религиозных практик (парапсихологи, гадалки, чистильщики карм, тарологи, астрологи, ясновидящие, духовные целители и пр.). При этом неконвенциональная помощь пользуется сегодня довольно высоким спросом, однако в экономически развитых странах с доступностью официальных медицинских услуг альтернативные практики используются как дополнительные, и скорее с целью первичной профилактики заболеваний, чем окончательного излечения.

Н.А. Антонова и К.Ю. Ерицын отмечают, что с позиции психологии здоровья принятие решения об обращении за психологической помощью имеет решающее значение для психологического благополучия человека и общества. Обращение к неконвенциональным практикам для решения проблем как физического и психического здоровья, так и психологического благополучия чревато потенциальными рисками. В конце 2020 г. в восьми субъектах Российской Федерации (Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Красноярский край, Иркутская, Ленинградская, Мурманская и Томская области, Санкт-Петербург) было проведено количественное кросс-секционное онлайн-исследование. Его участниками были подростки и молодые люди в возрасте от 14 лет (средний возраст испытуемых – 22 года), идентифицирующие себя в качестве представителей коренного малочисленного народа Севера, Сибири и Дальнего Востока России [Антонова, Ерицын, 2023].

В ходе исследования были получены следующие результаты: обращение молодежи к провайдерам альтернативных практик помощи имеет определенную этнокультурную специфику. Молодежь коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ значительно чаще, чем молодые люди иной этнической принадлежности, обращается исключительно к шаманам, олицетворяющим часть уникальной духовной культуры этих этни-

ческих групп. Так, «обращение за помощью к разным представителям альтернативной помощи связано между собой, что может быть результатом как “подросткового экспериментирования” в разных сферах жизни, так и открытости новому опыту, в том числе и в отношении поиска разных видов помощи. Вторым важным фактором является недоверие к официальной медицине, которое мотивирует людей к использованию альтернативных видов помощи в сфере здоровья (обращение к шаманам, гадалкам, магам, колдунам и пр.)» [Антонова, Ерицян, 2023, с. 49].

Цель статьи доктора психологических наук А.В. Махнач (ИП РАН), доктора психологических наук, профессора Н.М. Сараевой (ЗабГУ, г. Чита), доктора психологических наук С.Б. Дагбаевой (ЗабГУ, г. Чита), кандидата психологических наук А.И. Лактионовой (ИП РАН), кандидата психологических наук Ю.В. Постыляковой (ИП РАН) и кандидата психологических наук, доцента А.А. Суханова (ЗабГУ, г. Чита) состоит в том, чтобы выявить вероятные отличия в показателях жизнеспособности и ее компонентов у представителей русской и бурятской молодежи (15–24-х лет), которые обусловлены этнокультурной спецификой образа жизни [Сравнительный эмпирический анализ ... , 2023]. Современная социальная ситуация в нашей стране и в мире в целом способствуют росту напряженности психической деятельности человека, предъявляя повышенные требования к психологической устойчивости, выносливости, умению адаптироваться к жизненным обстоятельствам. Иными словами, современная социальная среда обитания является реальным вызовом жизнеспособности человека, поскольку значительным изменениям подвергаются взгляды на саму ценность человеческой жизни. Сегодня особую актуальность приобретает изучение конкретных аспектов феномена жизнеспособности и перспектив ее укрепления. Факторами риска в этой сфере служат негативные диспозиционные качества личности, проблемы со здоровьем, неблагоприятные социально-экономические условия семьи и внешнего окружения, включая общество в целом. Те же самые характеристики, но со знаком «плюс», выступают позитивными факторами поддержки жизнеспособности.

Психологическая наука наших дней, продолжают А.В. Махнач и его коллеги, осознает запрос на анализ феноменологии и

сущности феномена жизнеспособности в его разных аспектах. Одним из таких аспектов являются этнокультурные отличия в уровне жизнеспособности людей разной национальности, в частности, русских и бурят. Поэтому свою задачу исследователи видят в том, чтобы идентифицировать общие и национально- специфичные компоненты жизнеспособности, выявить вероятные факторы рисков и поддержки в этой сфере [Сравнительный эмпирический анализ ... , 2023].

В ходе исследования: а) проанализированы показатели жизнеспособности в выборках русских и бурятских респондентов, с помощью кластерного анализа определена структура переменных, проведено их сопоставление; б) выявлены корреляционные связи между переменными внутри каждого кластера; в) дана сравнительная оценка этих связей и значимости компонентов жизнеспособности, факторов поддержки и риска в каждой выборке. Результаты исследования свидетельствуют о сходстве уровня жизнеспособности (высокие значения у большей части респондентов в обеих выборках), ее базовых характеристик и факторов (собственные силы индивида, поддержка со стороны семьи и социума). В то же время обнаружилось отличия по всем переменным, составляющим факторы защиты: у бурятских студентов показатели оказались выше, чем у русских. Особенно ярко эти отличия проявились в индикаторах контекстуальной жизнеспособности, прежде всего – в оценках значения религиозной веры, в отношении к культуре и традициям своего народа. Также идентифицированы отличия во взаимосвязях переменных: показатель виктимизации у респондентов-бурят положительно связан только с показателем шкалы «Травматические симптомы», а в русской выборке – с показателями депрессии и позитивными детскими переживаниями. Кроме того, в русской выборке отмечаются отрицательные связи данной переменной с индикаторами всех компонентов жизнеспособности, а также с показателем восприятия соседства. В бурятской выборке значимые отрицательные корреляционные связи по этой шкале отсутствуют [Сравнительный эмпирический анализ ... , 2023].

К основным результатам исследования следует отнести следующее: жизнеспособность имеет базовые основы, структуру и факторы, общие для людей разной национальной принадлежности; в ходе эксперимента не были выявлены какие-либо уникальные

национальные особенности жизнеспособности у представителей русской и бурятской молодежи. Вместе с тем этнокультурные особенности образа жизни детерминируют некоторые различия в оценке респондентами разной национальной принадлежности роли компонентов жизнеспособности и ее факторов, а также – в связях между ее показателями и характеристиками [Сравнительный эмпирический анализ ... , 2023, с. 79–80].

Доктор психологических наук, профессор И.Б. Бовина (МГППУ), доктор психологических наук, профессор М.Е. Сачкова (РАНХиГС), кандидат психологических наук Н.В. Дворянчиков (МГППУ), кандидат психологических наук, доцент И.А. Новикова (РУДН), кандидат психологических наук Е.Б. Березина (Университет Санвея, г. Санвей, Малайзия) и кандидат филологических наук, доцент А.Л. Новиков (РУДН) исследуют особенности социальных представлений о COVID-19 в группах студенческой молодежи [Как COVID-19 понимается ... , 2023]. Несмотря на то, что мировое сообщество постоянно сталкивается с природными катаклизмами, которые угрожают не только здоровью, но и жизни человечества, пандемия COVID-19 стала первым опытом подобного рода для большей части населения планеты. Как поясняют авторы, появилось новое заболевание, которое быстро распространилось по странам и континентам, при том, что человечеству было нечего противопоставить этой угрозе. Выработывались символические представления о возникновении болезней, их передаче, о профилактических мерах и лечении. Эти стратегии действий в ситуации распространения инфекционного заболевания выполняют функции защиты физической и символической целостности группы, констатируют И.Б. Бовина и ее соавторы [там же].

В центре внимания этой группы исследователей оказались символические способы защиты, которые выработывались в ответ на угрозу COVID-19. Исследование проводилось на протяжении двух временных этапов, соответствующих двум волнам пандемии COVID-19 в России (первая волна – с 18 июня по 10 июля 2020 г.; четвертая волна – с 14 октября по 7 декабря 2021 г.). В проекте участвовали студенты в возрасте от 17 до 27 лет (242 человека, 12,5% мужчин); основным методом исследования явился опрос в варианте анкеты (методика свободных ассоциаций) в онлайн-формате. Было проведено сравнение структуры и содержания со-

циального представления о COVID-19 в среде студенческой молодежи, что позволило сделать вывод о зарождении социального представления о коронавирусе: зона социального представления о коронавирусе (четвертая волна пандемии) имеет иерархическую организацию элементов. По мнению авторов, можно утверждать, что студенческая молодежь заняла позицию, рационализирующую угрозу и страх, ассоциированный с пандемией COVID-19 [Как COVID-19 понимается ... , 2023, с. 97].

Доктор психологических наук, профессор Е.Н. Волкова (ПИ РАО, МПГУ), кандидат психологических наук Н.А. Руднова (ПИ РАО), доктор исторических наук, профессор А.М. Калимуллин (Казанский (Приволжский) федеральный университет) обращаются к анализу субъективных репрезентаций здоровья у воспитателей дошкольных образовательных учреждений [Волкова, Руднова, Калимуллин, 2023]. Несмотря на то, что здоровье – это концепт, уверенно лидирующий в сфере психологических и социологических исследований, которые сфокусированы на изучении возможностей человека, его способности конструировать собственную жизнь, а также на осмыслении заболеваний, дефицитов, барьеров и ограничений, здоровье как индивидуальная реальность до сих пор не стало предметом специального изучения. При этом не подлежит сомнению, что взгляд на проблему здоровья современного человека как на совокупность объективных характеристик индивида, его соматического статуса и субъективных представлений является важнейшей тенденцией современных социально-психологических концепций здоровья. Актуальность исследования обусловлена тем фактом, что субъективные репрезентации здоровья являются индивидуальным психологическим инструментом благополучия, влияя, таким образом, на объективные достижения в личной, социальной и профессиональной жизни человека. Авторы отмечают, что субъективные репрезентации здоровья воспитателей дошкольных образовательных учреждений выступают не только важным фактором их профессиональной деятельности, но и одной из характеристик образовательной среды детей, опосредованно формируя у них модели отношения к своему здоровью.

В ходе исследования анализу подлежала выраженность субъективных репрезентаций здоровья и их связь со стратификационными переменными и компонентами психологического бла-

гополучия. Выраженность характеристик и тип связи проверялись методами описательной статистики, частотного анализа, анализа различий, кластерного и корреляционного анализа. Общий объем выборки составил 1537 человек (женщины – воспитатели дошкольных образовательных учреждений в возрасте от 21 года до 74 лет, со стажем работы от 1 года до 55 лет, преимущественно со средним или высшим образованием, проживающие на территории РФ). Исследование проводилось в онлайн-форме с помощью адаптированного для русскоязычной выборки опросника PERMA-Profiler, в структуре которого имеется шкала оценки здоровья. Авторы рассматривали субъективные репрезентации здоровья в качестве совокупности: а) когнитивного компонента самооценки здоровья; б) удовлетворенности респондента своим здоровьем; в) социальным сравнением здоровья с другими людьми (с использованием соответствующих шкал опросника) [Волкова, Руднова, Калимуллин, 2023].

Полученные результаты, на наш взгляд, в высшей степени любопытны, поскольку восприятие своего здоровья у воспитателей отличается согласованностью представлений о нем, удовлетворенностью своим физическим состоянием на фоне социальных сравнений со здоровьем других людей. Более того, субъективные репрезентации здоровья воспитателей дошкольных образовательных учреждений характеризуются позитивностью и оптимизмом. Они не зависят от уровня образования респондентов, региона проживания, количества детей, семейного положения, но связаны с возрастом и общим стажем работы и работы в должности воспитателя. Самые высокие показатели выраженности субъективных репрезентаций здоровья были обнаружены у воспитателей пенсионного возраста. Авторы пришли к выводу о том, что при том, что «вовлеченность в педагогическую деятельность способствует позитивным репрезентациям здоровья воспитателей, особенно в пожилом возрасте», при этом «субъективные репрезентации здоровья имеют положительную коннотацию и связаны с психологическим благополучием воспитателей ДОУ» [Волкова, Руднова, Калимуллин, 2023, с. 103].

Отдельного внимания заслуживает статья доктора психологических наук Т.П. Емельяновой (ИП РАН) и кандидата психологических наук Е.Н. Викентьевой (Финансовый университет), кото-

рые обращаются к изучению типов жизненной перспективы людей предпенсионного возраста. Предстоящий выход на пенсию – одно из ключевых жизненных событий. Оно воспринимается как переломное, неизбежное и неоднозначное в личностном плане, как событие, требующее конструирования прогнозов и планов. Предпенсионный период занимает особое место в жизни человека; этот этап жизни переживается как ощущение скорого завершения профессиональной деятельности, снижения социального статуса (пенсия) и уровня финансового благополучия в совокупности с уменьшением диапазона социальных контактов и ожиданием возрастных изменений. Понятие «жизненная перспектива» применяется в разных отраслях психологической науки: возрастная психология (становление жизненной перспективы у подростков, молодежи и лиц старшего возраста), общая и клиническая психология (нарушения психологического здоровья, искажение жизненной перспективы у людей с посттравматическими расстройствами), психология труда, социальная психология (специфика гендерных и профессиональных групп). Дисциплинарная разноплановость применения этой категории обусловила многообразие ее концептуализаций. Под жизненной перспективой понимают и образ будущей жизни, и целостную картину мира, и совокупность обстоятельств и условий жизни, и цепочку жизненных выборов. В данной статье жизненная перспектива рассматривается как совокупность представлений о своем будущем, которая включает: 1) *когнитивный компонент*, или представления о себе, своих предполагаемых ролях, типах активности, внешнем облике, возможностях, окружении; 2) *эмоционально-оценочный компонент*, или переживания надежды, грусти, оптимизма, уныния, воодушевления или смешанных чувств по поводу будущего.

Актуальность исследования обусловлена важностью изучения феномена жизненной перспективы в контексте выхода на пенсию как такого значимого и тревожного события, которое требует ментального освоения. Как поясняют авторы, «изучение типов жизненных перспектив в их связях с ключевыми социально-психологическими особенностями предпенсионеров, финансовой тревожности как предиктора эмоционального компонента жизненной перспективы позволяет выявить сложный комплекс переживаний предстоящего выхода на пенсию, связанных с беспокойством,

тревогой и неуверенностью в будущем» [Емельянова, Викентьева, 2023, с. 116].

В ходе эксперимента Т.П. Емельянова и Е.Н. Викентьева выявили пять типов респондентов (в зависимости от варианта жизненной перспективы после выхода на пенсию), которых можно условно разделить на три группы: 1) позитивно настроенные предпенсионеры (16,3% выборки; представления о будущем на пенсии характеризуются оптимизмом, верой в свои силы, готовностью преодолеть трудности); 2) негативно настроенные индивиды предпенсионного возраста (41,1% выборки; перспектива пенсии сопряжена с ощущением ненужности, отчаянием, неверием в помощь извне, в планах – сокращение расходов, экономия); 3) нейтрально настроенные респонденты (42,6% выборки; из них 26,6% надеются на поддержку государства и родственников, 16% демонстрируют нежелание думать о будущем). Анализ индикаторов жизнестойкости и толерантности к неопределенности выявил связь этих показателей с характеристиками жизненных перспектив. Как оказалось, пониженный уровень жизнестойкости в совокупности с интолерантностью к неопределенности для многих предпенсионеров становится предпосылкой для восприятия жизненной перспективы на пенсии как безнадежной и не зависящей от собственных усилий, и сопровождается высоким уровнем финансовой тревожности.

К основным выводам исследования можно отнести следующие: 1) выделение эмпирических типов респондентов предпенсионного возраста показало, что только небольшая часть из них строит оптимистичные перспективы в отношении жизни на пенсии, некоторые не хотят заглядывать в будущее, около четверти надеются на поддержку государства и родственников; 2) неверие значительной части предпенсионеров в собственные возможности благополучной жизни после выхода на пенсию; негативный или амбивалентный эмоциональный фон, отсутствие конструктивных планов создают почву для снижения уровня психологического здоровья в настоящем и будущем; 3) финансовая тревожность выступает предиктором по отношению к типам жизненных перспектив; в качестве личностной характеристики она имеет тенденцию усиливать либо ослаблять переживания людей в отношении их будущего на пенсии [Емельянова, Викентьева, 2023, с. 128–129].

К сожалению, приходится признать тот факт, что во всем мире существует проблема социального благополучия пожилых людей и, как показывают последние исследования в этой области, данная проблема не зависит от уровня благосостояния граждан той или иной страны. Всемирная организация здравоохранения признает, что пожилые люди сталкиваются с целым рядом проблем – дискриминация по возрасту, наличие заболеваний, отсутствие целостной пенсионной политики, которые усугубляются на фоне преждевременного старения. Доктор психологических наук, профессор кафедры научных основ экстремальной психологии МГППУ Т.Н. Березина анализирует результаты сравнительного анализа эффективности социально-психологических программ «Активное долголетие» и «Антистарение XXI» с точки зрения их влияния на биопсихологический возраст [Березина, 2023]. Концепция активного долголетия (Active ageing; AA) на протяжении последних десятилетий активно развивается в русле демографических, медицинских, социальных исследований; она также используется в качестве инструмента государственной политики, которая направлена на укрепление здоровья, безопасности, социального участия пожилых людей и разработки практик пожизненного образования.

Как подчеркивает Т.Н. Березина, на фоне растущего старения населения развитых стран, а также текущей пенсионной реформы необходимы социальные программы повышения долголетия и оздоровления старших возрастных групп. В исследовании автора, продолжавшемся в течение полугода, оценивались показатели биопсихологического возраста у пенсионеров, участвовавших в социальных программах «Активное долголетие» и «Антистарение XXI», с одной стороны, и контрольной группы – с другой. Участниками естественного эксперимента являлись 345 пенсионеров, прикрепленных к участку одной из московских поликлиник: 272 женщины (55–70 лет) и 73 мужчины (60–70 лет). Эффективность социально-психологических стратегий оздоровления и самосовершенствования в рамках программ «Активное долголетие» и «Антистарение XXI» оценивалась с учетом личностных особенностей участников. Как показало исследование, занятия по программе «Московское долголетие» чаще всего посещают неработающие пенсионеры, заботящиеся о своем здоровье, для которых харак-

терны наивысший показатель биологического возраста и индекс биологического старения выше среднего. Участвовать в апробации программы «Антистарение XXI» чаще вызываются работающие пенсионеры, которые имеют низкие показатели биологического возраста и замедленный индекс старения. От участия в программах отказываются те пенсионеры, для которых характерно рассогласование биологического и психологического возрастов, т.е. те, кто считал себя самым молодым (при том, что их биологический возраст был выше, чем у участников программы «Антистарение XXI», но ниже, чем у пенсионеров из «Московского долголетия»). Полученные данные показали, что при отсутствии поддерживающих тренировок у пенсионеров контрольной группы произошло естественное повышение биологического возраста (за полгода у женщин – на 2,6 года, у мужчин – на 0,2 года). Напротив, участие в программе «Активное долголетие» выявило отсутствие значимого старения, а подбор личностных ресурсов посредством программы «Антистарение XXI» способствовал достоверному снижению биологического возраста (на 0,7 года) и индекса биологического старения (на 1,1 года).

В заключение Т.Н. Березина формулирует следующие выводы: 1) социальные программы оздоровления являются более эффективными для женщин по сравнению с мужчинами; 2) наибольший эффект достигается при сочетании нескольких программ (например в том случае, когда «Антистарение XXI» применяется как инструмент для подбора ресурсов, а занятия проходят в центрах московского долголетия) [Березина, 2023, с. 147–148].

В статье доктора медицинских наук, профессора В.М. Голянич, кандидата психологических наук, доцента А.Ф. Бондарука и кандидата психологических наук, доцента О.В. Ходаковской (все из СПбГИК) рассматриваются ценностно-интенциональные механизмы и стратегии социально-психологической адаптации юношей к условиям военно-образовательной среды [Голянич, Бондарук, Ходаковская, 2023]. Активация таких механизмов происходит в условиях новой адаптивной ситуации, предполагающей возникновение субъективной внутренней напряженности и поиска выхода из состояния дискомфорта. Вне зависимости от адаптационной стратегии, центральным звеном механизмов социально-психологической адаптации выступает личностная система ценностей, ко-

торая формируется в ходе интериоризации человеком ценностей социальных и влияет на его поведение в течение жизни [Голянич, Бондарук, Ходаковская, 2023].

Авторы рассматривают систему ценностей и направленность личности в качестве центрального элемента процесса социально-психологической адаптации, акцентируя роль ценностно-мотивационных факторов в детерминации таких видов социального поведения человека, как креативность, агрессивные действия, проэкологическое поведение, политическая активность. Задача эмпирического проекта В.М. Голянича и его коллег состояла в том, чтобы выявить информативные ценностно-интенциональные механизмы адаптации к условиям военно-образовательной среды. В качестве экспериментальной модели авторы использовали процесс социально-психологической адаптации юношей к условиям обучения на первом курсе высшего военного учебного заведения (ввуз). Параметры ценностно-интенциональной системы курсантов оценивались в динамике: первое исследование проводилось на второй-третий день после поступления в вуз, второе – в конце первого месяца обучения, третье – после окончания первого курса. В эксперименте участвовали 120 юношей, которые в течение года находились в одинаковых социальных условиях образовательной военно-профессиональной среды: режим учебной деятельности и досуга, а также характер профессиональных и межличностных взаимоотношений были схожими. Для изучения системы ценностей личности использовался опросник Ш. Шварца, а для оценки эффективности адаптации респондентов – многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (А.Г. Маклаков, С.В. Чермянин), методики «Нервно-психическая адаптация» (И.Н. Гурвич) и «Самооценка психоэмоционального состояния» СУПОС-8 (О. Микшек, в модификации В.А. Кулганова).

В ходе эксперимента было установлено, что у юношей с высокой и низкой эффективностью адаптации к условиям военно-образовательной среды реализуются, соответственно, группоцентричная и эгоцентричная ценностно-интенциональные стратегии, для которых были характерны свои специфические изменения параметров системы ценностей [Голянич, Бондарук, Ходаковская, 2023]. Анализ полученных данных выявил следующие механизмы реализации эгоцентричной ценностно-интенциональной адаптив-

ной стратегии у респондентов с низкой ее эффективностью: а) повышение роли эгоцентричных мотивов в ущерб группоцентричным; б) переструктурирование ценностной иерархии с тенденцией к усилению интенций к чувственным удовольствиям, независимости и социальному доминированию; формирование ценностной оппозиции «безопасность–самостоятельность» при равнозначности конкурирующих мотивов; в) рассогласование ценностно-нормативного и мотивационно-поведенческого уровней ценностной репрезентации. Что же касается группоцентричной ценностно-интенциональной стратегии у респондентов с высокой ее эффективностью, то ее основными механизмами являются: а) сохранение устойчивой иерархии ценностей с доминированием на всех этапах адаптации установок на безопасно-доброжелательные и конформные взаимоотношения в социальной группе; б) восстановление к окончанию процесса адаптации согласованности между ценностно-нормативными и мотивационно-поведенческими уровнями ценностной репрезентации; в) формирование динамически устойчивой ценностной оппозиции «достижения / доброта» при равновеликости вовлеченных в нее мотивов [Голянич, Бондарук, Ходаковская, 2023, с. 170].

Статья кандидата психологических наук, доцента А.А. Гудзовской (Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева, ГБ НОУ «Академия для одаренных детей (Наяновой)»), магистра Е.И. Добрыниной и кандидата психологических наук, доцента М.С. Мышкиной (обе из Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королева) посвящена социально-психологическому анализу такого актуального в наши дни феномена, как креативность [Гудзовская, Добрынина, Мышкина, 2023]. Напомним, что под креативностью обычно понимается способность создавать новые и оригинальные идеи; она является одним из самых востребованных качеств современного человека. Авторы статьи ставят цель – проанализировать влияние типа социальной идентичности на проявление изобразительной креативности в экспериментальной ситуации фрустрации. Они исходят из того, что социальная идентичность, являясь неотъемлемой характеристикой отношения человека к себе как к представителю разных общно-

стей, выступает контекстом продуктивности его деятельности, включая креативность.

Задача исследования состояла в определении социальных факторов, актуализирующих / тормозящих креативную продуктивность. В эксперименте участвовали 74 человека в возрасте 18–20 лет, распределенные случайным образом на три группы – две экспериментальные и одну контрольную. Независимой переменной являлось прайминговое экспериментальное воздействие: в экспериментальной группе I – фрустрирующее, в экспериментальной группе II – нейтрально-положительное; в контрольной группе воздействие независимой переменной отсутствовало. В качестве зависимой переменной выступали такие показатели креативности, как гибкость, разработанность и оригинальность. Тип социальной идентичности рассматривался как дополнительная контекстная переменная. В ходе эксперимента было установлено, что «у лиц с множественной социальной идентичностью и эгоцентрической социальной идентичностью показатели креативности выше по сравнению с креативностью лиц с диффузной социальной идентичностью. В ситуации фрустрации креативность более стабильно функционирует у лиц с множественной социальной идентичностью, которые осознают свою одновременную включенность в разные социальные общности». Таким образом, можно сделать вывод о том, что «социальная идентичность является контекстным фактором реализации креативных способностей» [Гудзовская, Добрынина, Мышкина, 2023, с. 193–194]. Множественная социальная идентичность способствует оригинальности идей и разработанности деталей, сохранению их стабильности в ситуации фрустрации; диффузная социальная идентичность оказывает сдерживающее влияние на гибкость, оригинальность и разработанность, резюмируют итоги своей работы авторы.

В заключение отметим, что в тематическом номере журнала «Социальная психология и общество», посвященном проблемам социальной психологии здоровья, феномен психологического здоровья рассматривается как одно из приоритетных направлений современной социальной психологии. Авторы статей, вошедших в номер, единодушны в том, что в современном российском обществе только формируется понимание важности психологического и социального здоровья населения как необходимого условия соци-

ального благополучия. Учитывая сказанное, можно утверждать, что данная тематическая подборка – это весомый вклад в развитие темы психического и социального здоровья отдельного человека и населения России в целом.

Список литературы

Антонова Н.А., Ерицян К.Ю. Этнокультурные факторы востребованности альтернативных практик в сфере физического и психического здоровья // Социальная психология и общество. – 2023. – Т. 14, № 2. – С. 49–65. – DOI: 10.17759/sps.2023140204

Березина Т.Н. Социально-психологические программы: «Активное долголетие» и «Антистарение XXI» – оценка эффективности по показателям биопсихологического возраста // Социальная психология и общество. – 2023. – Т. 14, № 2. – С. 134–151. – DOI: 10.17759/sps.2023140209

Волкова Е.Н., Руднова Н.А., Калимуллин А.М. Субъективные репрезентации здоровья воспитателей дошкольных образовательных учреждений // Социальная психология и общество. – 2023. – Т. 14, № 2. – С. 103–115. – DOI: 10.17759/sps.2023140207

Голянич В.М., Бондарук А.Ф., Ходаковская О.В. Ценностно-интенциональные механизмы и стратегии социально-психологической адаптации юношей к условиям военно-образовательной среды // Социальная психология и общество. – 2023. – Т. 14, № 2. – С. 169–192. – DOI: 10.17759/sps.2023140211

Гудзовская А.А., Добрынина Е.И., Мышкина М.С. Социальная идентичность как контекст креативности в ситуации фрустрации // Социальная психология и общество. – 2023. – Т. 14, № 2. – С. 193–210. – DOI: 10.17759/sps.2023140212

Емельянова Т.П., Викентьева Е.Н. Переживание будущего: жизненные перспективы людей предпенсионного возраста // Социальная психология и общество. – 2023. – Т. 14, № 2. – С. 116–133. – DOI: 10.17759/sps.2023140208

Как COVID-19 понимается в среде студенческой молодежи: поисковое исследование / Бовина И.Б., Сачкова М.Е., Дворянчиков Н.В., Новикова И.А., Березина Е.Б., Новиков А.Л. // Социальная психология и общество. – 2023. – Т. 14, № 2. – С. 85–102. – DOI: 10.17759/sps.2023140206

Одиночество и социальная поддержка как характеристики социального здоровья и факторы зависимости от социальных сетей у подростков / Корниенко Д.С., Руднова Н.А., Гордеева Т.О., Сычев О.А., Егоров В.А., Веракса А.Н. // Социальная психология и общество. – 2023. – Т. 14, № 2. – С. 28–48. – DOI: 10.17759/sps.2023140203

Сравнительный эмпирический анализ жизнеспособности русской и бурятской молодежи / Махнач А.В., Сараева Н.М., Дагбаева С.Б., Лактионова А.И., Постылякова Ю.В., Суханов А.А. // Социальная психология и общество. – 2023. – Т. 14, № 2. – С. 66–84. – DOI: 10.17759/sps.2023140205

Цветкова Л.А. Социальная психология здоровья // Социальная психология и общество. – 2023. – Т. 14, № 2. – С. 5–8. – DOI: 10.17759/sps. 2023140201

Черного Д.И., Васильева М.Ю., Мухамедрахимов Р.Ж. Влияние раннего опыта институционализации на развитие ребенка: биологические показатели, физиологические механизмы, поведенческие характеристики // Социальная психология и общество. – 2023. – Т. 14, № 2. – С. 9–27. – DOI: 10.17759/sps. 2023140202

References

Antonova N.A., Eritsyana K.Yu. E'tnokul'turnye faktory vstrebovannosti al'ternativnykh praktik v sfere fizicheskogo i psicheskogo zdorov'ya [Ethno-cultural factors of demand for alternative practices in the field of physical and mental health]. *Sotsial'naya psihologiya i obshchestvo* [Social psychology and society]. – 2023. – Vol. 14, N 2. – P. 49–65. – DOI: 10.17759/sps. 2023140204 (In Russian)

Berezina T.N. Social'no-psihologicheskie programmy: «Aktivnoe dolgoletie» i «Antistarenie XXI» – ocenka yeffektivnosti po pokazatelyam biopsihologicheskogo vozrasta [Socio-psychological programs: “active longevity” and “anti-aging XXI” – evaluation of effectiveness in terms of biopsychological age]. *Sotsial'naya psihologiya i obshchestvo* [Social psychology and society]. – 2023. – Vol. 14, N 2. – P. 134–151. – DOI: 10.17759/sps. 2023140209 (In Russian)

Chernogo D.I., Vasilyeva M.J., Muhamedrahimov R.J. Vliyanie rannego opyta institucionalizatsii na razvitie rebenka: biologicheskie pokazateli, fiziologicheskie mehanizmy, povedencheskie harakteristiki [The impact of early institutionalization experience on child development: biological indicators, physiological mechanisms, behavioral characteristics]. *Sotsial'naya psihologiya i obshchestvo* [Social psychology and society]. – 2023. – Vol. 14, N 2. – P. 9–27. – DOI: 10.17759/sps. 2023140202 (In Russian)

Emelyanova T.P., Vikent'eva E.N. Perezhivanie budushhego: zhiznennye perspektivy lyudej predpensionnogo vozrasta [Experiencing the future: life prospects for pre-retirement age people]. *Sotsial'naya psihologiya i obshchestvo* [Social psychology and society]. – 2023. – Vol. 14, N 2. – P. 116–133. – DOI: 10.17759/sps. 2023140208 (In Russian)

Golyanich V.M., Bondaruk A.F., Khodakovskaia O.V. Cennostno-intencional'nye mehanizmy i strategii social'no-psihologicheskoy adaptatsii yunoshej k usloviyam voenno-obrazovatel'noj sredy [Value-intentional mechanisms of socio-psychological adaptation to the conditions of the military educational environment in adolescence]. *Sotsial'naya psihologiya i obshchestvo* [Social psychology and society]. – 2023. – Vol. 14, N 2. – P. 169–192. – DOI: 10.17759/sps. 2023140211 (In Russian)

Gudzovskaya A.A., Dobrynina E.I., Myshkina M.S. Social'naya identichnost' kak kontekst kreativnosti v situatsii frustratsii [Social identity as a context of creativity in situation of frustration]. *Sotsial'naya psihologiya i obshchestvo* [Social psychology and society]. – 2023. – Vol. 14, N 2. – P. 193–210. – DOI: 10.17759/sps. 2023140212 (In Russian)

Kak COVID-19 ponimaetsya v srede studencheskoj molodezhi: poiskovoe issledovanie [COVID-19 seen by students: an exploratory study] / Bovina I.B., Sachkova M.E., Dvoryanchikov N.V., Novikova I.A., Berezina E.B., Novikov A.L. *Sotsial'naya psihologiya i obshchestvo* [Social psychology and society]. – 2023. – Vol. 14, N 2. – P. 85–102. – DOI: 10.17759/sps.2023140206 (In Russian)

Odinochestvo i social'naya podderzhka kak harakteristiki social'nogo zdorov'ya i faktory zavisimosti ot social'nyh setej u podrostkov [Loneliness and social support as characteristics of social health and factors of social media addiction among adolescents] / Kornienko D.S., Rudnova N.A., Gordeeva T.O., Sychev O.A., Egorov V.A., Veraksa A.N. *Sotsial'naya psihologiya i obshchestvo* [Social psychology and society]. – 2023. – Vol. 14, N 2. – P. 28–48. – DOI: 10.17759/sps.2023140203 (In Russian)

Sravnitel'nyj yempiricheskij analiz zhiznesposobnosti russkoj i burjatskoj molodezhi [Comparative empirical analysis of the russian and buryat youth resilience] / Makhnach A.V., Saraeva N.M., Dagbayeva S.B., Laktionova A.I., Postylyakova Yu.V., Sukhanov A.A. *Sotsial'naya psihologiya i obshchestvo* [Social psychology and society]. – 2023. – Vol. 14, N 2. – P. 66–84. – DOI: 10.17759/sps.2023140205 (In Russian)

Tsvetkova L.A. Social'naya psihologiya zdorov'ya [Social psychology of health]. *Sotsial'naya psihologiya i obshchestvo* [Social psychology and society]. – 2023. – Vol. 14, N 2. – P. 5–8. – DOI: 10.17759/sps.2023140201 (In Russian)

Volkova E.N., Rudnova N.A., Kalimullin A.M. Sub'ektivnye reprezentcii zdorov'ya vospitatelej doshkol'nyh obrazovatel'nyh uchrezhdenij [Subjective representations of the health of preschool teachers]. *Sotsial'naya psihologiya i obshchestvo* [Social psychology and society]. – 2023. – Vol. 14, N 2. – P. 103–115. – DOI: 10.17759/sps.2023140207 (In Russian)

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА

УДК 316.25

DOI: 10.31249/rsoc/2024.01.07

ДАВЫДЕНКО В.А.*, АНДРИАНОВА Е.В.** , ЧЕРНЕНКО А.С.***
КУДА СТРЕМЯТСЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ СОЦИОЛОГИЯ,
АНТРОПОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХИАТРИЯ: КРИТИ-
ЧЕСКИЙ АНАЛИЗ. (ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНОГО ХЭНДБУКА
ROUTLEDGE ПО ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ГУМАНИТАРНОЙ
НАУКЕ. ЧАСТЬ 1)

Аннотация. В обзоре представлена фундаментальная тема-тика и ключевые идеи Международного хэндбука Routledge по экзистенциальной гуманитарной науке (The Routledge international handbook of existential human science), предложенные для широкой аудитории исследователей-гуманитариев. В обзоре уделяется особое внимание становлению и развитию экзистенциальной гуманитарной науки в мире как в целом, так и по отдельным ее субдисциплинам. Выделяются как сильные, так и сравнительно слабые стороны ее формирования, анализируются возможные будущие

* © Давыденко В.А., Андрианова Е.В., Черненко А.С., статья, 2024.

Давыденко Владимир Александрович – доктор социологических наук, профессор, начальник научно-исследовательского центра Тюменского государственного университета; v.a.davydenko@utmn.ru

** Андрианова Елена Владимировна – кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей и экономической социологии Тюменского государственного университета, старший научный сотрудник Западно-Сибирского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; e.v.andrianova@utmn.ru

*** Черненко Анжелика Сергеевна – магистрант Тюменского государственного университета, менеджер научно-исследовательского центра Тюменского государственного университета; a.s.chernenko@utmn.ru

направления развития новой экзистенциальной гуманитарной науки как в ближайшем, так и в отдаленном будущем. В первой части данного обзора основной акцент делается на зарождении, эволюции и концептуальном развертывании различных форматов экзистенциальной социологии.

Ключевые слова: экзистенциальная гуманитарная наука; международный справочник Routledge; зарождение, эволюция и концептуальное развертывание экзистенциальной социологии.

Для цитирования: Давыденко В.А., Андрианова Е.В., Черненко А.С. Куда стремятся экзистенциальные социология, антропология, психология и психиатрия: критический анализ. (Обзор Международного хэндбука Routledge по экзистенциальной гуманитарной науке. Часть 1) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2024. – № 1. – С. 119–145. – DOI: 10.31249/rsoc/2024.01.07

Статья поступила: 13.10.2023.

Принята к публикации: 02.11.2023.

DAVYDENKO V.A. ****, ANDRIANOVA E.V. ****, CHERNENKO A.S. *****
Where existential sociology, anthropology, psychology and psychiatry strive: a critical analysis (Review of “The Routledge international handbook of existential human science”. Part 1)

Abstract. The review presents the fundamental themes and key ideas of The Routledge international handbook of existential human science, proposed for a wide audience of humanities researchers. This review pays special attention to the formation and development of existential humanities in the world both in general and in its individual subdisciplines. Both strong and relatively weak sides of its formation

**** Davydenko Vladimir Aleksandrovich – Doctor of Sociology, Professor, Head of the Research Center of Tyumen State University; v.a.davydenko@utmn.ru

***** Andrianova Elena Vladimirovna – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of General and Economic Sociology of Tyumen State University, Senior Researcher at the West Siberian Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences; e.v.andrianova@utmn.ru

***** Chernenko Anzhelika Sergeevna – Master's student of the Department of General and Economic Sociology of Tyumen State University, Manager of the Research Center of Tyumen State University; a.s.chernenko@utmn.ru

are highlighted, and possible future directions of the development of new existential humanities are analyzed in the near as well as more distant future. In the first part of this review, the main focus is on the origin, evolution and conceptual deployment of various formats of existential sociology.

Keywords: existential humanities; Routledge international handbook; origin, evolution and conceptual deployment of existential sociology.

For citation: Davydenko V.A., Andrianova E.V., Chernenko A.S. Where existential sociology, anthropology, psychology and psychiatry strive: a critical analysis (Review of the Routledge international handbook of existential human science. Part 1). *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya* [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2024. – N 1. – P. 119–145. DOI: 10.31249/rsoc/2024.01.07

Received: 13.10.2023.

Accepted: 02.11.2023.

Введение

В настоящее время практически во всех гуманитарных науках наблюдается новый знаменательный момент – поворот к «новому экзистенциализму». Эта тенденция обнаруживается в философии [Гагарин, 2015] и экономике [Быстров, Дудник, 2018], в частности, когда «концептуализация категории человеческого капитала» [Ильин, 2023, с. 40] опирается на логики неомарксизма и экзистенциализма, ориентируясь «на использование возможностей мягких методов»; при этом «категория человеческого капитала активно проникает из экономических наук в социологию» [там же]. «Экзистенциальные мотивы» ищутся и находятся в экономике и в философии Карла Маркса [Кондрашов, 2019]; психологи, по-прежнему стремясь «воссоединиться» с философией, используют экзистенциальную философию и предлагают свои варианты «концептуализации бытийных контекстов» [Гришина, 2018], внедряют в практику новые форматы «экспликации жизненных проектов» [Плющ, 2023], внедряют новые методы экзистенциального анализа, например с точки зрения «культуры достоинства» [Кривцова,

2021]. Выдающийся современный российский психолог Д.А. Леонтьев развивает «теорию экзистенциального измерения жизни» [Леонтьев, 2016], разрабатывая свои тесты с коллегами по экзистенциальной психологии [Леонтьев, Нестик, 2017 ; Психология выбора, 2019]. В примерно подобном ключе работают психологи С.В. Кривцова, А. Лэнгле и К. Орглер, которые создали тест «экзистенция (Existenzskala)» и апробировали его на русскоязычной аудитории [Кривцова, Лэнгле, Орглер, 2009]. Альфريد Лэнгле коммерчески успешно внедряет в современные практики собственный «современный экзистенциальный анализ» [Лэнгле, Уколова, Шумский, 2023], в котором интересны как его операционализации понятийно-категориального аппарата, так и контекстуализации собранной им эмпирики на основе анализа тестовых экспериментов. Экзистенциальные интерпретации популярны также в антропологии [Султанова, 2012 ; Jackson, 2013], этнографии [Адлер, Адлер, 2019], гуманитарной науке в целом – о чем сообщают статьи лучших специалистов мира в этой области в Международном справочнике (хэндбуке) Routledge по экзистенциальной гуманитарной науке под редакцией Х. Уордла, Н. Раппорта, А. Пиетта [The Routledge international handbook ... , 2023].

Цель данного обзора – представить тематику, ключевые идеи и концепции этого хэндбука для широкой аудитории исследователей-гуманитариев. В нескольких частях обзора основной акцент последовательно делается: на зарождении, эволюции и концептуальном развертывании различных форматов экзистенциальной социологии; на анализе компонентов экзистенциальной психологии, экзистенциальной антропологии и экзистенциальной этнографии; на проблемных полях экзистенциальной психиатрии и психотерапии, экзистенциальной этики (этика экзистенциальной заботы) и других экзистенциальных нарративов.

Результаты исследования

Как указывают в своем введении редакторы анализируемого хэндбука Хьюон Уордл, Альберт Пиетт и Найджел Раппорт, задача, которую они видели перед собой при составлении руководства по экзистенциальной науке о человеке, состояла в том, чтобы наметить и свести воедино вопросы, кейсы, идеи и концепции, кото-

рые необходимо обсудить, если мы хотим, чтобы в науках о человеке более полно и отчетливо проявилась экзистенциальная форма исследования. Редакторы при этом скромно заявили, что отредактированная ими работа носит в целом характер скорее «первоначального взгляда» (*initial view*) на все еще периферийные теоретические рамки.

Безусловно, экзистенциализм – это хорошо известное и исторически очерченное интеллектуальное движение, которое включает в себя узнаваемую группу деятелей середины XX в., включая Хайдеггера, Сартра, Левинаса, Де Бовуар, Фанона, Мерло-Понти, опирающихся, в свою очередь, на их предшественников XIX в., таких как Кьеркегор, Эмерсон и Ницше. Несомненно, что все это лишь «пробные камни» для размышлений о том, в чем именно состоит собственно экзистенциальное исследование. Вместе с тем то, что редакторы подразумевают под экзистенциальной наукой о человеке, включает в себя нечто большее, чем просто практическую реализацию сегодня ключевых идей экзистенциалистов середины XX в. Ими предпринимаются попытки отследить динамику экзистенциальной науки и решить актуальные задачи экзистенциального исследования во всем многообразии целей и результатов. В то же время редакторы всегда возвращают читателей к более узкой тематической основе, потому что экзистенциальный взгляд для самой редакции текстов предполагает особый тип интеллектуальных забот. Фокус внимания предполагает ответы на главный вопрос: как понять несводимую к чему-либо «живую дышащую человеческую особь» (*living breathing human individual*), нередуцируемого человеческого индивида, являющегося одновременно субъектом и объектом в своем собственном жизненном мире, чья жизнь «неизменна» по сравнению с жизнями других людей? Представленная авторами хэндбука общая концепция «невзаимозаменяемости» (*non-interchangeability*) предлагает полезную начальную основу для понимания целей и методов, содержащихся в нем. В терминологии невзаимозаменяемости своего собственного жизненного мира эта идея сама по себе выступает как вызов многим социально-научным подходам, если бы они анализировали человеческий опыт как нормативно или структурно взаимозаменяемый, тем самым рассматривая индивидуальные жизни сами по себе как некий «остаток, не имеющий внутренней значимости» (*residue of*

no intrinsic significance). С этой точки зрения мы видим, как уникальность и полнота человеческого опыта теряются для человеческого исследования, когда они разлагаются на социальные факты или психологические черты, структурные роли или культурные идентичности, которые реорганизируются, чтобы иметь аналитическую ценность на безличном или объективно более высоком уровне объяснения, социальном, психологическом, семиотическом или ином [The Routledge international handbook ... , 2023, p. 1–2].

В таком негативном смысле экзистенциальное исследование начинается с подтверждения той истины о жизни, которую переживает любой реально существующий человек – о том, что какую бы форму субъективности каждая индивидуальная жизнь ни принимала в своих культурных дискурсах, социальных сетях или в рассматриваемых извне случаях, она остается отдельной, самодостаточной, уникальной и конечной. Разумеется, любые человеческие жизни «социальны», но индивидуальная жизнь никогда полностью не поглощается более широкими структурами и поведенческими нормами, возникающими в результате тех действий, которые гуманитарные ученые часто рассматривают как детерминанты, обуславливающие «субъективность». Таким образом, ни одно человеческое существо никогда не является просто совокупностью реляционных черт, скорее, оно представляет собой жизненный мир (*lifeworld*) и целое для самого себя (*whole to themselves*). Какие бы закономерности ни проявлялись на культурном, социально-психологическом, социально-экономическом или социально-структурном уровнях, невзаимозаменяемость человеческих жизней остается необратимым фактом человеческого существования, а также той эпистемологической и методологической предпосылками, которые нужны для обоснования всех экзистенциальных исследований. Любая гуманитарная наука, методология которой игнорирует способность человека интерпретировать личную жизненную ситуацию и действовать в соответствии с собственной интерпретацией, неизбежно приведет к бессмысленным результатам. Как утверждают редакторы анализируемого хэндбука, экзистенциальное исследование направлено именно на то, чтобы собрать сильные аргументы против господства объективизма в социальных, экономических или психологических науках и предоставить ему аналитические, субъективистские и этические альтернативы. Экзистенциаль-

листы оспаривают элиминативистские (eliminativist) методологии – позитивистские, конструкционистские или постструктуралистские. Они без каких-либо процедур опосредствования сводят субъективность и самость к внешнему поведению, ролевым играм, отношениям, статусам, идентичностям, биополитическим, биомедицинским и экономическим позициям или неврологическим состояниям, которые человек считает значимыми. Вместо того чтобы использовать такие дефиниции, как нация, общество, класс, капитал, дискурс, рациональный выбор или психологический тип в качестве объективных дескрипторов, экзистенциальное исследование принимает в качестве своего предмета «любого» или «кого угодно» (*anyone*), т.е. такого, кто или чей-либо опыт и знания имеют для него значение. Все значимые детальные знания являются личными, негласными, неявными, подразумеваемыми для единого интегрированного целого, каковым является человек (*human being*). Равным образом любые знания, субъективные состояния и ситуации интегрируются, как правило, случайно и невозпроизводимо в «моменты смыслообразования» – в ситуации создания смысла или значения (*meaning-creation*), поэтому их нельзя сводить к внешним системам знаков и ценностей.

Экзистенциальное исследование хочет показать именно то, как сингулярность, отделенность, конечность и целостность человеческого существа, взятые вместе, составляют уникальную сущностную силу. Власть можно рассматривать экзистенциально в качестве неотъемлемого атрибута индивидов как агентивных существ: существ, которые посредством своей постоянной деятельности в мире создают и воссоздают значимую внешнюю среду, в которой они живут. Пребывающее внутри индивидов и приписываемое их отношениям и общностям, которым они выражают свою преданность, понятие экзистенциальной власти включает в себя силу, волю, энергию, одним словом, свободу действий, посредством которой индивиды производят эффекты в своих жизненных мирах, т.е. фактически воздействуют на эти миры. Такая экзистенциальная сила является одновременно чем-то метаболическим, физиологическим и даже интеллектуальным, относящимся к способности ощущать, обретать и придавать смысл. Люди в равной степени являются социальными существами, которые постоянно генерируют смыслы и отношения в обществе друг для друга –

эмоциональные и значимые топологии, которые могут достигать высот необычайной сложности и могут, кажется, жить своей собственной жизнью.

Как работает экзистенциальное исследование, находясь на онтологическом и методологическом уровнях между фокусировкой на этой обособленности, субъективной силе и целостности индивидуальной человеческой жизни? В хэндбуке приведены разные ответы, включая точки зрения, которые критически относятся к любой экзистенциалистской интерпретации «в лоб». Вопрос скорее в том, как описать сцены, в которых люди взаимодействуют, посредством которых они встраиваются в социальную сферу, при этом не растворяя человеческую индивидуальность, даже в тех случаях, когда «растворение» индивидуальности в общественной роли является именно целью (например в случае с солдатом, членом этнического или религиозного меньшинства, которые предпочитают «стратегически» определять себя в соответствии с габитусом своего сообщества). Каждый индивид возникает из того же единства бытия, что и любой другой, – из своей «воплощенной человечности», и как таковой уже неразрывно связан с любым другим существом. Но изо всех сил стремясь донести наш индивидуальный здравый смысл друг до друга с помощью языка и жестов, мы пытаемся воспроизвести эту нашу первичную онтическую связь (*ontic connection*) парадоксальным образом, используя те символы, которые подтверждают нашу внешнюю принадлежность, непостоянную связь и разрывность (*non-continuity*) друг с другом [The Routledge international handbook ... , 2023, p. 3]. Таковы предпосылки или исходные тезисы анализируемого нами хэндбука по экзистенциальной науке о человеке.

Структура анализируемой книги следующая. В ней четыре подраздела: «Экзистенциальная перспектива в различных дисциплинах»; «Внутреннее пространство, самость и целостность: индивидуальность в отношении социального»; «Интерсубъективность: забота о другом и вера в него», «Сингулярность и непрерывность», включающие 28 глав (учитывая общее введение и введения к каждому разделу): Экзистенциальная социология (И. Котарба и А. Мельников); Экзистенциальная психология (Д. Салливан, А. Гоуд и Х.Дж. Шмитт:); Антропология как экзистенциальное исследование (Х. Уордл); Экзистенциальная психиатрия и психотерапия

(Х. Спэндлер и Ф. Томас); Экзистенциальность и семиотика – совместимы ли они? (Э. Тараста); Оспариваемое наследие: Кант и экзистенциализм (П. Мучник и Л. Пастернак); Некоммуникабельная коммуникабельность (Р. Стэйд); Внутренний диалог: внутреннее пространство и индивидуальность (Н. Раппорт); Относительные, но также и единичное-сингулярное: о разновидностях и особенностях автоописаний (*selfscapes*) (Д. Холлан); Баллада (или fuga) Уильяма Каллума: дисциплинирование тела заключенного (У. Каллум и Э. Ирвинг); Бытие водителя автомобиля: иное направление автоонтологического поворота (Э. Доусон); Экзистенциализм и социальный танец танго: антропология происходящих событий (Дж. Скиннер); Этика экзистенциальной заботы (Р. Дайринг); Вера и экзистенциальное (Д. Премавардхана); Существование против бытия (Ж.-М. Саланскис); Индивидуальные жизни и экзистенциальные нарративы (С. Полетти); Экзистенциальная конечность в индийской буддийской философии (Р. Патель); Исследование взаимосвязи между языком и эмпатией: некоторые неожиданные связи (С. Мэтьюз и Д. Осборн); Утрата сингулярного существования и личный опыт: проблема взаимозаменяемости в социальных науках (М. Кнейбюлер); Сартровский экзистенциализм и экзистенциальное искусство (К. Богранд); Волномология (*volumology*) как экзистенциальная антропология (А. Пиетт); Эмпирический подход к изучению человеческого существования (Я.П. Хейсс); Съемка фильма и описание (Г. Тортерат). Одно только оглавление показывает широкий диапазон научных подходов в представленной книге. Для вдумчивых читателей становятся понятными исследовательские амбиции редакторов и авторов справочника.

Попытаемся в нашем анализе следовать предложенной в книге структуре. Во введении к первому подразделу «Экзистенциальная перспектива в разных дисциплинах» его автор Хьюон Уордл справедливо заявил, что разделяемый им методологический подход по описанию экзистенциализма – это анализ направления во всех гуманитарных науках, от философии, психологии, антропологии и географии – через семиотику и историю науки – до психиатрической практики. Там, где экзистенциальная перспектива выходит на первый план, в ее разнообразных дисциплинарных рамках она создает картину человека, который является создате-

лем осмысленного мира (хотя никогда не бывает мира, свободного от противоречий).

Экзистенциальное исследование основывается на эмпатическом, типично феноменологическом описании и анализе «людей-в-их-ситуации». Опыт современной жизни, где технологические и геополитические изменения сталкиваются с противоречивыми представлениями о субъективности, свободе воли и человеческом потенциале, неизбежно вызывает новые виды экзистенциальной обеспокоенности. Какую ответственность может или должен взять на себя индивид за свои личные знания, действия и смыслы, которые они создают? Пересмотренный подход к парадигме экзистенциальных исследований, робкий в одних дисциплинах, но настойчивый в других, говорит о необходимости восстановить ключевую позицию личности в центре гуманитарных наук и вести более открытый диалог между различными гуманитарными дисциплинами. Экзистенциализм – это одна из философских парадигм, наиболее подходящих в качестве основы для психологии, однако сразу же возникают вопросы относительно того, можно ли, вообще, как-то примирить экзистенциальную точку зрения с эмпирической эпистемологией или нормативной практикой? Отвечая на него, Х. Уордл мудро замечает, что данная проблема решается аналогичным способом, когда социальная психология сталкивается с вопросом о том, каковы потери при попытке свести научно индивидуальный опыт к среднему статистическому значению. И хотя экзистенциальными подходами по-прежнему пренебрегают в эмпирических исследованиях позитивистской направленности, есть свидетельства того, что «экзистенциальная чувствительность» (*existential sensibility*) имеет ценность в социогуманитарных науках.

В очень важной для социологов главе Иосифа Котарба и Андрея Мельникова «Экзистенциальная социология» [Kotarba, Melnikov, 2023] в хэндбуке предложен отличный материал, который продвигает нас в понимании ключевых компонентов, категориально-понятийного аппарата и главных дефиниций развиваемого ими подхода. Следует согласиться с точкой зрения авторов о том, что само возникновение экзистенциальной социологии было связано как с философским, так и с социологическим контекстами. Сегодня наблюдается определенный ренессанс классических произведений философии экзистенциализма. Хотя эти работы часто и

наивно считались выражением бунтарства, радикального субъективизма и иррационализма, которые отвергают абстрактный научный метод, обезличенную формальную логику и социальную среду как условия подлинного существования, – однако, как показывает детальный ретроспективный анализ, такие стереотипы представляются существенными преувеличениями, поскольку многие экзистенциалистские идеи не только актуальны для социальных наук, но и демонстрируют явное социологическое содержание. Николай Бердяев, Мартин Бубер, Жан-Поль Сартр, Морис Мерло-Понти и Никола Аббаньяно обоснованно считаются предшественниками (или даже основателями) экзистенциальной социологии как академической дисциплины. Так, Жан-Поль Сартр, сформулировавший центральную максиму экзистенциализма о том, что «существование предшествует сущности», разработал оригинальную теорию общества и типологию социальных групп. Мориса Мерло-Понти характеризуют как «экзистенциалиста социального мира», и он опубликовал несколько работ, рассматривающих социологические проблемы. Никола Аббаньяно внес значительный вклад в становление социологической науки в Италии, объединив европейские теоретические традиции с достижениями американской эмпирической социологии, конструктивно развив перспективу «методологического эмпиризма», или «критического экзистенциализма». Точно так же история социологической мысли не является исключительно историей позитивизма или социологизма и созвучна многим экзистенциалистским темам. Позитивизм часто определяют как образцовый объективистский и количественный подход, при этом его основатель Огюст Конт на позднем этапе своего интеллектуального пути занимал субъективистскую позицию и отмечал центральную роль наблюдения, которое является ключевым исследовательским методом современной качественной социологии.

Теория социального действия Макса Вебера явно перекликается с экзистенциализмом, а исследования его брата Альфреда Вебера о размещении производства представляют собой сильную версию экзистенциальной социологии культуры, о которой говорил позже Джеффри Александер. Подобные темы встречаются в теории нелогического действия Вильфредо Парето, в социологии – Георга Зиммеля, в работах Чикагской и Франкфуртской социологических школ. Взгляды Карла Мангейма нужно охарактеризовать

как экзистенциальную социологию знания, и он был одним из первых авторов, пытавшихся заменить классическую категорию общества термином «социальное существование». К точкам пересечения с философией существования относятся теория социокультурной динамики Питирима Сорокина и многие выдающиеся исследования Толкотта Парсонса, в частности его волюнтаристская теория действия и поздняя парадигма человеческого состояния. Критика экзистенциалистами дегуманизирующего воздействия массового общества, чрезмерного рационализма и научной объективации внесла свой вклад в последующее развитие интерпретативной и качественной социологической методологии. Даже предполагаемая «антисоциальная» позиция экзистенциализма не обязательно означает, что он «антисоциологичен» сам по себе; наоборот, он скорее выражает потребность в гуманистическом взгляде на общество как на социальное существование или комплекс «экзистенциальных коммуникаций» (К. Ясперс). Недавняя критика классической социологии, нашедшая отражение в появлении альтернативных подходов (символического интеракционизма, феноменологии, социального конструкционизма, этнометодологии, драматургии и обоснованной теории), по-прежнему не соответствует относительно сбалансированным аргументам экзистенциальной социологии в пользу интеграции объективизма и субъективизма. Одна из первых попыток систематического синтеза микро- и макроперспективы в социологии была предпринята американским теоретиком Эдвардом Тириакьяном (Тирикьяном), учеником Питирима Сорокина и Толкотта Парсонса.

Теоретик социологии Эдвард Тириакьян в 1962 г. опубликовал свою знаменитую книгу «Социологизм и экзистенциализм», в которой представил свой собственный проект новой социологической дисциплины под названием «экзистенциальная социология» [Tiryakian, 1962]. Книга содержала сравнительное исследование и теоретическую интеграцию социологических взглядов Эмиля Дюркгейма и различных экзистенциальных мыслителей. Тириакьян утверждал, что, несмотря на видимость конфронтации, социологизм и экзистенциализм разделяют общую озабоченность кризисом личности и общества и действительно могут рассматриваться как взаимодополняющие точки зрения. Экзистенциальная социология могла бы и должна сосредоточиться на изучении макропро-

явлений различных онтологических черт, описанных экзистенциалистами – аутентичности, выбора, ответственности, становления, открытости, заботы, тревоги, пограничных ситуаций, двусмысленности, интерсубъективности. Таким образом, аутентичность и неаутентичность среди индивидов можно рассматривать как аналог социальных условий солидарности и аномии. Поскольку контраст между подлинным и неаутентичным существованием острее в пограничных ситуациях, можно предположить, что социальная солидарность и аномия также проявляются в таких экстремальных ситуациях (*extreme situations*), которые разрушают обыденные социальные модели.

Эдвард Тириакьян, как известно, разработал гранд-проект экзистенциальной социологии с амбициозной целью переоценки социологической традиции через призму экзистенциальной феноменологии. Он намеревался показать, что в социологической традиции существует скрытый консенсус, основанный на методологии субъективного реализма и «общей теории социального существования». Обеспечивая принципы реляционизма и трансобъективизма, эта методология избегает крайностей материалистических или идеалистических взглядов и рассматривает социальную реальность как феноменальный опыт акторов. Реляционизм отличается от релятивизма и подразумевает, что истина для социального субъекта всегда находится в экзистенциальном отношении к определенным ситуациям [Тириакьян, 2007]. В свою очередь, трансобъективизм направляет исследование за пределы объекта исследования к его более всеобъемлющему объяснению как «тотального социального факта» (М. Мосс). Экзистенциальная феноменология стремилась преодолеть институциональную реальность (естественное отношение), сосредоточившись на корнях социального существования (экзистенциальной природе социальных структур) и диалектике между институциональным и экзистенциальным измерениями общества [Kotarba, Melnikov, 2023, p. 13]. Важно подчеркнуть, что другой очень ценной разработкой социологии Тириакьяна является экзистенциальная модель человека (*existential model of man*), состоящая из четырех базовых элементов, а именно: онтического и онтологического уровней существования, открытости индивида миру и ситуации как ключевого звена себя к социальной реальности. Отметим, что В.В. Радаев, который

очень хорошо представил и проанализировал ключевые параметры экономического и социологического человека [Радаев, 2008], не стал, однако, проводить логические нити до параметров «социологической экзистенциальной модели человека».

Возвращаясь к подходу Тириакияна, отметим, что выделенные им онтологический и онтический уровни соответствуют подлинным или недостоверным формам бытия, а также «экзистенциальному Я» (*existential self*) и «личности» как «персоне» (*person*) соответственно. «Экзистенциальное Я» – это глубочайшая основа субъекта, «реальное Я» (*real me*) – это динамическое и временное единство, которое имеет тенденцию актуализировать собственные интегральные возможности и не может быть полностью определено или объективировано до тех пор, пока оно не исчерпает весь внутренний потенциал. «Открытость» (*openness*) актуализируется через такие термины: «интерсубъективность» (*intersubjectivity*), «тело» (*body*), «социальное время» (историчность) (*social time (historicity)*) и «существование как священная сфера» (*sacred realm of existence*). Основными способами этой актуализации являются язык, невербальное общение, внутррелигиозный диалог, ответственность и нравственность. Социальные ситуации выходят за пределы физического места благодаря содержащимся в них значениям. Человек для «экзистенциального Я» становится формой социального присутствия, подобной телу как форме физического бытия. То есть человек – это социальная маска, «другое Я», которое защищает и представляет «экзистенциальное Я» в ситуациях интерсубъективной реальности. В определенных пограничных ситуациях маска повреждается, и «экзистенциальное Я» открывается социальной среде.

Экзистенциальная модель человека (*existential model of man*) связана с более широкой теорией структурной социологии. Социальные структуры определяются как экзистенциальные основы социальной жизни, которые объединяют социальный порядок и изменения в единое целое. Социальная структура – это не физическая сущность, а моральные или «...нормативные феномены интерсубъективного сознания, которые формируют социальные действия в социальном пространстве» [Kotarba, Melnikov, 2023, p. 14]. Социальные изменения – это не столько трансформация физической реальности, сколько трансформация сознания посредством

процессов структурирования, деструктурирования и реструктуризации (structuration, destructuration, and restructuration) общества [Kotarba, Melnikov, 2023, p. 14].

Смыслы социальной реальности – это не только индивидуальные, но и коллективные явления, предстающие сознанию как воспринимаемые здесь и сейчас. Были выделены три основных элемента восприятия – сенсорный, когнитивный (фактический) и нормативный (моральный), которые объединяются в многослойную систему значений, опосредующую опыт физических объектов. Феномены происходят из «экзистенциальной основы возможностей», которая является латентной, но реальной социальной структурой (последнюю можно определить как культуру). Актуализация социальных явлений – это процесс формализации и институционализации социального существования. Социальные структуры определяют внутренние условия взаимосвязанных элементов, а формы являются внешними проявлениями этих структур. При определенных условиях латентные структуры нарушают институциональный порядок и приводят к масштабным трансформациям. Поскольку социальные структуры скрыты, ошибка социологов заключается в их основной ориентации на «видимый» (или профанный) уровень общества, в то время как его сакральное экзистенциальное ядро остается вне поля зрения. Есть метафора зрителя, который слился с фильмом (институциональный порядок) и забыл об экране, проекторе, режиссере, т.е. о тех структурах, которые создают картину. Тем самым, социологическую теорию необходимо переориентировать на изучение отношений между институциональной жизнью и скрытыми социальными структурами. Э. Тириакиян попытался применить свой экзистенциальный подход к изучению широкого спектра социальных проблем в таких областях, как религия, культура, модернизация и национальная идентичность. Эти исследования были направлены на раскрытие того, как отдельные существа рефлексиируют в общественном существовании и как личные ситуации становятся интересубъективными, или историческими событиями. Авторы отмечают, что еще один важный вклад в возникновение экзистенциальной социологии внесла группа ученых так называемой Калифорнийской школы [Melnikov, Kotarba, 2017 ; Мельников, 2018].

Основные идеи «Калифорнийской школы» были опубликованы в трилогии книг: «Экзистенциальная социология» [Existential sociology, 1977], «Экзистенциальная самость в обществе» [The existential self ... , 1984] и «Постмодернистская экзистенциальная социология» [Postmodern existential sociology, 2002]. Лидером школы стал Джек Дуглас, который создавал собственную версию экзистенциальной социологии в конце 1960-х годов, определив ее общую задачу как исследование социального существования, или человеческого опыта во всех его формах. Он попытался радикально изменить традиционное понимание точных и «мягких» наук, утверждая, что количественные и абстрактные макроподходы должны быть подчинены качественному анализу прямого интерактивного опыта в повседневной жизни и его глубочайших сенсорных параметров. Принцип ситуативной детерминации значения в научной программе Джека Дугласа указывал на то, что контекстуальные значения и этика существенно отличаются от абстракций и абсолютистской аксиологии. Согласно этому принципу, переформулированному в «теореме Дугласа» (*Douglas' theorem*), «конкретное значение дается адекватно только тогда, когда предоставляется его конкретный, локализованный или ситуативный контекст» [Douglas, 1970a, p. 9]. Конкретные ситуации рано или поздно порождают «рабочие соглашения», которые сочетают в себе «решительность и свободу», «порядок и дезорганизацию». Упрощенные социальные значения имеют тенденцию порождать отчуждение и обман, чтобы прикрыть отклонения абстрактной моралью. Дуглас подробно остановился на инновационных эмпирических методах, включая творческое интервью, изучение жизни и групповые полевые исследования [Douglas, 1976 ; Douglas, 1970b ; Douglas, 1985 ; Douglas, 1977 ; Douglas, 1988]. Все эти экзистенциальные методы характеризуются открытостью, гибкостью, эмпатией и доверительными отношениями, расфокусированным погружением и пониманием скрытых смыслов между членами команды. Общая методологическая позиция Дугласа состоит в том, что не метод определяет реальность, а реальность определяет метод общества.

Программные идеи Джека Дугласа были развиты в работах его учеников и коллег. Экзистенциальная социология эмоций, разрабатываемая Джоном Джонсоном, раскрывала проблему синкре-

тизма чувств и мышления и представляла его концепцию «эмоциональных обобщений» [Cuthbertson-Johnson, Johnson, 1995], которые стали функциональными метаэлементами опыта. Иерархии «эмоциональных обобщений» возникают в процессах эмоциональной социализации и построения эмоциональной карьеры, характеризующаясь также чувствительностью, которая в острых формах переходит в «захват» [Cuthbertson-Johnson, Johnson, 1992], ограничивая проактивность и свободу действий. Джонсон с коллегами изучали феномен «бюрократической пропаганды» и несоответствия между государственным и частным уровнями социальной реальности [Johnson, 1972 ; Johnson, Douglas, 1978 ; Altheide, Johnson, 1980], и в итоге систематизировали тематику экзистенциализма в набор четырех базовых категорий: смыслы, эмоции, свобода и выбор. Они стремились синтезировать перспективы ситуационизма и универсализма в концепции «случайной трансцендентности», уточнили специфику экзистенциальной социологии среди других микросоциологических подходов. Считается, что Джон Джонсон внес научный вклад в «рефлексивный поворот» в социологической этнографии, предполагающий прозрачность полевого опыта, и вместе с Дэвидом Алтейдом разработал критерии «интерпретативной валидности» в качественных исследованиях [Johnson, 1975 ; Altheide, Johnson, 2011]. В то же время Питер Мэннинг, Стэнфорд Лайман и Марвин Скотт стремились расширить понимание дисциплинарной специфики и отдельных тем экзистенциальной социологии. Питер Мэннинг дал общую ретроспективу этого подхода. Он включил в комплекс основных концепций такие дефиниции, как чувства, тело, самость (*self*), ситуация, структура, массивификация и нивелирование / выравнивание (*leveling*) [Manning, 1973].

В «социологии абсурда» Лаймана и Скотта подчеркивалась проблема порядка как социального продукта, созданного с помощью языка и оценочных ситуативных суждений (репрезентируемых в отчетах) на основе опыта, сопряженного с отсутствием объективных значений реальности. Индивид понимается как активный субъект, способный противостоять абсурду, ставить цели и делать выбор в условиях конфликта и конкуренции [Luman, Scott, 1970]. В свою очередь, Болле Де Бал в трехтомнике «Фрагменты экзистенциальной социологии» представил подход, базирующийся на шести основных принципах, включающих: (1) рас-

смотрение экзистенциальной социологии как фундаментальной теории, (2) «опору» как центральную концепцию, (3) «исследование действия» как фундаментальный способ своего изыскания, (4) «социоанализ» как принципиальную базисную практику для социологов, (5) множественность социологических моделей и (6) клиническую, или прикладную социологию как важную область исследований, действий и обучения [Bolle De Bal, 2013]. В качестве фундаментальной теории экзистенциальная социология стремится подчеркнуть важность личности (связанного или изолированного индивида в капиталистическом и социалистическом обществах) и актора (активного, вовлеченного человека). Это именно гуманистическая, а вовсе не позитивистская социология, она в большей степени понимающая (*Verstehen*) (М. Вебер), феноменологическая (М. Мосс) и междисциплинарная, уделяющая свое внимание динамике первичных групп, субъективности, иррациональности и аффективности. В ней используются качественные, «диалектические» (Дж. Гурвич) и «диалогические» (Э. Морин) методы. Определяя центральную идею доверия, Болле Де Бал утверждал, что в современном обществе уровень доверия все более и более падает, социальные связи находятся в процессе разрушения, и эти процессы порождают общество зависимости и заблуждений, или «одинокую толпу» (*lonely crowd*) (Д. Рисман). С точки зрения гуманизма существует крайняя необходимость в росте доверия и восстановлении утраченных отношений, включая систематическую реинтеграцию социологии [Kotarba, Melnikov, 2023, p. 15–16].

Парадигмальные принципы экзистенциальной социологии представляют собой две основные особенности и тенденции. Первая тенденция – это процесс онтологизации, который переориентирует социологию с абстракций и приоритета эпистемологии на более конкретные описания таких расплывчатых терминов, как культура, социальные институты, социальные статусы и роли, идентичность, самость. Онтологизация направлена на объяснение материальных явлений и экзистенциальных границ этих фундаментальных категорий в контексте повседневных практик. Вторая тенденция – это процесс аутентификации, принципиальная особенность которого – в необходимости устранения фиктивных или имитационных аспектов коллективного бытия, включая социологию как ее рефлексивную часть. Во многих отношениях этот про-

цесс является специфической попыткой экзистенциальной парадигмы ответить на фундаментальные вопросы об истине, этическом дуализме и диалектике между формальным и неформальным, публичным и частным уровнями социальной реальности [Kotarba, Melnikov, 2023, p. 18].

Критика. Хотя критики высказывают некоторые обоснованные опасения по поводу экзистенциальной социологии, они слишком часто ошибочно интерпретируют субъективистские трактовки, которые социологи-экзистенциалисты демонстрируют в своих трудах как отвержение основной социологии. Тириакьян, будучи учеником и редактором работ Т. Парсонса, продемонстрировал близкую ему по духу позицию, сравнивая и противопоставляя парсонсовский структурный функционализм и феноменолого-экзистенциалистское мышление. Большинство американских ученых воспитаны и обучены в традиционной структуралистской социологии. Они прославляют свободу, о которой пишут и учат, но не слишком беспокоятся о ее внедрении в жизнь и в научные подходы, которых придерживаются другие социологи. Таким образом, успех, достигнутый экзистенциальной социологией на сегодняшний день, является скромным в исследовательском масштабе, хотя теоретически довольно значимым. Экзистенциальная социология послужила мостом между различными точками зрения в рамках парадигмы социологии повседневной жизни (*everyday life*, сокращ. EDL), обогатив изучение традиционных тем EDL, включая практику конструирования смыслов.

Научный вклад. Джек Дуглас и его ученики внесли вклад в этнографию как в предпочтительную методологию EDL, описав сложную человеческую природу в терминах ранних представлений Сартра о когнитивном, оценочном и аффективном потенциале. Джон Джонсон описывал ключевую роль чувств и эмоций в устойчивых бюрократических / организационных условиях. Дэвид Алтейде размышлял с этнометодологической позиции о коммуникациях, описывая сложную работу медиа по созданию смыслов. Адлер составил постмодернистский литературный, почти герменевтический перформанс, связанный с интерпретацией «Сада наслаждений» Иеронима Босха; это стало иллюстрацией идеи о том, что экзистенциальный этнограф подобно волшебнику делает явным скрытое и придает смысл бессмысленному. Кэндис Кларк

расширила сквозь призму биомедицинского и психологического подходов список эмоций, изучаемых социологами, включив в него эмоции, которые люди обычно испытывают в повседневной жизни. Кшиштоф Конецкий остановился на традиционном применении феноменологических методов к EDL, разработав концепцию созерцательной обоснованной теории, предполагающую самонаблюдение, анализ работы разума, эмоций и тела исследователя. Джозеф Котарба модифицировал бихевиористскую версию модели жизненного пути, показав, как, к примеру, музыка может служить ситуативным ресурсом для определения смысла жизни. Европейские ученые продолжают интерпретировать и развивать экзистенциалистские идеи как ответ на фундаментальные социологические вопросы. Можно было бы сказать, что этот подход в первую очередь теоретический, о чем свидетельствует впечатляющая и мощная работа Андрея Мельникова, сопоставляющая экзистенциальную социологию с другими парадигмами и подходами [Мельников, 2018].

Заключение

Если подвести главные итоги, то ключевая тематика социологии экзистенциализма включает следующие понятия: смыслы, эмоции, свобода, выбор, чувства, тело, самость (*self*), ситуация, структура, массивация, нивелирование / выравнивание (*leveling*). Современная парадигма экзистенциальной социологии может быть структурирована как макро-, микро- и многочисленные теории среднего уровня в рамках социологических исследований личности, действия, выбора, аутентичности, повседневной жизни, тела, опыта, эмоций, негативных явлений (абсурд, страдание, отчуждение, смерть, риск, страх, война, бедствия), социальных изменений, культуры и религии, пространства и времени, а также сквозь призму визуальной, реляционной и сенсорной социологии, социальной онтологии и ситуационного анализа. В дальнейшем авторы намереваются представить обзор остальных глав анализируемого справочника по экзистенциальной гуманитарной науке.

Список литературы

- Адлер П., Адлер П.* Полевые истории: размышления о четырех десятилетиях этнографии / пер. с англ. В.В. Семеновой // *Интеракция. Интервью. Интерпретация.* – 2019. – Т. 11, № 20. – С. 8–35. – DOI: 10.19181/inter. 2019.20.1
- Быстров В.Ю., Дудник С.И.* Об экзистенциальных мотивах в философии К. Маркса // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Философия.* – 2018. – Т. 22, № 4. – С. 397–406. – DOI: 10.22363/2313–2302–2018–22–4-397–406
- Гагарин А.С.* Экзистенция и экзистенциалы человеческого бытия в современной философской антропологии // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* – 2015. – № 12 (62), ч. 2. – С. 70–73.
- Гришина Н.В.* Проблема концептуализации контекста в современной психологии // *Социальная психология и общество.* – 2018. – Т. 9, № 3. – С. 10–20. – DOI: 10.17759/sps. 2018090302
- Ильин В.И.* «Человеческий капитал» как категория качественной социологии // *Социологические исследования.* – 2023. – № 3. – С. 32–41. – DOI: 10.31857/S013216250024881–2
- Кондрашов П.Н.* Философия Карла Маркса: экзистенциально-антропологические аспекты. – Москва: ЛЕЛАНД, 2019. – 216 с.
- Кривцова С.В., Лэнгле А., Орглер К.* Шкала экзистенции (Existenzskala) А. Лэнгле и К. Орглер // *Экзистенциальный анализ.* – 2009. – № 1. – С. 141–170.
- Кривцова С.В.* Методы экзистенциального анализа и культура достоинства // *Экзистенциальный анализ.* – 2021. – Т. 13, № 1. – С. 5–12.
- Леонтьев Д.А., Нестик Т.А.* Интервью с Д.А. Леонтьевым о будущем социальной психологии // *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология.* – 2017. – Т. 2, № 3 (7). – С. 229–253.
- Леонтьев Д.А.* Человек и жизненный мир: от онтологии к феноменологии // *Культурно-историческая психология.* – 2019. – Т. 15, № 1. – С. 25–34. – DOI: 10.17759/chr. 2019150103
- Леонтьев Д.А.* Экзистенциальный подход в современной психологии личности // *Вопросы психологии.* – 2016. – № 3. – С. 3–15.
- Лэнгле А., Уколова Е.М., Шумский В.Б.* Современный экзистенциальный анализ: история, теория, практика, исследования: монография. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Изд-во Юрайт, 2023. – 556 с.
- Мельников А.С.* Экзистенциальная социология Дж. Джонсона // *Социология: теория, методы, маркетинг.* – 2015. – № 4. – С. 100–112.
- Мельников А.С.* Экзистенциальная социология Джозефа Котарбы // *Социологические исследования.* – 2017. – № 5. – С. 129–136.
- Мельников А.С.* Экзистенциальная социология: проблема идентификации парадигмальной специфики. – Киев: Миллениум, 2018. – 376 с.

Плющ А.Н. Понимание идентичности в культурно-исторической психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2023. – Т. 20, № 2. – С. 338–353. – DOI: 10.17323/1813–8918–2023–2–338–353

Психология выбора / Леонтьев Д.А., Овчинникова Е.Ю., Рассказова Е.И., Фам А.Ф. – Москва: Смысл, 2019. – 464 с.

Радаев В.В. Экономическая социология: учеб. пособие для вузов. – 2-е изд. – Москва: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. – 602 с.

Султанова М.А. Перевод разделов книги Майкла Джексона «Экзистенциальная антропология» // Психология и психотехника. – 2012. – № 7(46). – С. 19–29.

Тирикьян Э. Социологизм и экзистенциализм // Вопросы социальной теории. – 2007. – Т. 1, вып. 1. – С. 50–84.

Altheide D., Johnson J. Bureaucratic propaganda. – Boston: Allyn and Bacon, 1980. – 256 p.

Altheide D., Johnson J. Reflections on interpretive adequacy in qualitative research // Handbook of qualitative research / ed. by N. Denzin, Y. Lincoln. – 4 th ed. – Thousand Oaks: SAGE, 2011. – P. 581–594.

Bolle de Bal M. Fragments pour une sociologie existentielle. – Paris: L’Harmattan, 2013. – Tome 3. – 164 p.

Craib I. Existentialism and sociology: a study of Jean-Paul Sartre. – Cambridge: Cambridge university press, 1976. – 242 p.

Cuthbertson-Johnson B., Johnson J.M. Emotional generalizations // Studies in symbolic interaction / ed. by N. Denzin. – Bingley: Emerald, 1995. – Vol. 17. – P. 163–184.

Cuthbertson-Johnson B., Johnson J.M. Exquisite emotional sensitivity and capture // Studies in symbolic interaction. – Bingley: Emerald, 1992. – Vol. 13. – P. 155–166.

Douglas J.D. American social order. – New York: Free press, 1971. – 334 p.

Douglas J.D. Creative interviewing. – Beverly Hills (CA): SAGE, 1985. – 159 p.

Douglas J.D. Deviance and respectability. – New York: Basic books, 1970a. – 468 p.

Douglas J.D. Existential sociology // Existential sociology / ed. by J.D. Douglas, J.M. Johnson. – Cambridge: Cambridge university press, 1977. – P. 3–73.

Douglas J.D. Investigative social research. – Beverly Hills (CA): SAGE, 1976. – 229 p.

Douglas J.D. The myth of the welfare state. – New Brunswick (NJ): Transaction books, 1989. – 505 p.

Douglas J.D. Understanding everyday life: toward a reconstruction of sociological knowledge. – Chicago (IL): Aldine publishing company, 1970b. – 358 p.

Douglas J.D., Atwell F., Hillebrand J. Love, intimacy and sex. – Newbury Park (CA): SAGE, 1988. – 304 p.

Existential sociology / ed. by J.D. Douglas, J.M. Johnson. – New York: Cambridge university press, 1977. – 346 p.

- Fontana A.* Introduction: existential sociology and the self // The existential self in society / ed. by J.A. Kotarba, A. Fontana. – Chicago (IL): The University of Chicago press, 1984. – P. 155–181.
- Fontana A.* Short stories from the salt // Postmodern existential sociology / ed. by J.A. Kotarba, J. Johnson. – Walnut Creek (CA): Altamira, 2002. – P. 201–218.
- Jackson M.* Lifeworlds: essays in existential anthropology. – Chicago (IL): The University of Chicago press, 2013. – 339 p.
- Johnson J.* Doing field research. – New York: Free press, 1975. – 225 p.
- Johnson J.* The practical uses of rules // Theoretical perspectives on deviance / ed. by R. Scott, J. Douglas – New York: Basic books, 1972. – P. 215–248.
- Johnson J., Douglas J.D.* Crime at the top: deviance in business and the professions. – Philadelphia: Lippincott, 1978. – 353 p.
- Kotarba J.A., Melnikov A.* Existential sociology // The Routledge international handbook of existential human science / ed. by H. Wardle, N. Rapport, A. Piette. – Abingdon: Routledge, 2023. – P. 12–23. – DOI: 10.4324/9781003156697-4
- Lyman S.M., Scott M.B.* A sociology of the absurd. – New York: Appleton-Century-Crofts, 1970. – 221 p.
- Manning P.K.* Existential sociology // The sociological quarterly. – 1973. – Vol. 14, N 2. – P. 200–225.
- Melnikov A.* Existential sociology of Edward Tiryakian: toward an integrated paradigm // The art and science of sociology: essays in honor of Edward Tiryakian / ed. by A.R. Robertson, J. Simpson. – London: Anthem press, 2016. – P. 59–78.
- Melnikov A., Kotarba J.A.* Existential sociology // The Blackwell encyclopedia of sociology online / ed. by G. Ritzer. – Boston (MA): Blackwell, 2015. – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/9781405165518.wbeose083.pub2> (accessed: 10.10.2023).
- Melnikov A., Kotarba J.A.* Jack Douglas: the existential sociology project // The Interactionist imagination: studying meaning, situation and microsocial order / ed. by M. Jacobsen. – London: Palgrave Macmillan, 2017. – P. 291–314.
- Postmodern existential sociology / ed. by J.A. Kotarba, J.M. Johnson. – Walnut Creek (CA): AltaMira Press, 2002. – 256 p.
- The existential self in society / ed. by J.A. Kotarba, A. Fontana. – Chicago (IL): The University of Chicago press, 1984. – 241 p.
- The Routledge international handbook of existential human science / ed. by H. Wardle, N. Rapport, A. Piette. – Abingdon: Routledge, 2023. – 304 p.
- Tiryakian E.A.* A problem for the sociology of knowledge the mutual unawareness of Emile Durkheim and Max Weber // European journal of sociology. – 1966. – Vol. 7, № 2. – P. 330–336. – DOI: 10.1017/S0003975600001478
- Tiryakian E.A.* Existential phenomenology and the sociological tradition // American sociological review. – 1965. – Vol. 30, № 5. – P. 674–688.
- Tiryakian E.A.* Sociological perspectives on the stranger // Soundings: an interdisciplinary journal. – 1973. – Vol. 56, № 1. – P. 45–58.
- Tiryakian E.A.* Sociologism and existentialism: two perspectives on the individual and society. – Englewood Cliffs (NJ): Prentice Hall, 1962. – 176 p.

Tiryakian E.A. Structural sociology // Theoretical sociology: perspectives and developments / ed. by J. McKinney, E. Tiryakian. – New York: Appleton-Century-Crofts, 1970. – P. 111–135.

Tiryakian E.A. The existential self and the person // The self in social interaction / ed. by K. Gergen, C. Gordo. – New York: Wiley, 1968. – Vol. 1. – P. 75–86.

Toward a complex universe: existential sociology // Introduction to the sociologies of everyday life / ed. by J.D. Douglas, P.A. Adler, P. Adler, A. Fontana, R.C. Freeman, J.A. Kotarba. – Boston (MA): Allyn and Bacon, 1980. – P. 155–180.

References

Adler P., Adler P. Polevye istorii: razmyshleniya o chetyrekh desyatiletiyah etnografii [Field stories: reflections on four decades of ethnography]. Transl. from English by V.V. Semenova. *Interakciya. Interv'yu. Interpretaciya*. [Interaction. Interview. Interpretation]. – 2019. – Vol. 11, N 20. – P. 8–35. – DOI: 10.1 z9181/inter. 2019.20.1 (In Russian)

Altheide D., Johnson J. *Bureaucratic propaganda*. – Boston: Allyn and Bacon, 1980. – 256 p.

Altheide D., Johnson J. Reflections on interpretive adequacy in qualitative research. *Handbook of qualitative research*. Ed. by N. Denzin, Y. Lincoln. – 4th ed. – Thousand Oaks: SAGE, 2011. – P. 581–594.

Bolle de Bal M. *Fragments pour une sociologie existentielle*. – Tome 3. – Paris: L'Harmattan, 2013. – 164 p.

Bystrov V.Yu., Dudnik S.I. Ob ekzistencial'nyh motivah v filosofii K. Marksa [On existential motives in the philosophy of K. Marx]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Philosophy]. – 2018. – Vol. 22, N 4. – P. 397–406. – DOI: 10.22363/2313–2302–2018–22–4–397–406 (In Russian)

Craib I. *Existentialism and sociology: a study of Jean-Paul Sartre*. – Cambridge: Cambridge university press, 1976. – 242 p.

Cuthbertson-Johnson B., Johnson J. Emotional generalizations. *Studies in symbolic interaction*. Ed. by N. Denzin. – Bingley: Emerald, 1995. – Vol. 17. – P. 163–184.

Cuthbertson-Johnson B., Johnson J.M. Exquisite emotional sensitivity and capture. *Studies in symbolic interaction*. – Bingley: Emerald, 1992. – Vol. 13. – P. 155–166.

Douglas J.D. *American social order*. – New York: Free press, 1971. – 334 p.

Douglas J.D. *Creative interviewing*. – Beverly Hills (CA): SAGE, 1985. – 159 p.

Douglas J.D. *Deviance and respectability*. – New York: Basic books, 1970a.– 468 p.

Douglas J.D. Existential sociology. *Existential sociology*. Ed. by J.D. Douglas, J.M. Johnson. – Cambridge: Cambridge university press, 1977. – P. 3–73.

Douglas J.D. *Investigative social research*. – Beverly Hills (CA): SAGE, 1976. – 229 p.

- Douglas J.D. *The myth of the welfare state*. – New Brunswick (NJ): Transaction books, 1989. – 505 p.
- Douglas J.D. *Understanding everyday life: toward a reconstruction of sociological knowledge*. – Chicago (IL): Aldine publishing company, 1970b. – 358 p.
- Douglas J.D., Atwell F., Hillebrand J. *Love, intimacy and sex*. – Newbury Park (CA): SAGE, 1988. – 304 p.
- Existential sociology*. Ed. by J.D. Douglas, J.M. Johnson. – New York: Cambridge university press, 1977. – 346 p.
- Fontana A. Introduction: existential sociology and the self. *The existential self in society*. Ed. by J.A. Kotarba, A. Fontana. – Chicago (IL): The University of Chicago press, 1984. – P. 155–181.
- Fontana A. Short stories from the salt. *Postmodern existential sociology*. Ed. by J.A. Kotarba, J. Johnson, 2002. – Walnut Creek (CA): Altamira. – P. 201–218.
- Gagarin A.S. Ekzistenciya i ekzistencijalno-chelovecheskogo bytiya v sovremennoj filosofskoj antropologii [Existence and existentials of human existence in modern philosophical anthropology]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and law sciences, culturology and study of art. Issues of theory and practice]. – 2015. – N 12 (62), part 2. – P. 70–73. (In Russian)
- Grishina N.V. Problema konceptualizacii konteksta v sovremennoj psihologii [The problem of conceptualization of context in modern psychology]. *Social'naya psihologiya i obshchestvo* [Social psychology and society]. – 2018. – Vol. 9, N 3. – P. 10–20. – DOI: 10.17759/sps.2018090302 (In Russian)
- Ilyin V.I. «Chelovecheskij kapital» kak kategoriya kachestvennoj sociologii [“Human capital” as a category of qualitative sociology]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. – 2023. – N 3. – P. 32–41. – DOI: 10.31857/S013216250024881–2 (In Russian)
- Jackson M. *Lifeworlds: essays in existential anthropology*. – Chicago (IL): University of Chicago press, 2013. – 339 p.
- Johnson J. *Doing field research*. – New York: Free press, 1975. – 225 p.
- Johnson J. The practical uses of rules. *Theoretical perspectives on deviance*. Ed. by R. Scott, J. Douglas. – New York: Basic books, 1972. – P. 215–248.
- Johnson J., Douglas J.D. *Crime at the top: deviance in business and the professions*. – Philadelphia: Lippincott, 1978. – 353 p.
- Kondrashov P.N. *Filosofiya Karla Marksa: ekzistencijal'no-antropologicheskie aspekty* [Karl Marx's philosophy: existential and anthropological aspects]. – Moscow: Leland, 2019. – 216 p. (In Russian)
- Kotarba J.A., Melnikov A. Existential sociology. *The Routledge international handbook of existential human science*. Ed. by H. Wardle, N. Rapport, A. Piette. – Abingdon: Routledge, 2023. – P. 12–23. – DOI: 10.4324/9781003156697–4
- Krivtsova S.V. Metody ekzistencijal'nogo analiza i kul'tura dostoinstva [Methods of existential analysis and the culture of dignity]. *Ekzistencijal'nyj analiz* [Existential analysis]. – 2021. – Vol. 13, N 1. – P. 5–12. (In Russian)

Krivtsova S.V., Langle A., Orgler K. Shkala ekzistencii (Existenzskala) A. Langle i K. Orgler [The scale of existence (Existenzskala) by A. Langle and K. Orgler]. *Ekzistencial'nyj analiz* [Existential analysis]. – 2009. – N 1. – P. 141–170. (In Russian)

Langle A., Ukolova E.M., Shumsky V.B. *Sovremennyy ekzistencial'nyj analiz: istoriya, teoriya, praktika, issledovaniya: monografiya* [Modern existential analysis: history, theory, practice, research: monograph]. – Moscow: Yurayt publishing house, 2023. – 556 p. (In Russian)

Leontiev D.A. Chelovek i zhiznennyj mir: ot ontologii k fenomenologii [Man and the life world: from ontology to phenomenology]. *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya* [Cultural and historical psychology]. – 2019. – Vol. 15, N 1. – P. 25–34. – DOI: 10.17759/chp.2019150103 (In Russian)

Leontiev D.A. Ekzistencial'nyj podhod v sovremennoj psihologii lichnosti [Existential approach in modern psychology of personality]. *Voprosy psihologii* [Questions of psychology]. – 2016. – N 3. – P. 3–15. (In Russian)

Leontiev D.A., Nestik T.A. Interv'yu s D.A. Leont'evym o budushchem social'noj psihologii [Interview with D.A. Leontiev about the future of social psychology]. *Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya* [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology]. – 2017. – Vol. 2, N 3 (7). – P. 229–253. (In Russian)

Lyman S.M., Scott M.B. *A sociology of the absurd*. – New York: Appleton-Century-Crofts, 1970. – 221 p.

Manning P.K. Existential sociology. *The sociological quarterly*. – 1973. – Vol. 14, N 2. – P. 200–225.

Melnikov A. Existential sociology of Edward Tiryakian: toward an integrated paradigm. *The art and science of sociology: essays in honor of Edward Tiryakian*. Ed. by A.R. Robertson, J. Simpson. – London: Anthem press, 2016. – P. 59–78.

Melnikov A., Kotarba J.A. Existential sociology. *The Blackwell encyclopedia of sociology online*. Ed. by G. Ritzer. – Boston (MA): Blackwell, 2015. – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/9781405165518.wbeose083.pub2> (accessed: 10.10.2023).

Melnikov A., Kotarba J.A. Jack Douglas: the existential sociology project. *The interactionist imagination: studying meaning, situation and microsocial order*. Ed. by M. Jacobsen. – London: Palgrave Macmillan, 2017. – P. 291–314.

Melnikov A.S. *Ekzistencial'naya sociologiya: problema identifikacii paradigmal'noj specifiki* [Existential sociology: the problem of identification of paradigm specificity]. – Kiev: Millennium, 2018. – 376 p. (In Russian)

Melnikov A.S. Ekzistencial'naya sociologiya Dzh. Dzhonsona [Existential sociology J. Johnson]. *Sociologiya: teoriya, metody, marketing* [Sociology: theory, methods, marketing]. – 2015. – N 4. – P. 100–112. (In Russian)

Melnikov A.S. Ekzistencial'naya sociologiya Dzhozefa Kotarby [Existential sociology of Joseph Kotarba]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. – 2017. – N 5. – P. 129–136. (In Russian)

Plyushch A.N. Ponimanie identichnosti v kul'turno-istoricheskoy psihologii [Understanding identity in cultural-historical psychology]. *Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki*. [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]. – 2023. – Vol. 20, N 2. – P. 338–353. – DOI: 10.17323/1813–8918–2023–2–338–353 (In Russian)

Postmodern existential sociology. Ed. by J.A. Kotarba, J.M. Johnson. – Walnut Creek (CA): AltaMira press, 2002. – 256 p.

Psihologiya vybora [Psychology of choice] / Leontiev D.A., Ovchinnikova E.Yu., Rasskazova E.I., Pham A.F. – Moscow: Sense, 2019. – 464 p. (In Russian)

Radaev V.V. *Ekonomicheskaya sociologiya: ucheb. posobie dlya vuzov*. [Economic sociology: textbook for universities]. – 2nd ed. – Moscow: Publishing house of the Higher school of economics, 2008. – 602 p. (In Russian)

Sultanova M.A. Perevod razdelov knigi Majkla Dzheksona «Ekzistencial'naya antropologiya» [Translation of sections of Michael Jackson's book “Existential anthropology”]. *Psihologiya i psihotekhnika* [Psychology and psychotechnics]. – 2012. – N 7 (46). – P. 19–29. (In Russian)

The existential self in society. Ed. by J.A. Kotarba, A. Fontana. – Chicago (IL): University of Chicago press, 1984. – 241 p.

The Routledge international handbook of existential human science. Ed. by H. Wardle, N. Rapport, A. Piette. – Abingdon: Routledge, 2023. – 304 p.

Tiryakyan E.A. Sociologizm i ekzistencializm [Sociologism and existentialism]. *Voprosy social'noj teorii* [Questions of social theory]. – 2007. – Vol. 1, N 1. – P. 50–84. (In Russian)

Tiryakyan E.A. A problem for the sociology of knowledge the mutual unawareness of Emile Durkheim and Max Weber. *European journal of sociology*. – 1966. – Vol. 7, N 2. – P. 330–336. – DOI: 10.1017/S0003975600001478

Tiryakyan E.A. Existential phenomenology and the sociological tradition. *American sociological review*. – 1965. – Vol. 30, N 5. – P. 674–688.

Tiryakyan E.A. Sociological perspectives on the stranger. *Soundings: an interdisciplinary journal*. – 1973. – Vol. 56, N 1. – P. 45–58.

Tiryakyan E.A. *Sociologism and existentialism: two perspectives on the individual and society*. – Englewood Cliffs (NJ): Prentice Hall, 1962. – 176 p.

Tiryakyan E.A. Structural sociology. *Theoretical sociology: perspectives and developments*. Ed. by J. McKinney, E. Tiryakyan. – New York: Appleton-Century-Crofts, 1970. – P. 111–135.

Tiryakyan E.A. The existential self and the person. *The self in social interaction*. Ed. by K. Gergen, C. Gordo. – New York: Wiley, 1968. – Vol. 1. – P. 75–86.

Toward a complex universe: existential sociology. *Introduction to the sociologies of everyday life*. Ed. by J. Douglas, P.A. Adler, P. Adler, A. Fontana, R.C. Freeman, J.A. Kotarba, 1980. – Boston (MA): Allyn and Bacon. – P. 155–180.

(Продолжение следует)

ЦИФРОВАЯ СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.4

DOI: 10.31249/rsoc/2024.01.08

ТОЛКАЧЕВА Е.В.* ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССОВ СБОРА И ОБРАБОТКИ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. Данная статья посвящена вопросам применения цифровых технологий в процессах сбора и обработки социологических данных. Дается характеристика и описываются механизмы функционирования интеллектуальных систем распознавания и синтеза информации, используемых в этих процессах. В результате продемонстрированы и описаны изменения основных свойств процессов сбора и обработки данных, происходящих вследствие применяемых в социологическом исследовании цифровых технологий.

Ключевые слова: цифровая социология; данные в социологии; цифровые технологии; социологические методы.

Для цитирования: Толкачева Е.В. Особенности процессов сбора и обработки социологических данных с применением цифровых технологий // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2024. – № 1. – С. 146–154. – DOI: 10.31249/rsoc/2024.01.08

Статья поступила: 02.03.2024.

Принята к публикации: 24.03.2024.

* © Толкачева Е.В., статья, 2024.

Толкачева Елена Вячеславовна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социального анализа и математических методов в социологии Санкт-Петербургского государственного университета; e-v-tolkacheva@ya.ru

TOLKACHEVA E.V.** Features of the processes of collecting and processing sociological data using digital technologies

Abstract. This article is dedicated to the use of digital technologies in the collection and analysis of sociological data. The article describes the characteristics and working principles of intelligent information recognition and synthesis systems used in the process of collecting and analyzing sociological data, as well as demonstrates and describes changes in data collection and analysis processes due to the use of these digital technologies in sociological research.

Keywords: digital sociology; data in sociology; digital technologies; sociological methods.

For citation: Tolkacheva E.V. Features of the processes of collecting and processing sociological data using digital technologies. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya* [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2024. – N 1. – P. 146–154. DOI: 10.31249/rsoc/2024.01.08

Received: 02.03.2024.

Accepted: 24.03.2024.

Применение цифровых технологий в процессах сбора и обработки социологических данных влияет на изменение основных свойств этих процессов. Понимание характера и границ происходящих изменений позволяет раскрыть основные проблемы и возможные риски применения этих цифровых технологий, которые должны быть учтены в программе социологического исследования [Ахтырский, 2022]. В данной статье рассмотрим особенности сбора и обработки социологических данных с помощью цифровых технологий. Опишем, как меняются свойства этих процессов под влиянием применяемых цифровых технологий и их комбинаций.

Наиболее перспективными для применения в процессах сбора и обработки социологических данных цифровыми технология-

** Tolkacheva Elena Vyacheslavovna – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social Analysis and Mathematical Methods in Sociology at St. Petersburg State University; e-v-tolkacheva@ya.ru

ми считаются системы распознавания образов, распознавания и синтезирования речи. Рассмотрим основные особенности сбора и обработки социологических данных с помощью этих цифровых технологий. Под распознаванием, по мнению А.Н. Пономарева и Л.В. Казанцевой, понимается научное направление, которое включает в себя разработку принципов построения систем, нацеленных на определение принадлежности текущего объекта к одному из заранее подготовленных шаблонных объектов. Процесс распознавания может происходить не только на базе зрительной информации, но и слуховой. Он опирается на сопоставление признаков, характеристик исследуемого объекта с признаками, характеристиками известных объектов, в результате чего делается вывод о наиболее правдоподобном их соответствии [Пономарев, Казанцева, 2021, с. 100].

При этом под системой распознавания образов можно понимать функционально взаимосвязанную совокупность методов и технических средств, осуществляющую процесс синтеза и анализа образов. В социологических исследованиях в качестве распознаваемых образов могут выступать самые разные объекты, включая изображения бланков наблюдений, анкет, рукописный или печатный текст дневников, биографических записей и т.д. При этом, как отмечают Р.Л. Манукян и И.В. Петрашин, одним из важнейших факторов для исправной работы систем распознавания образов является получение качественного изображения с минимальной постобработкой. Для этого система должна быть построена с использованием соответствующих камер и инструментов освещения объекта [Манукян, Петрашин, 2019, с. 296].

Еще одна используемая для сбора и обработки данных цифровая технология – это система распознавания речи. Она представляет собой автоматический процесс преобразования речевого сигнала в цифровую информацию. Системы распознавания речи могут применяться для наблюдения, экспертного опроса и интервьюирования. Преимущества использования систем распознавания речи состоят в скорости распознавания. На обработку коротких аудио в синхронном режиме понадобятся секунды [Гришин, Гагарин, 2022].

С системой распознавания тесно связана система синтезирования речи. Система синтезирования речи – это компьютерная

система, способная производить понятные тексты на человеческих языках [Галкин, Кондрушина, Шилаев, 2013, с. 56]. В социологических исследованиях наиболее востребованными могут быть вопросно-ответные системы синтеза речи. Они реализуют взаимодействие в интерактивной диалоговой форме и представляют собой наиболее сложную задачу. Системы синтеза речи могут быть использованы для наблюдения, экспертного опроса, интервьюирования. При этом следует учитывать особенности восприятия синтезированной речи респондентами. Так, более высокий голос, умеренная интонация, более быстрый темп, сокращение пауз и меньшее количество неточностей вызывает у респондентов большее доверие [Charoenruk, Olson, 2018, p. 326].

Процесс, который задействован в системах синтеза текста – транскрибация. Транскрибация представляет собой перевод аудио в текст. С помощью перевода звуковых файлов в текст можно поставить на поток обработку материалов экспертных интервью, фокус-групп, наблюдений и экспериментов, которые могут быть интересны в текстовом виде [Мещанинов, Поляк, 2020 ; Миних, 2020 ; Каменская, 2019]. Снижение количества ошибок транскрибации аудио может быть достигнуто путем применения социологами программных средств распознавания речи, которые содержат модели, построенные на основе контекстно-зависимых глубоких нейронных сетей HMM (CDDNN-HMM) [Seide, Li, Yu, 2011, p. 439].

К основным свойствам процессов сбора и обработки данных относятся результативность, определенность, управляемость, эффективность, повторяемость, гибкость и стоимость. Разберем, каким образом цифровые технологии влияют на основные свойства процессов сбора и обработки социологических данных.

Результативность процесса обработки данных с помощью системы распознавания образов оценивается по двум параметрам: точность и достоверность. Точность связана с автоматическим обнаружением логической структуры документа и с системой координат распознаваемого изображения [Paass, Konya, 2011, p. 221]. Особенно это актуально при обработке анкет и автоматизированном вводе данных в базу. Достоверность ввода данных при использовании системы распознавания образов в первую очередь характеризует не допущенную при вводе неточность, как при ручной обработке, а правильную тематическую интерпретацию и кор-

ректность перевода рукописного текста в печатный. Если изображение будет неверно интерпретировано, то это приведет к необходимости проверки корректности автоматического ввода данных и исправления допущенных ошибок. Процент неправильной интерпретации рассматривается как итоговая ошибка распознавания.

Результативность процессов сбора и обработки данных с помощью системы распознавания речи обусловлена тем, что в случае успешного машинного обучения нейронные сети могут «слышать» лучше, чем человек. В записи с шумным фоном или несколькими источниками звуков они могут уловить речь без помех. В то же время, при автоматизированном проведении интервью результативность может быть ниже, чем при использовании классического метода интервью. Результативность процесса сбора данных в ходе интервью с помощью системы синтеза речи связана с необходимостью реализации взаимодействия в интерактивной диалоговой форме в режиме реального времени. Таким образом, результативность как свойство процессов сбора и обработки данных характеризует соответствие полученного с помощью цифровых технологий результата ожиданиям.

Определенность отражает степень, с которой реальный процесс сбора данных соответствует описанию в программе социологического исследования. Определенность при применении цифровых технологий во многом зависит от корректности проведенного пилотажного исследования и интерпретации полученных в ходе него результатов. Корректность оценки эффективности цифровых технологий, используемых в рамках конкретного исследования, во многом влияет на определенность самого процесса сбора социологических данных. Следует также отметить важность сформированных у социолога знаний и навыков применения цифровых технологий, поскольку неверное представление о свойствах той или иной информационной системы, которая может быть применена, приводит к низкой степени определенности процесса сбора социологических данных.

Управляемость процессов сбора и обработки социологических данных с помощью цифровых технологий зависит от успешности мер по предотвращению и реагированию на технические сбои и аварийные ситуации. Возможно возникновение ошибочных ситуаций, когда при подключении цифровых устройств они не за-

гружаются, информация с камеры или сканера не отображается, звук отсутствует. Также возможны ситуации, когда при попытке ввода логина и пароля пользователя для входа в системы, применяемые для сбора и обработки данных, выдается ошибка. Еще одна ошибочная ситуация возникает, когда попытка входа в программное обеспечение цифровой технологии не удается, не загружаются данные, поступившие в ходе сбора данные не были сохранены, обработанные социологические данные были утрачены. Причины возникновения технических сбоев и аварийных ситуаций разнообразны: организационные, технические, логические и т.д. Для повышения управляемости процессов сбора и обработки социологических данных необходима разработка и включение в программу социологического исследования системы риск-менеджмента с указанием стратегий реагирования в случае возникновения перечисленных ошибочных ситуаций.

Эффективность процессов сбора и обработки данных характеризуется оптимальностью использования цифровых технологий для достижения запланированного результата исследования.

Повторяемость процессов сбора и обработки социологических данных при использовании цифровых технологий достаточно высокая. При этом на повторный цикл обработки социологических данных может потребоваться времени меньше - например, когда речь идет о транскрибировании.

Вопрос, касающийся гибкости процессов сбора и обработки данных, в случае применения цифровых технологий неоднозначен. Гибкость процессов предполагает способность приспосабливаться к изменениям внешних условий, перестраиваться так, чтобы не снижались результативность и эффективность. Цифровые технологии позволяют повысить гибкость процессов сбора и обработки данных при схожести внешних условий проведения социологических исследований.

Стоимость процессов сбора и обработки данных с помощью цифровых технологий может сильно дифференцироваться в зависимости от поставленных исследовательских задач, а также комбинации применяемых в исследовании цифровых устройств и систем.

Выводы. Можно сделать вывод, что наиболее перспективными для применения в процессах сбора и обработки социологических данных являются системы распознавания образов, а также

системы распознавания и синтеза речи. Применение цифровых технологий влияет на изменения основных свойств процессов сбора и обработки данных: результативность, определенность, управляемость, эффективность, повторяемость, гибкость, стоимость. Наиболее дифференцированно влияние цифровых технологий на результативность этих процессов. Определенность и эффективность их связаны с успешностью достижения поставленных целей при применении цифровых технологий. Влияние цифровых технологий на управляемость процессов сбора и обработки социологических данных предполагает включение в программы социологического исследования стратегий реагирования в случае возникновения ошибочных ситуаций. Повторяемость и гибкость процессов с помощью цифровых технологий достаточно высоки при схожести внешних условий проведения социологического исследования. Изложенные в статье результаты могут быть использованы в ходе планирования социологических исследований, в которых предполагается применение цифровых технологий с целью увеличения скорости сбора и обработки социологических данных, а также снижения влияния «человеческого» фактора на качество полученной социальной информации.

Список литературы

Ахтырский А.А. Цифровые методы в социологических исследованиях // Телескоп. – 2022. – № 3. – С. 53–59.

Галкин Д.В., Кондрушина Е.В., Шильев К.С. Возможности систем генерации речи для обработки естественного языка и развития взаимодействия «человек – машина» // Гуманитарная информатика. – 2013. – № 7. – С. 56–65.

Гришин О.Д., Гагарин Ю.Е. Преобразование голоса в текст: алгоритмы и платформы // Научно-технические технологии в приборостроении и развитии инновационной деятельности в вузе: материалы Всероссийской научно-технической конференции, Калуга, 15–17 ноября 2022 года. – Москва: Издательство МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2022. – С. 110–114.

Каменская А.С. Адаптация GoogleCloudSpeech-to-text API для автоматической транскрипции веб-конференций в реальном времени // Автоматика и программная инженерия. – 2019. – № 2 (28). – С. 19–23.

Манукян Р.Л., Петрашин И.В. Машинное зрение: основные компоненты машинного зрения // Современная наука: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей VII Международной научно-практической конференции: в 4 ч., Пенза, 05 июня 2019 года. – Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.), 2019. – Часть 2. – С. 295–297.

Мецианинов В.Е., Поляк М.В. Нейросетевая модель транскрибации русской речи // Обработка, передача и защита информации в компьютерных системах: первая всероссийская научная конференция, Санкт-Петербург, 14–22 апреля 2020 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, 2020. – С. 75–79.

Миних Е.А. Анализ существующих технологий распознавания и преобразования речи в текст // Инженерные технологии: традиции, инновации, векторы развития: сборник материалов VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Абакан, 11–13 ноября 2020 года. – Абакан: Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, 2020. – С. 56–58.

Пономарев А.Н., Казанцева Л.В. Машинное зрение: актуальность и применение // Научно-технический вестник Поволжья. – 2021. – № 4. – С. 100–102.

Charoenruk N., Olson K. Do listeners perceive interviewers' attributes from their voices and do perceptions differ by question type? // *Field methods*. – 2018. – Vol. 30, N 4. – P. 312–328.

Paass G., Konya I. Machine learning for document structure recognition // Modeling, learning, and processing of text technological data structures / ed. by A. Mehler, K. Kühnberger, H. Lobin, H. Lungen, A. Storrer, A. Witt. – Heidelberg: Springer, 2011. – Vol. 370: Studies in computational intelligence. – P. 221–247. – DOI: 10.1007/978-3-642-22613-7_12

Seide F., Li G., Yu D. Conversational speech transcription using context-dependent deep neural networks // Proceedings of interspeech. – 2011. – P. 437–440. – DOI: 10.21437/Interspeech. 2011–169

References

Akhtyrsky A.A. Cifrovye metody v sociologicheskikh issledovaniyakh [Digital methods in sociological research]. *Teleskop* [Telescope]. – 2022. – N 3. – P. 53–59. (In Russian)

Charoenruk N., Olson K. Do listeners perceive interviewers' attributes from their voices and do perceptions differ by question type? *Field methods*. – 2018. – Vol. 30, N 4. – P. 312–328.

Galkin D.V., Kondrushina E.V., Shilyaev K.S. Vozможности sistem generacii rechi dlya obrabotki estestvennogo yazyka i razvitiya vzaimodejstviya «chelovek – mashina» [Possibilities of speech generation systems for natural language processing and the development of human–machine interaction]. *Gumanitarnaya informatika* [Humanitarian informatics]. – 2013. – N 7. – P. 56–65. (In Russian)

Grishin O.D., Gagarin Y.E. Preobrazovanie golosa v tekst: algoritmy i platformy [Voice-to-text conversion: algorithms and platforms]. *Naukoemkie tehnologii v priboro- i mashinostroenii i razvitie innovacionnoj deyatel'nosti v vuze: materialy Vserossijskoj nauchno-tehnicheskoy konferencii, Kaluga, 15–17 noyabrya 2022 goda* [High-tech technologies in instrumentation and mechanical engineering and the development of innovation in higher education: materials of the All-Russian scientific

and technical conference, Kaluga, November 15–17, 2022]. – Moscow: Publishing house of the Bauman Moscow state technical university, 2022. – P. 110–114. (In Russian)

Kamenskaya A.S. Adaptatsiya GoogleCloudSpeech-to-text API dlya avtomaticheskoy transkribatsii veb-konferencij v real'nom vremeni [Adaptation of GoogleCloudSpeech-to-text API for automatic transcription of web conferences in real time]. *Avtomatika i programmnaya inzheneriya* [Automation and software engineering]. – 2019. – N 2 (28). – P. 19–23. (In Russian)

Manukyan R.L., Petrashin I.V. Mashinnoe zrenie: osnovnye komponenty mashinnogo zreniya [Machine vision: main components of machine vision]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovacii: sbornik statej VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: v 4 ch., Penza, 05 iyunya 2019 goda* [Modern science: topical issues, achievements and innovations: collection of articles of VII International scientific and practical conference: in 4 vol., Penza, June 05, 2019]. – Penza: «Nauka i Prosveshhenie», 2019. – Part 2. – P. 295–297.

Meshchaninov V.E., Polyak M.V. Neural network model of transcription of Russian speech [Nejrosetevaya model' transkribatsii russkoj rechi]. *Obrabotka, peredacha i zashhita informacii v komp'yuternyh sistemah: Pervaya vserossijskaya nauchnaya konferenciya, Sankt-Peterburg, 14–22 aprelya 2020 goda* [Processing, transmission and protection of information in computer systems: The First All-Russian scientific conference, St. Petersburg, April 14–22, 2020]. – St. Petersburg: St. Petersburg state university of aerospace instrumentation, 2020. – P. 75–79. (In Russian)

Minikh E.A. Analiz sushhestvuyushhih tehnologij raspoznanija i preobrazovaniya rechi v tekst [Analysis of existing technologies for speech recognition and conversion into text]. *Inzhenernye tehnologii: tradicii, innovacii, vektory razvitiya: sbornik materialov VI Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Abakan, 11–13 noyabrya 2020 goda* [Engineering technologies: traditions, innovations, vectors of development: collection of materials of the VI All-Russian scientific and practical conference with international participation, Abakan, November 11–13, 2020]. – Abakan: Khakass state university named after N.F. Katanov, 2020. – P. 56–58. (In Russian)

Paass G., Konya I. Machine learning for document structure recognition. *Modeling, learning, and processing of text technological data structures*. Ed. by A. Mehler, K. Kühnberger, H. Lobin, H. Lungen, A. Storrer, A. Witt. – Heidelberg: Springer, 2011. – Vol. 370. – Studies in computational intelligence. – P. 221–247. – DOI: 10.1007/978-3-642-22613-7_12

Ponomarev A.N., Kazantseva L.V. Mashinnoe zrenie: aktual'nost' i primenenie [Machine vision: relevance and application]. *Nauchno-tehnicheskij vestnik Povolzh'ya* [Scientific and technical bulletin of the Volga region]. – 2021. – N 4. – P. 100–102. (In Russian)

Seide F., Li G., Yu D. Conversational speech transcription using context-dependent deep neural networks. *Proceedings of interspeech*. – 2011. – P. 437–440. – DOI: 10.21437/Interspeech. 2011–169

БАНДИНЕЛЛИ К., ГАНДИНИ А. ПРИЛОЖЕНИЯ ДЛЯ ЗНАКОМСТВ: НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ МАРКЕТИЗИРОВАННОЙ ЛЮБВИ

Ключевые слова: бренды; дейтинговые приложения; цифровая интимность; рынки; социальный капитал; доверие.

Для цитирования: Архангельский Т.А. [Реферат]. Бандинелли К., Гандини А. Приложения для знакомств: неопределенность маркетизированной любви // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2024. – № 1. – С. 155–160. – Реф. ст.: Bandinelli C., Gandini A. Dating apps: the uncertainty of marketised love // Cultural sociology. – 2022. – Vol. 16, N 3. – P. 423–441.

Реферат поступил: 16.01.2024.

Принят к публикации: 29.03.2024.

Реф. ст.: BANDINELLI C., GANDINI A. Dating apps: the uncertainty of marketised love // Cultural sociology. – 2022. – Vol. 16, N 3. – P. 423–441.

Keywords: brands; dating apps; digital intimacy; markets; social capital; trust.

For citation: Arkhangelskiy T.A. [Article summary]. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2024. – N 1. – P. 155–160. Article summary: Bandinelli C., Gandini A. Dating apps: the uncertainty of marketised love // Cultural sociology. – 2022. – Vol. 16, N 3. – P. 423–441.

Received: 16.01.2024.

Accepted: 29.03.2024.

Каролина Бандинелли (Уорикский университет, Великобритания) и Алессандро Гандини (Миланский университет, Италия) рассматривают в своей статье, как платформизация через приложения для знакомств маркетизирует любовь и культуру интимности. Представляя свое исследование на стыке социологии культуры и социологии медиа, авторы отмечают, что их целью является анализ не романтических и сексуальных отношений, опосредованных приложениями для знакомств, но скорее отношений пользователей и самого приложения внутри приложения. Авторы описывают, как пользователи репрезентируют себя на платформах и осуществляют выбор партнеров, а также то, какую роль в этих платформенных взаимодействиях играет доверие. Делают они это с помощью анализа качественных данных, полученных в трех фокус-группах и пяти глубинных интервью, в которых суммарно участвовали 16 информантов.

Распространение приложений для знакомств понимается авторами как одно из проявлений трансформации сферы любовных отношений в современных (или постсовременных) обществах¹, где индивид освобождается от жестких рамок институтов и обретает свободу выбора, а вместе с ней и груз неопределенности². Приложения для знакомств решают эту проблему через алгоритмическое управление, вызывающее катаболизм сложной и таинственной сущности под названием любовь, которая распадается на более простые сущности, понятные и поддающиеся количественному анализу, – на данные. Это вызывает к жизни маркетизацию любовных отношений, поскольку последние пронизываются в высшей степени рациональной и, следовательно, рыночной логикой, которая превращает поиск партнера и ухаживания в «товарную игру». Платформы по определению являются инфраструктурой, которая привносит рыночный элемент в опосредуемые взаимодействия³.

¹ Giddens A. The transformation of intimacy: sexuality, love, and eroticism in modern societies. – Standord: Stanford university press, 1992.

² Illouz E. The end of love: a sociology of negative relations. – Oxford: Oxford university press, 2019.

³ Helmond A. The platformization of the web: making web data platform ready // Social media+society. – 2015. – Vol. 1, N 2. – P. 11.

Признавая вышесказанное, авторы критикуют такое понимание маркетизации романтических отношений, которое представляет пользователей как классических рыночных контрагентов (покупателей и продавцов), не осознающих всю специфичность приложений для знакомств как мест для поиска партнеров. Напротив, пользователи понимают, что приложения коммодифицируют романтические отношения и заставляют их репрезентировать себя определенным образом. Это наблюдение позволяет авторам сделать важный логический ход – они указывают, что осознание пользователями специфики приложений для знакомств не позволяет рассматривать отношения на этих платформах с точки зрения «фальши, обмана и подлинности», как если бы пользователи приложений воспринимали друг друга как реальных, не виртуальных людей. В связи с этим авторы предлагают рассматривать пользователей как тех, кто создает собственный «бренд» и воспринимает других участников романтического рынка как бренды самих себя¹. В качестве брендов самих себя пользователи обмениваются знаками и интерпретируют их, и, основываясь на этих интерпретациях, создают нетипичное и своеобразное социальное понимание интимности, опосредованной цифровыми технологиями. И, повторимся, пользователи осознают нетождественность реального Я и брендированного Я.

Это «раздвоение» личности создает проблему: знаковая ценность создаваемых брендов сложна и изменчива, пользователи не могут быть уверены в том, насколько даваемые ими интерпретации других брендов соответствуют реальному Я кандидатов в партнеры, и эта неопределенность превращается в низкий уровень доверия. В связи с этим авторы утверждают, что, вопреки слоганам дейтинговых приложений, они вовсе не упрощают процесс выбора партнеров, а вместо этого создают «структурную неопределенность»². «Ставка (betting), а не выбор, угадывание, а не знание – вот метафоры, которые лучше всего описывают коммо-

¹ *Arvidsson A.* «Quality singles»: internet dating and the work of fantasy // *New media & society*. – 2006. – Vol. 8, N 4. – P. 671–690.

² *Knight F.* Risk, uncertainty and profit. – London; New York: Dover publications, 2006.

дификацию интимности, характерную для культуры приложений для знакомств» (с. 428).

Но каковы проявления этой неопределенности, и вокруг каких транслируемых знаков брендированных Я она возникает? Приступая к анализу данных интервью и фокус-групп, авторы говорят о следующих источниках неопределенности: (1) выбор фотографии и (2) описание профиля (с одной стороны, профиль должен «работать», т.е. привлекать как можно больше потенциальных партнеров, с другой стороны – привлекать тех, кто может тебе понравиться, т.е. людей со схожими интересами и образом жизни), (3) специфика тех или иных приложений для знакомств (иначе говоря, на какую целевую аудиторию они рассчитаны, что важно, поскольку по этому параметру дейтинговые приложения отличаются, и это различие предполагает разные нормативные ожидания), (4) алгоритмическое управление («черный ящик», который непонятен пользователям и которой они, тем не менее, пытаются разгадать и обхитрить), (5) начало диалога (нормы ведения диалога изменчивы, и помимо того, что способы начать диалог приходится проверять методом проб и ошибок, «заготовленные» варианты становятся банальными и устаревают) (с. 434).

Авторы отмечают, что высокая неопределенность, с которой сталкиваются пользователи приложений для знакомств, демонстрирует, что рассмотрение этого типа платформ как рынка романтических отношений предполагает некоторые оговорки. Так, им не свойственна рыночная логика в классическом понимании, которая предполагает намного бóльшую степень прозрачности информации. Кроме того, обилие источников неопределенности ставит под сомнение предположение о том, что приложения для знакомств представляют собой рынок отношений, на котором действительно возможен рациональный выбор. При тестировании различных способов начала диалога или попытках подбора «работающих» фотографий и описаний профиля люди больше заняты «подгонкой» своих когнитивных, аффективных и поведенческих привычек к культуре и возможностям приложений для знакомств. Пользователи постоянно сталкиваются с техносциальной возможностью – и требованием – выбирать рационально и рефлексивно, и в то же время с невозможностью сделать это на основе каких-либо конвенциональных норм или стабильного и общего параметра. Дру-

гими словами, пользователи разрабатывают стратегии саморепрезентации, которые направлены не просто на демонстрацию своего лучшего Я на рациональном рынке, а скорее на создание работающего Я в предпринимательской социальной среде. Для этого они используют стратегии, основанные на «ставках и угадывании», которые позволяют им действовать на иррациональном и информационно скудном рынке, созданном дейтинговыми приложениями. Такое поведение отражает необходимость преодолевать структурную неопределенность, возникающую при взаимодействии с другими «квази-чужаками», о которых они кое-что знают, но далеко не все. Обращая внимание на все вышесказанное, авторы приходят к вопросам о природе социального капитала в приложениях для знакомств и поднимают вопрос о процессах построения межличностного доверия между пользователями.

Особенность социального капитала в дейтинговых приложениях состоит в том, что в отличие от других социальных сетей пользователи не могут поступательно накапливать капитал – в приложениях для знакомств нет списков друзей и нельзя отслеживать платформенную активность других людей (кому ставят лайки, какие пишут комментарии и проч.). Таким образом, построение межличностного доверия зависит от очень ограниченного объема информации.

Дейтинговые платформы предлагают пользователям «заготовленный социальный капитал», создаваемый на основе пользовательских данных и предоставляемый посредством мэтчинга. Такой специфический характер социального капитала означает, что построение межличностного доверия в условиях крайне высокой неопределенности опирается не на бурдьевистское понимание доверия как реципрокности и взаимности¹, а на лумановское понятие межличностного доверия, основанное на оценке риска от взаимодействия с незнакомыми людьми², что характерно для цифровых

¹ Bourdieu P. The forms of capital // Handbook of theory and research for the sociology of education / ed. by J.G. Richardson. – New York: Greenwood press, 1986. – P. 280–291.

² Luhmann N. Love as passion: the codification of intimacy. – Cambridge: Polity, 1986; Luhmann N. Familiarity, confidence, trust: problems and alternatives // Trust: making and breaking cooperative relations / ed. by D. Gambetta. – Oxford: Blackwell, 2000. – P. 94–107.

контекстов, в которых доминирует логика репутации (с. 437). Используя противопоставление этих двух концептуализаций доверия, авторы демонстрируют, что все обсуждавшиеся выше брендовые знаки (фотографии и описание профиля, способы начать диалог и вообще вести переписку в приложении) скорее выступают сигналами для снижения неопределенности, а не актуализацией взаимности, до которой дело доходит уже за пределами дейтингового приложения. В подтверждение этой точки зрения авторы, во-первых, приводят слова информантов о том, что они с опаской относятся к новым контактам в приложениях для знакомств и задают массу вопросов для проверки собеседника (что напоминает допрос); во-вторых, авторы опираются на данные из своих этнографических наблюдений о том, что до тех пор, пока разговор не переходит в другое приложение (соцсети и мессенджеры), – а это обычно происходит, когда есть перспектива очного свидания, – реального ощущения общения с «человеком» не возникает.

Таким образом, авторы приходят к своему главному выводу: несмотря на заявления платформ, ожидание прозрачности и кажущуюся рациональность и эффективность поиска знакомств через приложения, поиск партнеров никогда не был таким сложными. Приложения для знакомств, следовательно, воспроизводят фундаментальную неопределенность современных романтических отношений¹.

*Т.А. Архангельский**

¹ *Illouz E.* Op. cit.

* © Архангельский Т.А., реферат, 2024.

Архангельский Тихон Александрович – студент факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; taarkhangelskiy@edu.hse.ru

Arkhangelskiy Tikhon Aleksandrovich – student of the Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics; taarkhangelskiy@edu.hse.ru

СОЦИОЛОГИЯ ПАНДЕМИИ

ПАНДЕМИЯ COVID-19 И МОЛОДЕЖЬ В СОВРЕМЕННОЙ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: БОЛЬШЕ ДАВЛЕНИЯ, БОЛЬШЕ НЕСТАБИЛЬНОСТИ / МАКДОНАЛЬД Р., КИНГ Х., МЕРФИ Э., ДЖИЛЛ В.¹

Ключевые слова: молодежь; пандемия COVID-19; последствия пандемии.

Для цитирования: Пастушенко К.В. [Реферат]. COVID-19 и молодежь в современной и исторической перспективе: больше давления, больше нестабильности / Макдональд Р., Кинг Х., Мерфи Э., Джилл В. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2024. – № 1. – С. 161–164. – Реф. ст.: The COVID-19 pandemic and youth in recent, historical perspective: more pressure, more precarity / Macdonald R., King H., Murphy E., Gill W. // Journal of youth studies. – 2023. DOI: 10.1080/13676261.2022.2163884

Реферат поступил: 01.11.2023.

Принят к публикации: 15.12.2023.

Реф. ст.: The COVID-19 pandemic and youth in recent, historical perspective: more pressure, more precarity / Macdonald R., King H., Murphy E., Gill W. // Journal of youth studies. – 2023. DOI: 10.1080/13676261.2022.2163884. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13676261.2022.2163884?scroll=top&needAccess=true> (дата обращения: 15.12.2023).

¹ Автор выражает благодарность за помощь в подготовке текста и ценные замечания доктору социологических наук, профессору кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета Ларисе Григорьевне Титаренко.

Keywords: youth; COVID-19 pandemic; consequences of the pandemic.

For citation: Pastushenko X.V. [Article summary]. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2024. – N 1. – P. 161–164. Article summary: Macdonald R., King H., Murphy E., Gill W. The COVID-19 pandemic and youth in recent, historical perspective: more pressure, more precarity // Journal of youth studies. – 2023. DOI: 10.1080/13676261.2022.2163884.

Received: 01.11.2023.

Accepted: 15.12.2023.

Роберт Макдональд, Ханна Кинг, Эмма Мерфи и Венди Джилл анализируют социальные последствия кризиса, связанного с пандемией COVID-19, на этапе транзита от юности к зрелости. Авторы делают попытку выявить влияние пандемии на духовную, экономическую и социальную сферы жизни молодых людей. Исследователи отмечают, что влияние коронавирусного кризиса на молодежь оказалось намного серьезнее, чем изначально можно было предположить. Выводы авторов статьи основаны на результатах исследований, которые они провели среди молодежи северо-восточной Англии, а также на данных уже имеющихся работ, которые были посвящены непосредственным эффектам локдаунов и пандемии. Р. Макдональд и его коллеги провели онлайн-опрос, серию качественных полуструктурированных интервью, экспертных интервью и фокус-групп.

В опросе учитывались социодемографические данные респондентов; участникам было предложено ответить, какие положительные и отрицательные последствия пандемии и карантина они на себе ощутили. Их исследование осуществлялось в два этапа: на первом этапе (2020 г.) проводился опрос 14–30-летних британцев (школьников, студентов колледжей и университетов, начинающих специалистов, безработных; N=946), на следующем этапе (2021 г.) с некоторыми респондентами (N=35) была проведена серия индивидуальных глубинных интервью. Также участниками исследования стали социальные работники, занимающиеся проблемами мо-

лодежи, и представители рекрутинговых компаний; их опрашивали в рамках нескольких фокус-групп.

Результаты опроса показали, что респонденты часто говорили о своих семейных отношениях и повседневной жизни. Некоторые в этот период времени смогли укрепить отношения с близкими; в других случаях локдауны, напротив, способствовали росту напряжения в семье. Настроение респондентов также зависело от имеющихся у них домашних условий, например, наличие домашнего сада делало пребывание на карантине более комфортным. Многие опрошенные признавались, что страдали от тревоги, стресса, депрессии и негативных мыслей. Старшеклассники с небольшими социальными ресурсами опасались потерять возможность продолжать обучение в университете по окончании средней школы. Некоторые учащиеся отстали в учебе, особенно те, кто посещал государственные школы, в то время как ученики частных школ имели больше шансов продолжать образование без особых потерь, хотя и в онлайн-формате. Участники опроса также отмечали возникшую у них дома «семейную» конкуренцию за технические средства обучения / работы, неравенство в доступе к Wi-Fi и комфортным условиям для занятий онлайн; в некоторых семьях происходила «борьба» с домочадцами за удобное рабочее место.

Как отмечают Р. Макдональд и его коллеги, работающие молодые британцы, особенно те, кто трудился в сфере розничной торговли или гостиничного бизнеса, нередко попадали под «ковидные» сокращения или по требованию работодателей уходили в вынужденный отпуск. Опрошенные HR-специалисты говорили, что в период пандемии значительно возросло число молодежных заявок на вакансии начального уровня; сознательно «демпингующая» молодежь опасалась «застрять» на наименее привлекательных для нее видах работы. Из желания закрепиться на рабочем месте некоторые юноши и девушки были готовы к нарушению собственных трудовых прав и к безвозмездному труду, другие подвергали себя опасности, интенсивно работая в периоды локдаунов. Для многих участников исследования негативный опыт, связанный с трудоустройством, стал постоянным источником тревоги и стресса, а в некоторых случаях приводил к депрессии или паническим атакам. Кроме того, авторы статьи пишут, что британская молодежь еще до начала пандемии COVID-19 страдала от

безработицы, низких заработков и сложностей с покупкой жилья; из-за этого в Великобритании современное поколение даже называют «поколением арендаторов».

Несмотря на то, что данное исследование ограничено лишь выборкой молодежи на северо-востоке Великобритании, полученные в ходе него данные и их непротиворечивость результатам общенациональных опросов представляются важными. По словам авторов реферируемой статьи, необходимо и дальше изучать влияние пандемии COVID-19 на молодежь с учетом ряда сопутствующих социально-экономических факторов, включая актуальную ситуацию на рынке труда

*Пастушенко К.В.**

* © Пастушенко К.В., реферат, 2024.

Пастушенко Ксения Владимировна – студентка факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, г. Минск; kpast2003@yandex.ru

Pastushenko Xenia Vladimirovna – Student of the Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University, Minsk; kpast2003@yandex.ru

CURRICULUM: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИКА

РОЙС Дж. НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ОБ АНОМАЛИЯХ САМОСОЗНАНИЯ. ЧАСТЬ 1 (Перевод с англ.)¹

Ключевые слова: самосознание; патологии самосознания; Эго; не-Эго; социальные ситуации; привычки; чувства; эмоции.

Для цитирования: Ройс Дж. Некоторые замечания об аномалиях самосознания. Часть 1 / пер. с англ. В.Г. Николаева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2024. – № 1. – С. 165–192.

Перевод поступил: 21.10.2023.

Принят к публикации: 15.11.2023.

ROYCE J. Some observations on the anomalies of self-consciousness // Psychological review. – 1895. – Vol. 2. – N 5. – P. 433–457.

Keywords: self-consciousness; pathologies of self-consciousness; Ego; non-Ego; social situations; habits; feelings; emotions.

For citation: Royce J. Some observations on the anomalies of self-consciousness. Part 1. Translated from English by V.G. Nikolaev. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2024. – N 1. – P. 165–192.

Received: 21.10.2023.

Accepted: 15.11.2023.

От переводчика

Джосайя Ройс (1855–1916) – выдающийся американский философ, в разных интерпретациях предстающий как «неогегельянец»,

¹ Доклад, прочитанный в Медико-психологической ассоциации Бостона 21 марта 1895 г.

«объективный идеалист», «абсолютный идеалист», «прагматист», «критик прагматизма», «персоналист» и т.д. В Германии учился у В. Виндельбанда и Р.Г. Лотце; из американских философов на него больше всего повлияли основоположники прагматизма У. Джеймс и Ч.С. Пирс. С 1882 г. и до последних дней жизни он преподавал философию в Гарварде. В разные периоды жизни его философия менялась в акцентах и фокусировках. Одна из важных и интересных линий в его философии связана с персоналистской и социально-психологической тематикой (проблемы Я, сознания, самосознания, социального сознания)¹. В этой линии он близок – порой до неразличимости – к прагматизму, хотя во многом она выстраивается в противовес джеймсовскому индивидуализму и выглядит в этом конкретном контексте антипрагматистской. Идеи, развитые в этом русле Дж. Ройсом (прежде всего о производности человеческого Я, сознания, самосознания от взаимодействия с другими, социальных ситуаций, социальных отношений, социального сознания), были одной из важных отправных точек для философии и социальной психологии Дж.Г. Мида (как в ранних, так и в самых поздних их версиях). К серии текстов, в которых Ройс разрабатывает эту проблематику, относится и представленная ниже статья о патологиях самосознания. Ее высоко оценивал, в частности, Э. Гоффман, охарактеризовавший как «очень полезную» в понимании ряда аспектов самосознания, с добавлением, что три четверти века после публикации этой статьи «прогресс в этой области был скромным»². Для нас сегодня она

¹ На русский язык Ройс переводился крайне мало, но кое-какие важные тексты есть в русском переводе: *Ройс Дж. Моральное прозрение* / пер. В.Г. Николаева // *Личность. Культура. Общество.* – 2020. – Т. 22, вып. 1/2. – С. 25–45. – Глава из книги «Религиозный аспект философии» 1885 г.; *Ройс Дж. Самосознание, социальное сознание и природа* / пер. В.Г. Николаева // *Личность. Культура. Общество.* – 2019. – Т. 21, вып. 1/2. – С. 29–43; вып. 3/4. – С. 55–72. – Статья 1895 г.; *Ройс Дж. Физическая и социальная реальность* / пер. В.Г. Николаева // *Личность. Культура. Общество.* – 2020. – Т. 22, вып. 3/4. – С. 16–41. – Глава из книги «Мир и индивид» 1923 г. См. также две главы из книги «Философия лояльности» (1908): *Ройс Дж. Философия лояльности* / пер. Ст. Горностаева // *Развитие личности.* – 2017. – № 1. – С. 194–216; № 3. – С. 222–243.

² *Goffman E. Relations in public: microstudies of the public order.* – New York: Harper & Row, 1972. – P. 357.

интересна как минимум в качестве исторического документа, проливающего дополнительный свет на историю идей.

В настоящей статье я возьму на себя смелость выделить некоторые известные факторы, психологическим влиянием которых на рост и аномалии самосознания как у нормальных, так и у ненормальных людей, на мой взгляд, с чисто теоретической точки зрения, довольно неправоммерно пренебрегали. В частности, я попытаюсь показать, как эти игнорируемые в теории факторы могут помочь объяснить некоторые хорошо известные типы изменчивости, или ненормальности, которым подвержены функции самосознания, как они проявляются эмпирически. При этом, конечно, я буду избегать в этой статье всяких позитивных отсылок к отличительно метафизическим проблемам, на мысль о которых легко наводит слово «самосознание». Философские аспекты проблемы самосознания относятся к совершенно другой области. Начав этот вечер с чисто эмпирического факта, что любой нормальный человек имеет как часть своего ментального оснащения сознательные состояния и функции, предполагающие так или иначе его переживание, его знание, его оценку, или, если говорить в общем, его видение самого себя, и помня о том, что у многих людей с дефектами и расстройствами они – эти функции индивидуального самосознания – претерпевают многообразные и интересные изменения, я попытаюсь проиллюстрировать разные грани чисто психологической теории этой темы. Я выступаю перед практиками, которые в то же время являются учеными. Так что мне не нужно извиняться за то, что я предложил проблему, в которой, при всей ее трудности, полно как научно привлекательных, так и практически важных элементов. Ведь видоизменения и дефекты функций самосознания относятся, несомненно, к числу самых частых явлений в сфере ментальной патологии.

I

Во внутренних своих аспектах и связях то, что мы подразумеваем под самосознанием у любого человека, есть необычайно сложная функция, или, скорее, маленький мир функций. Но этот

мир функций строится вокруг некоторых хорошо знакомых привычек и переживаний, которые сразу же помогают нам пусть и не объяснить, но по крайней мере наперво определить нашу проблему. А именно: у любого зрелого человека имеются некоторые закрепленные моторные привычки, которые, в зависимости от того, выглядят они неповрежденными или нет, позволяют нам сразу же проверить извне относительную нормальность всего, что принадлежит к тому, что можно назвать простой рутинной самосознания индивида. Имеются также некоторые внутренние переживания, в рамках которых сам нормальный индивид от мгновения к мгновению может чувствовать себя уверенным в очевидной естественности собственного представления о себе или оценки самого себя. Зрелый человек с нормальным самосознанием, если его средства выражения себя целы и невредимы, должен быть способен объяснить, «кто он такой», т.е. должен быть способен назвать свое имя, чем он занимается, свои общие жизненные связи и все прочее, что будет существенным для практической цели его идентификации. Кроме того, его описание самого себя должно быть способно показать оценку, ни в коем случае не адекватную и непогрешимую, но по крайней мере не слишком уж нелепую, его действительной степени социального достоинства, личной значимости и физических способностей. Он, разумеется, будет обыкновенно оценивать свою ценность, свою удаль или даже свой социальный ранг не в точности так, как это делают другие. Но у подобной оценки есть свои нормальные, хотя и довольно широкие, пределы погрешности. Если человек выходит за эти пределы, то его описание самого себя доказывает наличие расстройства самосознания. Наконец, поскольку речь идет об описании самого себя, которое может дать нормальный человек, он должен выказать некоторую степень нормальности в отношении того, что он может рассказать о своем теле и о его текущем состоянии. Здесь, конечно, пределы погрешности очень широки, но все же вполне определены. Человек обычно очень плохой судья своих внутренних телесных состояний. Но если он говорит, что состоит из стекла, что он чувствует себя ростом с милю или что он сознает, что у него вообще нет тела, то мы распознаем расстройство, заключающее в себе изменения самосознания.

В собственном уме, между тем, и с собственной точки зрения человек с нормальным самосознанием более или менее знает о

себе много такого, о чем ему довольно трудно предоставить сколько-нибудь ясный отчет. И все же это внутренне нормальное самосознание имеет в любое время определенное, пусть и нелегко определимое, содержание, которое в своей относительно невыразимой сложности построения выходит далеко за пределы того, что человек выражает, когда говорит вам свое имя, рассказывает о своем месте в жизни, своем образовании или своем представлении о собственном телесном состоянии. Это нормальное внутреннее самосознание предполагает прежде всего то, что мы сегодня обыкновенно называем, с психологической точки зрения, массами довольно смутно локализованных телесных ощущений, которые – именно постольку, поскольку они воздействуют на наше общее сознание, – не дифференцированы резко одно от другого. Источник этих ощущений находится в коже, в мышцах и отчасти во внутренностях. Более того, зрительное восприятие тела, слуховые переживания звука своего голоса и еще другие чувственные содержания, включая более общие ощущения движения тела, явно определяют – то больше, то меньше – содержание или окраску нормального самосознания. Если любые из этих масс чувственных содержаний внезапно изменятся, то может во многом измениться и наше непосредственное самосознание. Головокружение, ощущение сдавленности в голове, общее чувство физического недомогания, покраснение лица, звон в ушах – все из этого может заключать в себе то, что мы сначала принимаем за общее изменение в нашем самоощущении и только потом отделяем от своего Я как отдельную и локализованную группу переживаний. Вообще говоря, чем точнее мы локализуем наши ощущения и чем больше относим их к внешним объектам, тем меньше эти чувственные переживания смешиваются с нашим целостным непосредственным ощущением самих себя. Локализованное, или объективированное чувственное состояние предстает чем-то чуждым, чем-то таким, что приходит к нам, досаждаст нам или иным образом воздействует на нас, но не является частью Я; и лишь относительно философская рефлексия рассматривает даже наши восприятия как часть нас самих. Наше более наивное самосознание склонно считать чувственное, или непосредственное Я смутным целым, от которого отделяются собственные определенные переживания этого места на коже, этого цвета или звукового тона или этого внешнего объекта.

Между тем наше внутреннее представление о себе в самосознании никоим образом не ограничивается этой сравнительно грубой апперцепцией массивных чувственных содержаний. Помимо этого, наше нормальное зрелое осознание того, кто мы и что мы собой представляем, означает то, что можно назвать собранием ощущений внутреннего контроля, владения собой, или, как многие сказали бы, спонтанности. Если такие чувства начинают меняться или теряться, человек жалуется на смятение, на чувство самоотчуждения, беспомощности, апатии, душевного автоматизма или распада личности. Фактически, поскольку ассоциативные процессы всегда зависят от условий, которых мы не осознаем, наше чувство того, что мы можем управлять и управляем всей текущей вереницей наших сознательных состояний, является, при обычном его переживании, ошибочным чувством. Но если мы не можем реально предопределить в сознании, какая идея предстанет сознанию следующей, а зависим, даже при самом ясном мышлении, от счастливой поддержки нашего ассоциативного механизма, то все еще будет нормальным чувствовать так, как если бы в целом наш внутренний процесс был в некоторых отношениях относительно спонтанным, т.е. контролировался нашими правящими интересами и нашим волеием. Это чувство внутреннего самообладания, разумеется, дело чрезвычайно тонкое и неустойчивое, и в него постоянно вмешиваются в большей части нормальной жизни не только серии неконтролируемых чувственных новшеств, обусловленные внешним миром, но и непостижимые вариации либо в игре наших импульсов и идеальных ассоциаций, либо в тональности наших эмоций, либо и в том и в другом. И все же, когда мы бдительны, эти постоянно возникающие мелкие вмешательства сразу нам подчиняются. Мы испытываем, возможно, какие-то сиюминутные трудности с припоминанием имен или других необходимых идей из неидеально освоенной группы, либо чувствуем такую же минутную нерешительность относительно того, что лучше всего сделать прямо сейчас, или наше внимание становится блуждающим, наш эмоциональный настрой – неприятно давящим, а наши импульсы – многочисленными и своенравными. Но во всех этих случаях мы все еще можем при нормальном положении дел «удерживать себя под контролем», т.е. принимаем как собственное любое содержание, какое бы ни возобладало в игре ассоциативных

процессов, и из мига в миг находим подтверждение наших существенных ожиданий теми внутренними переживаниями, которые образуют центр ментального поля зрения. Если этот контроль больше не руководит нашей внутренней жизнью, то наше самосознание начинает меняться, и мы страдаем от замешательства или от других форм ощущения утраты внутреннего контроля.

Таким образом, Я обыденного самосознания проявляется сразу как относительно стабильная группа нелокализованных чувственных содержаний и как видимый контролер цепочки ассоциированных идей, импульсов и актов внимания или выбора. Конечно, эти две стороны Я тесно связаны. Именно ассоциативное могущество главенствующих чувств и интересов более всего гарантирует факт и чувство внутреннего самоконтроля. Между тем Я также кажется или может казаться его обладателю чем-то гораздо большим, чем любая группа фактов или функций, в данный момент присутствующих. Он, как известно, считает наличное Я всего лишь представителем того Я, которое присутствовало в воспоминаемом прошлом наших жизней и которое будет присутствовать в ожидаемом будущем, на которое мы надеемся. И обычно самосознание не исчезает с этим воззрением. Качества, атрибуты, функции и другие органические составляющие Я обычно простираются, с нашей точки зрения, далеко за пределы всего, что может быть напрямую представлено в любой серии наших обособленных внутренних переживаний, какой бы она ни была продолжительности. Когда человек тщеславен, его самосознание включает в себе представление, что его Я реально существует тем или иным образом для мыслей и оценок других и, если не обладает их похвалой или их завистью, то по крайней мере их заслуживает. Когда человек чувствует себя виновным, он не абстрагируется и не может абстрагироваться от мысленного присутствия своего Я в опыте и для опыта реального или идеального судьи своей виновности. Во всех подобных случаях Я самосознания, стало быть, оказывается чем-то таким, чего не было и не могло бы быть, если бы в мире не было других, которые бы наблюдали его, оценивали, были руководимы им, иным образом находились под его влиянием или взывали к нему. Так вот, с таких точек зрения Я самосознания обретает в итоге форму как существо, которое воспринимает себя как обладающее общественным положением, должностью, профессией –

короче говоря, обширной группой функций, без которых Я предстало бы себе, относительно говоря, просто ничтожеством, в то время как эти функции рассматриваются как органически соединенные с Я и сосредоточенные в нем и в то же время немислимы, если человек не выходит за пределы своего частного сознания и не принимает во внимание идеи и оценки других людей.

Каждый нормальный человек, таким образом, знает, что значит быть персоной с социальной позицией, или достоинством, или местом в мире, или характером; человеком, кичащимся собой или стыдящимся себя, социально уверенным в себе или стесняющимся себя, или как-то еще расположенным видеть себя либо так, как, видимо, видят его другие, либо так, как в его фантазиях они должны его видеть, либо так, как, согласно его вере, его видит Бог. И такой взгляд на собственное Я не может удовлетвориться никакой группой внутренних фактов, как бы она ни была обширна, как содержащей в себе целиком собственное эго. Этот взгляд понимает должность, призвание, достоинство, ценность, положение как собственность, или реальную сторону Я, и в то же время как такую собственность или сторону, которая исчезла бы из мира, если бы Я не мыслилось как существующее, помимо себя, для других, иными словами, если бы Я не мыслилось как обладающее не только внутренней, но и внешней формой существования.

Я нормального самосознания, стало быть, ощущается в любой момент как эта относительно стабильная группа внутренних состояний; также оно ощущается или мыслится как предположительный спонтанный контролер общего или основного потока последовательных сознательных состояний; оно вспоминается или ожидается как прошлое или будущее Я, которое так или иначе воспринимается как более или менее совпадающее с нынешним Я; и наконец, оно видится как обладающее любопытным собранием внешних функций, заключающих в себе его действительную ценность, могущество, доблесть, репутацию или должность в его внешних социальных отношениях с другими действительными или идеальными Я, например с его ближними, с человечеством в целом или – в случае, если вера его заходит так далеко, – с Богом.

Так вот, как непосредственное Я массы внутренних ощущений может меняться или Я, заключенное в чувстве самоконтроля, может претерпевать более или менее патологические изменения,

точно так же и идентичное, или устойчивое Я памяти в нездоровых условиях может приходить в беспорядок, расщепляться или утрачиваться; и точно так же, наконец, Я социального типа самосознания подвержено очень хорошо знакомым нам формам болезненных изменений. Прежде всего, социальное Я может стать объектом болезненно депрессивной или экзальтированной внутренней оценки. Общественная доблесть человека, его положение, должность и прочие связи – и с Богом, и с человеком – могут быть осмыслены экстравагантнейше ложными способами. Более того, как я хотел бы сразу подчеркнуть, самые примечательные изменения самосознания, проявляющиеся в сумасшествиях, заключающих в себе мании подозрительности, преследования и величия, оказываются при ближайшей проверке патологическими вариациями социального аспекта самосознания. Отметим сразу же возможную значимость этого факта. Как бы вы ни объясняли мании вины, подозрительности, преследования и величия, как бы упорно вы ни относили их источник к измененным чувственным или эмоциональным состояниям, они предстают перед вами, как только вполне развились, вариациями сложившихся у пациента привычек оценивания его отношений с другими Я. Они заключают в себе, следовательно, *болезни социального сознания*. Теоретическая значимость этого факта явно представляется заслуживающей более пристального внимания, чем то, которое обычно ей уделяют.

Поскольку психолог как таковой может позволить себе хранить полное безразличие к вопросу о том, существует ли какое-либо реальное бытие, называемое Эго, или не существует, и поскольку, следовательно, еще меньше его интересует философская проблема того, какими формами бытия может обладать реальное Эго (в случае, если оно существует), то меня здесь очень мало заботит ответ на тот вопрос, к которому некоторых из вас, возможно, уже подвели только что приведенные соображения. Я имею в виду вопрос о том, может ли Эго реально обладать тем двусмысленным видом внешнего существования – вне собственной цепочки сознательного опыта, – который, как мы увидели, социальный род самосознания, похоже, атрибутирует Я. Когда я чувствую себя скромным или экзальтированным, униженным или полным собственного достоинства, виноватым или справедливым или когда я говорю «Я занимаю этот общественный пост, или положение», я

кажусь себе человеком, чьи действительная природа и функции включают больше фактов, чем может вместиться в мое собственное сознание. Ведь если я не верю в свои реальные связи с моими ближними или с Богом и не мыслю эти связи как являющиеся каким-то образом частью меня самого, то у меня не будет того материала, из которого я мог бы соткать представление о своем ранге, своих обязанностях и своей внешней значимости. Но защитима ли эта идея меня самого или нет с философской точки зрения, несколько нас здесь не интересует. Для нас достаточно того, что человек обычно имеет именно такой взгляд на собственную природу и что патологические вариации такого взгляда – хорошо известные и важные феномены.

II

В предшествующем очерке я просто рассказывал о хорошо известных психологических явлениях. С тем, что наше человеческое самосознание включает в себе все эти различные элементы, можно сказать, согласятся все. Проблема в том, как все эти элементы сочетаются друг с другом. И потому нам нужно далее обратиться к только что названной центральной проблеме, а именно – спросить в чисто психологическом смысле: как сложный ментальный продукт, называемый самосознанием, образуется из этих многочисленных элементов, почему, когда он сформировался, почему он настолько изменчив и, наконец, почему, когда он меняется, он меняется в направлениях, о которых так часто рассказывают?

Именно здесь наше теоретическое знание в настоящее время является крайне скудным. Коллекция наблюдаемых фактов, собранных на данный момент, конечно, значительна. Читатели книги Рибо «Болезни личности»¹ знают, к каким общим типам изменчивого самосознания в наибольшей степени было приковано внимание. Потеря чувства личности; или опять же бредовое восприятие себя как умершего, потерянного, ставшего автоматом; ощущение или идея человека, будто внутри него поселилось инородное, или другое Я; или приписывание собственных мыслей или действий другому, совершенно внешнему лицу или лицам; перемена или

¹ Рус. пер.: Рибо Т. Болезни личности. Опыт исследования. – Минск: Харвест; Москва: АСТ, 2001. – Прим. пер.

мнимо действительное умножение собственной личности; или отказ считать собственное наличное Я идентичным своему прошлому Я – вот некоторые из изменений, которым подвержено самосознание, в придачу к ранее упомянутым изменениям явно социального типа самосознания. Но когда мы спрашиваем, почему любое из этих изменений происходит, мы имеем пока только один несомненный, но теоретически неадекватный ответ, а именно: во всех таких случаях имеются изменения в общей восприимчивости, в памяти или в том и другом. Итак, без сомнения, видно, что самосознание предполагает общую восприимчивость в ранее указанном смысле. Тогда понятно, что если это ядро в нормальном случае стабильных, неясно локализованных сенсорных состояний и чувств меняется, то и представление человека о самом себе может естественным образом измениться. И человек, не покидая пределов обычного опыта, знает и понимает, что значит сказать, когда эти центральные массы чувств более или менее меняются: «Я чувствую себя странно; чувствую, что я изменился; я уже не совсем я; я не тот, что прежде». Немного расширив воображение, он может также понять такой бред, как «я сделан из стекла», так же хорошо, как любой другой бред. Ибо здесь наши грезы помогают нам увидеть наш путь, и нужно лишь предположить, что некоторая ассоциация идей, за счет которой получает истолкование частичная потеря чувствительности, закрепляется и становится исключительной, чтобы увидеть, как бредовые идеи в отношении телесного состояния или конституции, присутствующие в какой-то мере у всех ипохондриков, могут принять такие крайние формы. Точно так же и простое утверждение «я потерян» или «я погиб» является на поверхности просто назойливым вербальным утверждением или, в лучшем случае, внутренним суждением, исключительное присутствие которого в сознании обусловлено просто нездоровой привычкой, и развитие смысла и логических следствий которого у пациента в маниакально определенной форме нам часто вообще нет нужды предполагать. Эти феномены там, где они явлены в одиночку или отделены от остальной жизни пациента, предполагают скорее патологические упрощения содержаний сознания, болезненные ассоциации чувственных ощущений с простыми группами слов или идей, чем какие-то другие процессы. До сих пор, следовательно, мы видим какой-то свет.

Иначе обстоит дело, когда человек говорит «меня двое» и действительно развивает последствия этого внутреннего многообразия Я. Здесь, разумеется, феномены грез и простейших форм временного бредового состояния, как при горячке, приносят подобный род раздвоения во вспоминаемый опыт очень многих людей; и известные моральные и поэтические высказывания о двух или более Я, поселившихся в одной груди, уподобляют такие опыты опытам нормальных людей. Но сознание человека в таких случаях проливает мало прямого света на то, как эти явления возникают. Иногда, разумеется, при бредовом состоянии их основа явно галлюцинаторна, как, например, когда пациент, пребывая в горячке, видит себя в телесном присутствии стоящим на каком-то расстоянии или лежащим в кровати. Но даже тогда хотелось бы больше света в вопросе о том, имеет ли такая тенденция к патологическому удвоению – и каким образом – какое-то естественное основание в понятных привычках нормальной жизни. Эта проблема выглядит даже еще более настоящей, когда мы замечаем, что ощущение внутреннего раздвоения личности часто возникает без всякой очевидной основы в галлюцинациях особых органов чувств. В таких случаях наши нынешние теории опять же часто прибегают к вариациям общей восприимчивости. Однако здесь мы не видим, чтобы любого заметного изменения в содержаниях центрального ядра чувственного Я было самого по себе достаточно для объяснения склонности к осознанию этого Я как двойственного. В существовании измененной общей восприимчивости в таком случае сомнений не возникает; чего не удастся уследить, так это связи между таким изменением и новыми привычками суждения или апперцепции, складывающимися на этой основе.

Однако не хочу обременять вас простым перечислением проблем и не буду далее задерживаться на неадекватностях нынешних теорий факторов самосознания, делают ли эти теории упор в своих объяснениях вариаций эго на общую восприимчивость или на память как на основной фактор. Нужно только показать, что, хотя и общая восприимчивость, и память определенно во многом причастны к устройству Я, проблема самосознания таким образом полностью не решается. Нужно взглянуть еще на другие факторы. Стоит лишь вспомнить, что некоторые крупные изменения общей восприимчивости заключают в себе, похоже, вообще

очень мало изменений в самосознании, и мы поймем, насколько сложна эта проблема.

А что касается самой реальной проблемы, то она определенно связана с происхождением, природой и вариациями некоторого важного собрания ментальных привычек. Что это за привычки? Как они возникают? Я твердо настаиваю, что простой каталог содержаний самосознания мало чем нам поможет, если мы не можем проинтерпретировать факты через известные законы привычки. Ибо человек самосознателен в той мере, в какой у него сформировались привычки отношения к себе, воспоминания, оценивания и направления самого себя. И всякий раз, когда эти привычки втянуты в игру, все они, на чем я далее должен настаивать, имеют общий и примечательный характер. Когда человек почитает себя как данное индивидуальное Эго, он всегда противопоставляет своему Эго что-то другое, а именно: некоторый особый объект, репрезентированный частью его сознательных состояний и известный ему как его в данный момент присутствующее и интересующее его не-Эго. Это психологическое не-Эго, репрезентированное в собственных сознательных состояниях, разумеется, очень редко представляет собой весь мир или что-то сколько-нибудь абстрактное. В остальном это не-Эго очень изменчиво. И тут очень важно, что наши ментальные привычки таковы, что Эго, которое человек сознает, меняется вместе с тем особым не-Эго, с которым он там-то и тогда-то, как ему в его сознании представляется, сталкивается. Если я дерусь, то моим сознательно представляемым не-Эго является моя идея моего оппонента. Следовательно, самого себя при этом я сознаю как того, кто с ним дерется. Если я влюблен, то мое не-Эго мыслится как моя возлюбленная, а мое Я, как бы его трепетная струнная партия ни тщила исчезнуть в музыке из поля зрения, – это Я моей страсти. Если я важно похаживаю с нафантазированным достоинством, то мое не-Эго – мир людей, которые, как я втайне надеюсь, мной восхищаются. Соответственно, я существую тогда для самого себя как созерцаемый всеми созерцателями, как образец. Если я впал в отчаяние и самоуничужение, то моим не-Эго будет мир помысленных реальных или идеальных людей, чье воображаемое презрение интересует, но захлестывает меня, и я существую для себя как презираемое Эго, достойное их неприязни. Когда я выступаю с речью, моим не-Эго оказываются особа или

особы, к которым я обращаюсь, а мое Эго – спикер. Если я вдруг замечаю, что, хотя я говорю, никто не обращает на меня внимания, то и не-Эго, и мое Эго в моем сознании драматически меняются сообщая друг с другом. Эти два содержания сознания, следовательно, психологически связаны. В одиночку я еще не являюсь самим собой. Мое сознание моего Эго – это сознание, окрашенное моими мысленными связями с моим бесконечно меняющимся сознанием не-Эго. И обратите внимание: я так же мало говорю здесь о каком-либо метафизически реальном не-Эго, как и о каком-либо метафизически реальном Эго. Весь вопрос здесь состоит в ментальных состояниях и действительных привычках их группирования, а не в относительных и уж тем более реальных связях за пределами сознания. Я всего лишь указываю на тот факт, что в зависимости от того, как человеку случилось так-то и так-то помыслить не-Эго своего сильнейшего текущего интереса, он, с другой стороны, мысленно представляет свое Эго так-то и так-то, а именно как нечто связанное с этим не-Эго, противопоставленное ему, озабоченное им, владеющее им, сокрушенное им, желающее победить его – любое, каким игра привычки и интереса заставит эту вещь казаться. Здесь, думаю, и кроется реальный ключ ко всем вариациям Самосознания, независимо от того, затрагивают их состояния общую восприимчивость или нет.

Психологическая проблема самосознания сводится тогда к следующей форме. Нужно спросить: как человек приходит к формированию всех этих привычек проведения в собственном сознании границы между ментальными состояниями, репрезентирующими не-Эго, и ментальными состояниями, складывающимися в центральный объект, называемый Эго? Нужно также спросить: откуда приходит весь этот материал для вариаций, благодаря которому содержание, называемое Эго, беспрестанно сдвигается вместе с изменением содержания, называемого не-Эго? И еще надо выяснить вот что: как конституция и вариации Эго обретают ту тесную связь с ощущениями общей восприимчивости, на которой мы делали акцент с самого начала?

И на все эти вопросы, как я полагаю, предложили по меньшей мере правдоподобный ответ недавние исследования детства. Существенная основа для ответа, который предложу я, была получена во многом независимо моим другом профессором Болдуином

из Принстона и мною. Профессор Болдуин дал некоторым сторонам дела, поскольку речь идет о детской жизни, намного более полную проработку, чем я, – как в своих ранних статьях, так и в своей недавно изданной книге «Ментальное развитие ребенка и человеческого рода»¹. Я, в свою очередь, в недавнем обсуждении на страницах журнала *Philosophical review* (Корнеллский университет) сформулировал свои представления относительно некоторых философски важных сторон развития самосознания. Между тем приложение этих теоретических соображений к изучению патологических вариаций самосознания в настоящей статье, на мой взгляд, обладает новизной.

Ранняя интеллектуальная жизнь ребенка для нас окутана пеленой, несмотря на многочисленные недавние наблюдения. Вместе с тем ясно, что у младенца в первые месяцы жизни нет ничего, что можно было бы назвать самосознанием. Первые находимые нами ясные признаки присутствия некоей понятной нам формы самосознания появляются тогда, когда младенец начинает наблюдательно подражать актам, а позднее и словам окружающих его людей. Иначе говоря, первое Эго внятного сознания ребенка оказывается в его разуме противопоставленным не-Эго, образуя для ребенка из воспринимаемых удивительных и более или менее значимых для его самочувствия поступков людей в его окружении. С этого времени до 7–8 лет всякий нормальный ребенок продолжает последовательно, хотя, возможно, и очень избирательно подражать поступкам, привычкам, играм, обыкновениям и часто в высокой степени идеальным и, возможно, всецело воображаемым образцам такого рода, какие внушаются ему волшебными сказками и прочим подобным материалом. Когда прослеживаешь развитие этих подражательных тенденций от их начальных довольно прямолинейных стадий через те стадии проработанного перевоплощения и шуточных, оригинально окрашенных, часто необычайно требовательных игр, на которых ребенок следует всякого рода реальным и фантастическим образцам, поражаешься тому, что любой нормальный ребенок ведет, условно говоря, две жизни:

¹ Рус. пер.: Болдуин Д.М. Духовное развитие детского индивидуума и человеческого рода. Методы и процессы. – Москва: Московское книгоиздательство, 1911. – Прим. пер.

одна из них наивная, крайне эгоистическая с нашей точки зрения, но относительно свободная от сколько-нибудь заметного самосознания в разуме самого ребенка; другая же его жизнь – это жизнь, в которой он развивает свои сознательные идеи и взгляд на самого себя как на личность. Относительно наивная жизнь – жизнь его детских желаний и страстей; относительно самосознательная жизнь – жизнь его имитаций и драматических перевоплощений, его поз и ухищрений, его игр, его величественно фантастического мастерства и его бесчисленных социальных привычек и установок, произрастающих из этого источника. Эти две жизни всевозможными способами смешиваются и пересекаются. Однако ребенок, который просто ест, кричит и наслаждается своим физическим благополучием, не самосознателен в это мгновение, в отличие от ребенка, играющего в лошадку, героя или доктора и усердно старающегося следовать начертанному образцу или изобрести такой же хороший трюк, как и тот, что он видел. Второй ребенок, по существу, подражатель: сначала он подражает людям, потом – идеям, затем – фактам физического мира как такового. Первый же – просто творение естественных порывов и страстей; он никогда не пришел бы к самосознанию, в нашем смысле, если бы его жизнь не формировалась постепенно теми сложными привычками, которые постоянно вводит в дело подражательный ребенок.

Психологическая значимость подражания кроется по большей части в том, что, когда ребенок подражает, он получает идеи о внутреннем значении или намерении имитируемых поступков и тем самым знакомится с тем, что он рано обнаруживает как разум других людей. Ребенок, повторяющий ваши слова, мало-помалу узнает, что они означают. Ребенок, пользующийся вслед за вами ножницами, карандашом или другими орудиями, узнает, подражая, что значит резать, рисовать или делать другие вещи. И, узнавая это, он получает представленными своему сознанию содержания, которые он считает обозначающими содержания вашего разума. Пережитый в опыте увлекательный результат симитированного поступка является для ребенка очевидным значением этого поступка для вас, когда вы его совершили. Но он не получает эти содержания – эти проблески вашего смысла; не получает их вначале очень легко. Он добывает их, упорно наблюдая за вами, слушая вас, играя с вами, пытаясь быть похожим на вас, – и все

эти деятельности у него заключают в себе мышечные ощущения, эмоциональные озабоченности и другие вариации его общей восприимчивости. Эти его попытки ухватить ваш смысл являются заметными и часто приятными событиями его сознания. Он снова и снова возвращается к своим любимым играм с вами. Он каждый раз сталкивается с вашим смыслом и сопоставляет с ним те переживания собственных действий, благодаря которым приходит к участию в вашем смысле. Здесь, стало быть, ребенок всегда представляет себе два множества содержаний, оба чарующие, и каждое по контрасту резко запускает другое, а сам этот контраст устанавливает границу между ними. Первое множество содержаний – это его восприятие ваших поступков и репрезентация ваших значений, открытых в этих поступках. Второе множество содержаний – это его собственные подражательные акты, как они воспринимаются им самим, и его удовольствие от этих актов. Первое множество содержаний зависит от вас. Ребенок ощущает их как неподконтрольные. Будучи восприятиями и репрезентациями, эти содержания не входят в плотное соединение с общей восприимчивостью ребенка. Они удерживаются отдельно как внешние, хотя и желанные привнесения. В свою очередь, другое множество содержаний – собственные новооткрывшиеся способности ребенка, обусловленные его подражанием, – плотно выстраивается вокруг его общей восприимчивости, сопровождается всеми ощущениями, составляющими чувство контроля, и соответствующим образом отныне вспоминается. Первое множество содержаний образует психологическое не-Эго этой особой фазы сознания. Второе множество содержаний образует психологическое Эго, которое ему соответствует. Мы видим, почему Эго-часть этого рода сознания включает общую восприимчивость и чувство волевого контроля и почему не-Эго здесь предполагает содержания, отделенные по контрасту как неконтролируемые и не связанные тесно с общей восприимчивостью. И именно в этом контрасте кроется источник подлинного самосознания. Мы не наблюдаем некоторую данную группу ментальных содержаний как таковую, если они не отделены контрастом от других содержаний. У человека могли бы быть вся общая восприимчивость, какая угодно, и все ощущения волевого контроля – без того, чтобы он замечал когда-либо эту тотальность объединенных или централизованных ментальных содержаний как таковую,

ясным образом отделенную от остального поля собственного сознания. Даже теперь все мы склонны терять ясное самосознание, как только растворяемся в какой-либо деятельности, такой как гребля, восхождение в гору, пение, посвистывание, осматривание окрестностей, – в любой деятельности, говорю я, чей объект не привлекает наше внимание резким контрастом между своим внешним значением и нашими усилиями к нашей специфической связи с каким-нибудь не-Эго. И все же, когда мы гребем в одиночку или взбираемся в гору, общая восприимчивость присутствует так же насыщенно, как и во многих наших самых настороженно самосознательных состояниях. С другой стороны, когда я усердно стараюсь ясно донести свой смысл до другого человека или выяснить, что он имеет в виду, я самосознателен ровно настолько, насколько я противопоставляю мою идею его поступков и мыслей собственной попытке приспособиться к его поступкам и мыслям. И именно такое усилие, именно такой контраст, похоже, и опосредуют первые проявления самосознания у подражающего ребенка и обеспечивают склонность Я выстраиваться вокруг общей восприимчивости, в то время как не-Я отделяется от нее. Тогда, стало быть, мы видим правило: если кто-то остро сознает себя, то в центре должна располагаться общая восприимчивость. Но, с другой стороны, человек может иметь богатую общую восприимчивость и без сколько-нибудь острого самосознания. Для самосознания существует контраст между Эго и не-Эго.

Но, разумеется, отношения ребенка с изменчивыми не-Эго сознания не остаются лишь подражательными. Как только в его мире появляются другие умы, функция, суть которой состоит в контрасте между его концепциями этих умов и его видением собственной реакции на них, может приобретать столь много форм, сколько определено его природными инстинктами. Его наивная жизнь желаний постепенно заражается его сознательными связями с другими людьми. Он нуждается в хороших вещах, и, возможно, он должен изображать нежные чувства, проявлять вежливость или изобретать какие-то другие социальные инструменты, чтобы получить то, что хочет. Здесь опять же мы обнаруживаем деятельность, зависящую от контраста между его намерением и помысленными или воспринятыми личными особенностями и прихотями, к коим он приравнивает свое скромное мастерство, и выводящую в по-

ле зрения этот контраст. Он учится разговаривать и получает новую форму контраста между высказываниями других (которые он интерпретирует путем выслушивания) и собственными идеями и смыслами. Он достигает возраста, когда задают вопросы, и начинает систематически всматриваться в умы других как в бесконечно богатое не-Эго, в присутствии которого он, по контрасту, самосознателен как исследователь. Здесь всякий раз у него есть существенный элемент контраста, от которого зависит любое самосознание. Позже схожие контрасты заключают в себе споры и ссоры. Если брать внешний физический мир, то то, что больше всего будет заботить в нем ребенка, по большей части определяется для него его социальными отношениями. Любую привычку, какую бы он ни приобретал посредством социального подражания, он может, следовательно, в итоге применить как к людям, так и к вещам. По сути дела, он поразительно часто анимистичен, напрямую применяя социальные привычки к физическим связям и считая вещи живыми. Он и здесь становится самосознательным, противопоставляя собственные деятельности мысленно воспринятым природе и значениям внешних вещей. Я совершенно не имею в виду, что ребенок рассматривает все природные вещи анимистически, но по причинам, которые раньше уже приводил, придерживаюсь мнения, что вся наша склонность к проведению резкого различия между собой и внешним физическим миром, которую все мы проявляем, есть производная тенденция, обусловленная в случае ребенка социальными влияниями. Именно язык, именно описания вещей, которые люди дают нам, именно социально приобретенная привычка вопрошания – именно такие вещи простирают контраст между Эго и не-Эго, являющийся поначалу главным образом социальным контрастом, на отношения между собственным разумом и своей физической средой. Даже теперь, как я только что указал, если забыть, что природа полна мыслимых таинств, значений, законов и иных идеальных содержаний, смысла которых мы не понимаем, если забыть это и впасть в сугубо деловой и всепоглощающий физический опыт, как, например, когда мы в одиночку взбираемся в гору, гребем или беззаботно насвистываем во время прогулки, в эти моменты мы забываем быть самосознательными именно потому, что теряем из виду заостренные контрасты Эго и не-Эго.

III

Но, если вернуться к эксплицитно социальным отношениям, есть еще один фактор, который можно заметить в наших ранних связях с нашим мысленно представляемым социальным не-Эго. И это тот факт, что в силу нашего инстинктивного ментального склада, как он сформирован нашими социальными привычками, мы рано подвержены огромному множеству более или менее вторичных эмоций, каждая из которых заключает в себе значительные изменения в общей восприимчивости, в то время как все эти особые эмоции возникают при обстоятельствах, делающих явным контраст между собственным Я и своей идеей разума своего ближнего. Такие эмоции мы получаем, будучи детьми, когда люди хвалят нас, упрекают нас, гладят, называют лаковыми именами, пристально смотрят на нас, окликают нас по имени, задают нам вопросы и иным образом обращаются к нам так, что это заслуживает внимания. Такие же эмоции мы получаем уже в новых формах в молодости, когда во всю нашу социальную жизнь начинает проникать тонкая окраска половых эмоций. Такими эмоциями являются стыд, любовь, гнев, достоинство, удовольствие от своего внешнего вида, явленного другим, волнения социальных ожиданий, страх показаться плохим в глазах других. Такие эмоции заключают в себе выступание румянца на лице, вздохи, смех, внутреннее свечение, всевозможные висцеральные ощущения и ощущения инстинктивных мышечных напряжений, связанные с нашими бесчисленными экспрессивными общественными поступками. Эти переживания между тем вызываются ситуациями, которые во всех случаях сущностно подразумевают вышеупомянутый контраст между нашими собственными идеями, желаниями и значениями и мысленно представленными состояниями других умов. Следовательно, эти эмоциональные состояния ассоциируются как вариации общей восприимчивости, во-первых, с социальными ситуациями, т.е. со случаями, где резко противопоставлены Эго и не-Эго, и, во-вторых, с Эго – членом этого отношения противопоставления. И таким образом, всецело в силу привычки, эти эмоции, которые при первом их пробуждении были бы просто содержанием, не принадлежащим ни Эго, ни не-Эго, становятся особыми эмоциями самосознания, так что теперь, когда бы у нас ни появля-

лись эти самые эмоции и какова бы ни была причина их появления, мы сразу же остро себя сознаем – и происходит это попросту потому, что эмоции, о коих идет речь, слабо или остро предполагают особые социальные ситуации. Эмоции, у которых не было подобной постоянной связи с социальными ситуациями, не заключают в себе таких отчетливых состояний самосознания. Страх перед физическими опасностями обычно уменьшает наше самосознание; стыд его усиливает. Вместе с тем острый физический страх как более примитивная эмоция предполагает более обширные потрясения общей восприимчивости, чем стыд. Следовательно, если бы отчетливое наличие или изменение общей восприимчивости в сознании было единственной и достаточной причиной наличия или изменения непосредственного, или чувственного Эго человека, то физический испуг делал бы человека более самосознательным, чем стыд. Но панический страх в самых сильных осознанных его формах заключает в себе скорее разрушение самосознания, нежели его позитивное изменение; а самый беспросветный стыд тем интенсивнее становится самосознательным, чем он отчетливее. Почему так? Потому что стыд, привычно ассоциируемый только с социальными ситуациями, предполагает их даже тогда, когда он патологический и не обусловлен ими; и, стало быть, он доводит до сознания контраст Эго и не-Эго.

Так, следовательно, я предлагаю объяснить то, с чем, по видимому, обычно не способны работать нынешние теории самосознания, а именно – тот ранее упомянутый факт, что некоторые патологические изменения общей восприимчивости глубоко меняют тон или состав самосознания пациента, в то время как другие, столь же интимные и масштабные, либо оставляют самосознание относительно нетронутым, либо просто полностью выводят его из поля зрения, не вмешавшись вначале в его целостность. Когда у человека колики, он не говорит: «Мое Эго выведено из равновесия». Его описание этого случая гораздо менее метафизично. Но когда, как при упадке сил после гриппа, у него появляются некоторые куда более смутные и неуловимые изменения в общей восприимчивости, он может жаловаться именно на такое чувство отчужденности от самого себя. Почему? Я бы сказал, что колики не навевают ему никаких мыслей о социальной ситуации, тогда как смутная депрессия после гриппа может, в силу привычки, ис-

подволь внушить мысли о ситуациях социальной неудачи, растерянности или бессилия вроде тех, что с чувствительного детского возраста и до сего дня играли свою роль в его жизни. Это внушение может быть едва заметным и совершенно абстрактным. Никакая конкретная неудача, никакой отдельный случай социальной беспомощности не приходят на ум. Но наши зарождающиеся ассоциации могут присутствовать во всех степенях малозаметности, а здесь, утверждаю я, речь идет об ассоциациях, смутно предполагающих социальные контрасты между Эго и не-Эго. Здесь, следовательно, содержатся условия для функции самосознания.

Коль скоро эмоциональное изменение общей восприимчивости имеет, таким образом, самые разные привычные связи то с нашими несоциальными физическими состояниями как таковыми, то с социальными деятельностями, то нам понятно, как страдающий нервами может в один день говорить, что лично чувствует, что само его бытие потерпело крах, а самость потеряна или поблекла, а в другой – просто заявлять, что сильно страдает, но, думает, дело просто в физических неполадках, внешних для его сокровенной самости. В физических страданиях чувствительных женщин этот перенос укреплений врага из региона физических или психических мук, переживаемых просто как грубый факт, ненавистный, но все еще терпимый, в регион, где страдала жалуется на невыносимую потерю самообладания, является примечательно обычным и для самой страдала озадачивающим происшествием. И тут и там общая восприимчивость глубоко затронута, часто так, что это не удастся субъективно локализовать; а разница, полагаю, должна быть обусловлена зарождающимися ассоциациями общей восприимчивости в одном случае с идеями социальных ситуаций, в другом – с идеями несоциальных телесных событий. Некоторые люди, страдающие хронической неврастенией, несмотря на головные боли, боли в спине и несметное множество других искажений в ощущениях, годами сохраняют удивительное владение собой перед лицом своего расстройств; очень многие другие нервические страдалцы того же общего типа в плане самосознания совершенно малодушны и жалки. Нельзя утверждать, что последний класс более ненормален с точки зрения общей восприимчивости, чем первый. Но многие неврастеники реально мало на что жалуются, *кроме* невыразимой в словах несчастья своего расстро-

енного самосознания. Как можно объяснить такие явления, не прибегая к принципам привычки и ассоциации? Как бы там ни было, социальные привычки только что обозначенного типа сразу дают *vera causa* для интерпретации некоторых сенсорных нарушений как изменений самосознания, прочие же нарушения, столь же большие и неясные, истолковываются страдальцем как всего лишь внешние события. Разумеется, мы пока еще не можем дать исчерпывающую классификацию изменений общей восприимчивости, разбивающую их на те, которые тесно ассоциируются с социальными ситуациями, и те, которые с ними не ассоциируются или слабо ассоциируются; тем не менее, контраст физического страха и стыда уже показал нам, что такую классификацию при старании можно было бы более или менее разработать. Например, мы знаем, что сексуально окрашенные эмоции, как правило, имеют очень сложные социальные ассоциации. Следовательно, можно ожидать, что расстройства самосознания будут в особенности обнаруживаться при расстройствах, затрагивающих сексуальные функции. Это ожидание, похоже, обильно подтверждается фактами, даже в обычных случаях расстройств, которые учитель порой может видеть так же хорошо, как и врач; а если нужно больше подтверждений, то можно раздобыть их, при желании, в монументальных записях, наполняющих широко известную жуткую книгу Крафт-Эбинга¹. С другой стороны, человек, который страдает от эмоциональных состояний, сопровождающих обычное физическое истощение, или даже от каких-то форм грусти, или от сильной простуды, не дающей той формы упадка сил, которую ныне связывают с гриппом, или даже от каких-то форм сильной головной боли, часто удивляется, сколько мук и эмоциональных перепадов можно вынести без сколько-нибудь сопоставимых изменений самосознания. И эти состояния – как раз такие формы сознания, которые не связаны очень тесно с социальными ситуациями. Наконец, эмоции, связанные со смехом, дают для нашей цели почти идеальный естественный эксперимент. Есть три основных вида смеха: смех от простой физической радости, какой очень часто бывает у детей, меньше у взрослых, презрительный смех и смех из чувства юмора. Первый не

¹ Рус. пер.: Крафт-Эбинг Р. Половая психопатия. – Москва: Книжный Клуб Книговек, 2013. – Прим. пер.

особенно самосознателен; смех презрения же и смех из чувства юмора всегда остро самосознательны и заключают в себе то, что Гоббс называл «внезапной славой в нем, которая смеется». Эмоции двух последних типов предполагают социальные ситуации, наличествующие или предполагаемые. У меня не будет времени пространно осветить применение предложенного анализа к изучению ассоциативных изменений социально окрашенного самосознания при подлинной меланхолии, мании или возбуждении общего паралича. Но упоминание такого изменения Я сразу приводит нас к следующей, финальной стадии нашего исследования.

IV

До сих пор я говорил о самосознании, как оно проявляется в более или менее эксплицитно социальных отношениях. Кто-то, возможно, скажет на это: «Разве мы не самосознательны в свое удовольствие, когда совершенно одни? Разве не думаем о самих себе, не судим самих себя? Разве уединенная медитация избавлена от самосознания? Разве совесть не самосознательное дело? И разве в подобных случаях Эго противопоставляется какому-то, в буквальном смысле, не-Эго? Не связано ли Эго отчетливо в таких процессах попросту с Эго самим по себе? И не присутствуют ли в феноменах безумия многочисленные изменения именно этого чисто внутреннего самосознания?» Сразу же отвечу, что моя теория в том и состоит, *что привычки, однажды приобретенные в социальном взаимодействии, могут иметь и имеют власть над нами, когда мы одни, и могут затем применяться в содержании нашего собственного ума.* Переход здесь простой. Сперва я могу драматически вспомнить свои действительные прошлые подражательные поступки, свои ссоры, свои социальные успехи, свои огорчения, свои вопрошания, свои критические выпады в адрес других и воздействия других на меня. Во всех подобных случаях в памяти я снова самосознателен, в силу уже известного нам эффекта противопоставления. Затем, как мы только что увидели, мои эмоции могут смутно намекнуть на социальные ситуации, сколько угодно неопределенные по характеру. Путем слияния обширная группа социальных привычек оценивания других и чувствования самого себя, оцениваемого ими, могут сплестись в сложный продукт, та-

кой как моя теперешняя совесть. Совесть – это прочная система социально усвоенных привычек оценивания поступков, система, устроенная так, чтобы легко выводиться в осознанное присутствие появлением идеи любого акта, воспринятого с долей колебания. Если совесть пробуждается в присутствии такого колеблющегося желания действовать, то у человека, сугубо в силу социальной привычки, возникает склонность представить как тенденцию к действию, так и диспозицию к его оцениванию, находящиеся друг с другом в знакомом нам уже отношении Эго и не-Эго. Что из этого предстанет как Эго, а что – как не-Эго, зависит от того, что в большей степени завладеет в поле сознания общей восприимчивостью. Если склонность к оцениваемому акту – наполненная страстью склонность, сильное искушение, а совестливое суждение – дело холодного интеллекта, то тогда ситуация смутно напоминает мне случаи, когда другие люди, скорее авторитетные и достойные, чем приятные, порицали мои желания. Совесть оказывается более холодным не-Эго, голосом человечества или Бога. Моя общая восприимчивость сливается с моей страстью. Порицание, возможно, позорит меня; тем не менее я хочу поступить по-своему; только этот другой, это авторитетное внутреннее не-Эго, моя совесть, не позволяет мне дать себе волю. Но если, с другой стороны, задуманный акт не столь остро желаем, а совестливые намерения в моем уме прямо сейчас полны пылкового энтузиазма или суровой решимости, то именно моя совесть соединяется с моей общей восприимчивостью, и сам я теперь в присутствии задуманного акта явлен как судящий другой. В таком случае я чувствую себя уверенно в своей правоте и смотрю с пренебрежением на то, что соблазнило бы меня, будь я слабее, но что теперь является всего лишь не-Эго. Так же, благодаря драматической имитации не действительных, а абстрактно возможных социальных связей, я могу задавать себе вопросы и ожидать ответа, могу размышлять над тем, что я значу, могу восхищаться собой, любить себя, ненавидеть себя, смеяться над собой, короче говоря, делать или претерпевать в присутствии собственных состояний и процессов все, что социальная жизнь научила меня делать или претерпевать в присутствии состояний и процессов других. В каждом таком случае центральное Эго входит в мой сознательный процесс постольку, поскольку стремится больше слиться с общей восприимчивостью.

Мое внутреннее, но более периферийное, относительное не-Эго входит в мой сознательный процесс постольку, поскольку стремится больше походить – по интересу, общей тональности или неконтролируемой неожиданности – на переживания, которые в обыденной социальной жизни обусловлены другими людьми. И все же, поскольку все эти внутренние контрасты постоянно корректируются моими привычками внешнего восприятия и памяти, которые напоминают мне все это время о буквальном не-Эго вне всех этих процессов, это внутреннее разделение остается в нормальном случае только, как говорил профессор Лэдд, драматическим – своего рода метафорой, которую я могу при желании скорректировать, сказав в любой момент: «Но все это – в конце концов, просто Эго. Реальное не-Эго – это мир живых других людей вон там».

Таким образом, нормальная внутренняя жизнь рефлексии, совести, размышления и так называемого «духовного Эго» вообще – это у нас, людей, просто имитация, краткая выжимка и резюме нашей буквальной социальной жизни. У нас нет привычек самосознания, которые не были бы производны от социальных привычек, не были бы их аналогами. Там, где заканчивается аналогия с нашими отношениями с другими людьми, исчезает и рефлексия. Этим именно и задается ограниченность наших рефлексивных процессов в философии и в психологии.

Но, разумеется, если этим суммируются условия нашего нормального самосознания, когда мы мыслим в одиночку, то это также открывает простор для бесконечно многих аномальных вариаций. Допустим, в поле сознания появляются галлюцинации мышечных ощущений вроде тех, что хорошо описаны в известной монографии Крамера. Пусть это будут моторные речевые галлюцинации. Здесь пациент может замечать озадачивающее его явление, что всякий раз, когда он думает, проявляется какая-то таинственная тенденция, нацеленная на объективацию его мыслей в произносимых словах. Кто-то или что-то либо вынимает его мысли из него и озвучивает их, либо заставляет его самого помимо воли их произносить. Мысли принадлежат ему. Озвучивание их при этом ему не принадлежит. Его мысли слетают с его языка, произносятся в его желудке, выскрипываются в его туфлях, когда он идет, передразниваются эхом или комментируются какой-то другой силой. Эта другая сила, это похищение его мыслей предпо-

лагают, конечно, глубокое нарушение его самосознания, стремящееся к постепенному перерастанию в регулярную систему бредовых идей. Но что этот процесс означает? Первым делом он означает просто появление неконтролируемых элементов сознания, которые благодаря привычкам, связанным с неконтролируемым вообще, не могут влиться в общую восприимчивость и которые, одновременно, находятся в проблематичной и болезненно тесной связи с тем, что он распознает как свое. Этой чуждой силе не нужно долгое время вести себя *достаточно* похоже на истинный голос другого, чтобы стать подлинным галлюцинаторным другом или врагом, чем она должна становиться и становится, если пациент слышит ее голоса, не распознавая их тесную связь со своим потоком мышления. Но в этом неконтролируемом галлюцинаторном мышлении вслух присутствует достаточно внушения чужеродного, чтобы дать пациенту почувствовать, что его собственные мысли каким-то образом отчуждаются от него. То, что это его мысли, он поначалу знает благодаря общим контрастам между реальным Эго и реальным не-Эго, все еще наличествующим для него. То, что они от него отчуждаются, он знает, ибо для кого угодно это относительное не-Эго, ведущее себя более или менее так же, как и его исходное социальное не-Эго, т.е. компаньон в обществе. Эго поведение относительно неконтролируемо; и так же ведут себя мысли пациента.

Или, опять же, предположим, что чье-то подавленное эмоциональное состояние, как при меланхолии или в самом начале бреда подозрительности или преследования, содержит эмоции, напоминающие нормальные эмоции совестливой вины или ощущение социального ужаса. Тогда эти чувства стремятся ассимилироваться с действительными окружениями человека или его воспоминаниями, данностями, внушающими одному пациенту мысли о действительном, по его мнению, социальном осуждении его поступков или о действительной оценке, вынесенной его внутренней совестью в отношении его греховности; другому же пациенту его особого рода эмоции внушают мысль об особенно враждебном обследовании его внешнего вида прохожими или внутреннее чувство, что он должен спрятаться от такого обследования. С другой стороны, человеку, пораженному общим параличом, совершенно противоположные чувства внушают в момент экзальтации мысли

о любых вспомненных или нафантазированных социальных связях, выражающих его обширные способности, которые осколки остаточных социальных привычек, еще сохраняющиеся в его хаосе, позволяют ему походя выразить.

Или, к примеру, другому пациенту в сознании явлены два или более потока чувств, импульсов, мыслей, резко контрастирующих друг с другом, в то время как в каждом потоке части более или менее связаны друг с другом за счет общих содержаний или тональности. Все эти потоки принадлежат его общему Эго, которое он распознает благодаря нормальному контрасту с действительным внешним миром. Но вместе с тем в них имеется внутренний контраст, уже не являющийся, подобно упомянутым контрастам нормального сознания, источником просто драматической метафоры. Этот аномальный контраст интенсивен, неконтролируем, непрерывен. Допустим, рефлексии или контекст этих потоков таковы, что так или иначе напоминают пациенту о какой-либо социальной связи, состязании, соперничестве, ссоре, критике, жалости, вопрошании, обсуждении, и тогда пациент может лишь сказать: «Во мне два или больше Я, я разделен». Если один из потоков включает в себе больше общей восприимчивости, чем другие, или больше чувства контроля, то пациент может сказать о менее предпочтительных потоках как о других Я или как о «Ком-то Другом» без полноценно развившейся иллюзии реального внешнего угнетателя. И во всем этом будут просто ассоциации идей, просто социально приобретенные привычки – никаких новых мистерий самости вообще. А сколь сложным может быть физический и психологический фон таких аномальных привычек, я попытаюсь в заключение проиллюстрировать на одном конкретном примере.

(Окончание следует)

*Пер. с англ. В.Г. Николаева**

* Николаев Владимир Геннадьевич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; vnik1968@yandex.ru

Nikolaev Vladimir Gennad'evich – Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; vnik1968@yandex.ru

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Информационно-аналитический журнал
Серия 11

СОЦИОЛОГИЯ
2024 № 1

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор Д.Г. Валикова

Подписано к печати 14.06.2024 г.

Формат 60×84/16	Бум. офсетная №1
Печать офсетная	Цена свободная
Усл. печ. л. 12,0	Уч.-изд. л. 10,4
Тираж 300 экз.	Заказ №
(1–110 экз. – 1-й завод)	

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения изданий
Тел.: (925) 517-36-91
e-mail: inion-print@mail.ru

Отпечатано в типографии
АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект,
д. 42, корп. 5, к. 6

